

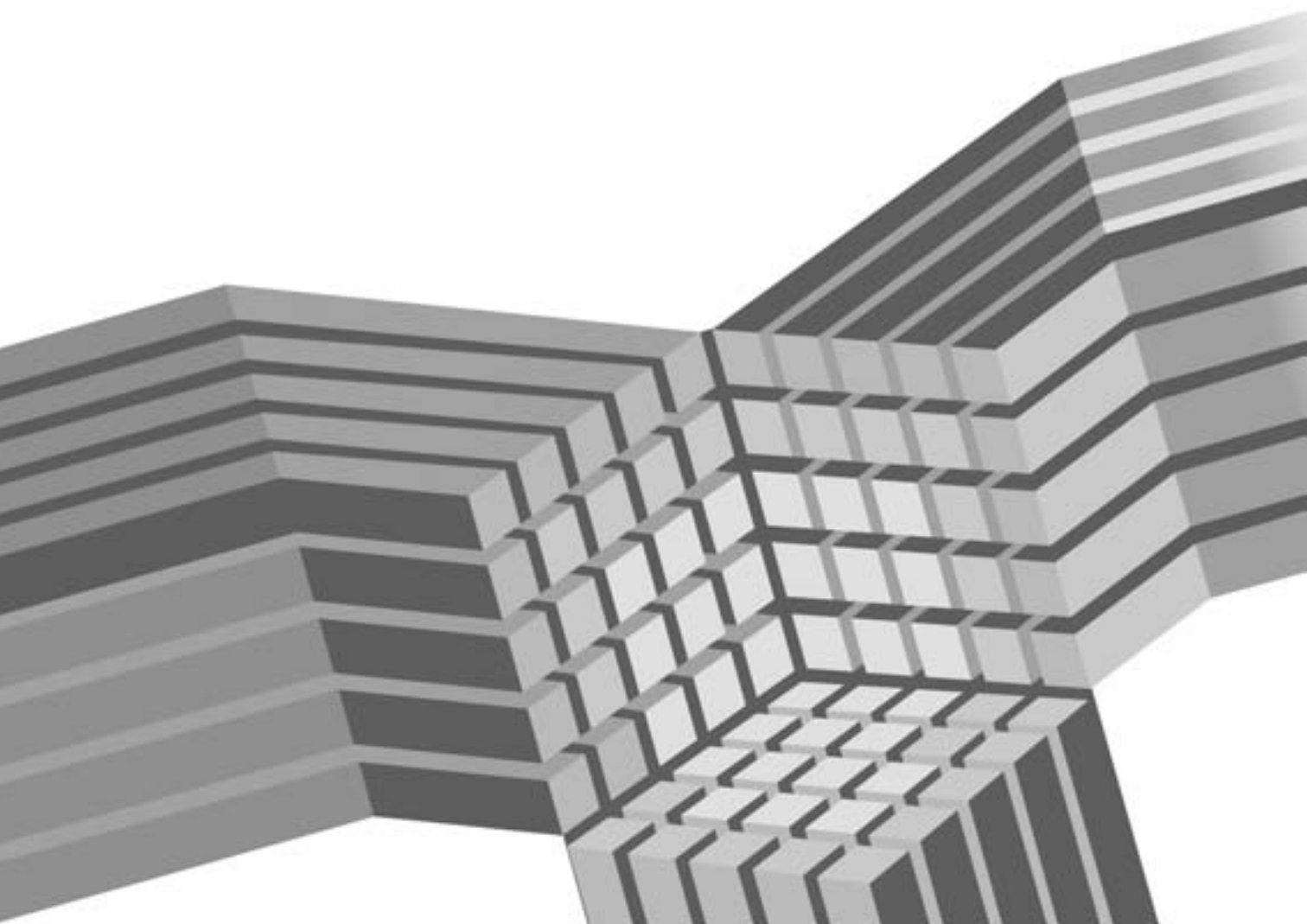
ISSN 2072-3156 (PRINT)
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 15

4/2018

OBSERVATORY
OF CULTURE



РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Отдел периодических изданий
Российской государственной библиотеки

Никонорова Екатерина Васильевна,
главный редактор, доктор философских
наук, профессор
Шибалева Екатерина Александровна,
заместитель главного редактора —
ответственный секретарь
Гаджиева Анна Аркадьевна,
заместитель заведующей отделом
периодических изданий — заместитель
главного редактора

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Астафьева Ольга Николаевна,
доктор философских наук, профес-
сор, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Москва)
Дианова Валентина Михайловна,
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург)
Дуков Евгений Викторович,
доктор философских наук, кандидат
искусствоведения, профессор, Госу-
дарственный институт искусствознания
(Москва)
Егоров Владимир Константинович,
доктор философских наук, кандидат
исторических наук, профессор, заслу-
женный деятель науки Российской Феде-
рации, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Москва)
Зверева Галина Ивановна,
доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный гуманитар-
ный университет (Москва)
Кириллова Наталья Борисовна,
доктор культурологии, профессор,
Уральский федеральный университет
им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
Любимов Борис Николаевич,
кандидат искусствоведения, заслужен-
ный деятель искусств Российской Феде-
рации, профессор, Высшее театральное
училище (институт) им. М.С. Щепкина
(Москва)
Никонорова Екатерина Васильевна,
главный редактор, доктор философских
наук, профессор, Российская госу-
дарственная библиотека (Москва)
Разлогов Кирилл Эмильевич,
доктор искусствоведения, профессор,
НИИ киноискусства, Всероссийский
государственный университет кинемато-
графии им. С.А. Герасимова (Москва)
Рубинштейн Александр Яковлевич,
доктор философских наук, кандидат
экономических наук, профессор, за-

служенный деятель науки Российской
Федерации, Институт экономики РАН,
Государственный институт искусствозна-
ния (Москва)
Румянцев Олег Константинович,
доктор философских наук (Москва)
Рязанова-Кларк Лара,
PhD по филологии, член Королевского
лингвистического общества, Центр
русской культуры им. Е. Дашковой, Эдин-
бургский университет (Великобритания)
Самарин Александр Юрьевич,
доктор исторических наук, доцент,
Российская государственная библиотека
(Москва)
Синецкий Сергей Борисович,
доктор культурологии, доцент, Челяби-
нский государственный институт культуры
(Челябинск)
Сиповская Наталья Владимировна,
доктор искусствоведения, Государствен-
ный институт искусствознания (Москва)
Федоров Виктор Васильевич,
председатель Редакционного совета, кан-
дидат экономических наук, Российская
государственная библиотека (Москва)
Фёрингер Маргарет,
PhD по истории искусств, Центр лите-
ратурных и культурных исследований
(Берлин, Германия)
Флиер Андрей Яковлевич,
доктор философских наук, профессор,
почетный работник высшего профес-
сионального образования Российской
Федерации, Российский научно-иссле-
довательский институт культурного и
природного наследия им. Д.С. Лихачева
(Москва)
Хромов Олег Ростиславович,
доктор искусствоведения,
действительный член Российской
академии художеств, Московская Ду-
ховная академия Русской Православной
Церкви (Сергиев Посад)
Шлыкова Ольга Владимировна,
доктор культурологии, профессор,
Арктический государственный институт
культуры и искусств (Москва, Якутск)
Штейнер Евгений Семенович,
доктор искусствоведения, Национальный
исследовательский университет Высшая
школа экономики (Москва); Центр по
изучению Японии при Школе востоко-
ведения и африканистики Лондонского
университета (Великобритания)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Отдел периодических изданий
Воздвиженка ул., д. 3/5,
Москва, 119019, Россия
тел.: +7 (499) 557-04-70,
доб. 11-75
e-mail: observatoria@rsl.ru
http://observatoria.rsl.ru

EDITORIAL BOARD

Editor in Chief

Ekaterina V. Nikonorova,
Doctor of Philosophical Sciences

Deputy Editors in Chief

Ekaterina A. Shibaeva
Anna A. Gadzhieva

EDITORIAL COUNCIL

Olga N. Astafieva (Moscow)
Valentina M. Dianova (St. Petersburg)
Evgeny V. Dukov (Moscow)
Vladimir K. Egorov (Moscow)
Galina I. Zvereva (Moscow)
Natalia B. Kirillova (Ekaterinburg)
Boris N. Lyubimov (Moscow)
Ekaterina V. Nikonorova (Moscow)
Kirill E. Razlogov (Moscow)
Alexander Ya. Rubinstein (Moscow)
Oleg K. Roumyantsev (Moscow)
Lara Ryazanova-Clarke (Edinburgh, UK)
Aleksandr Yu. Samarin (Moscow)
Sergey B. Sinetskii (Chelyabinsk)
Natalia V. Sipovskaya (Moscow)
Victor V. Fedorov (Moscow)
Margaret Vöringer (Berlin, Germany)
Andrei Ya. Flier (Moscow)
Oleg R. Khromov (Sergiev Posad)
Olga V. Shlykova (Moscow, Yakutsk)
Evgeny S. Steiner (Moscow, Russia; London, UK)

Certificate of the mass information media registration

ПИ № 77-16687, date 10.11.2003
Published since 2004

Founder and Publisher

Russian State Library

Address

Journal Publishing Department
Vozdvizhenka St., 3/5
Moscow, 119019, Russia
tel.: +7 (499) 557-04-70, ext 11-75
e-mail: observatoria@rsl.ru
http://observatoria.rsl.ru

ISSN 2072-3156 (PRINT)
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 15 4/2018 OBSERVATORY
OF CULTURE

Научный рецензируемый журнал «Обсерватория культуры» издается Российской государственной библиотекой с 2004 года. С 2016 г. выпускается в томах, введена сквозная нумерация страниц. 2018 год является 15-м годом выхода издания, что отражается в номере тома.

«Обсерватория культуры» публикует оригинальные, не издававшиеся ранее научные статьи и иные материалы научного характера по культуре и искусству в соответствии с тематикой основных разделов по следующим отраслям науки и группам специальностей:

- ◆ 09.00.00 Философские науки;
- ◆ 17.00.00 Искусствоведение;
- ◆ 24.00.00 Культурология.

С 2007 г. входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации.

Включен в Российский индекс научного цитирования и публикует в открытом доступе метаданные статей и списки источников на русском и английском языках.

Официальный сайт: <http://observatoria.rsl.ru/>

The peer-reviewed scholarly journal «Observatory of Culture» has been published by the Russian State Library since 2004. In 2016, the journal started to be issued in volumes with continuous page numbering. 2018 is the 15th year of the journal's publishing, which is indicated in the number of volume.

The Editorial Staff accepts only original research papers and other research materials on culture and arts, which have never been published elsewhere and comply with the main subject sections. The main researching areas of the journal are:

- ◆ Philosophical Science;
- ◆ Art Studies;
- ◆ Cultural Science.

For more information, see the official site of the journal:
<http://observatoria.rsl.ru/>



КОНТЕКСТ

- Ройфе А.Б.** Векторная концепция истории
М.С. Кагана в контексте мировой
и отечественной историографии388
- Ярославцева Е.И.** Наука как игра
естественного интеллекта.....402
- Алексеев-Апраксин А.М., Богданова Р.Ю.**
Кластерный подход в отечественной
урбанистике413

КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

- Злотникова Т.С., Летина Н.Н.** Российский
дискурс массовой культуры в фокусе
социокультурного исследования.....422
- Алабдалла Н.** Формирование речевой
культуры арабского театра в контексте
языковой ситуации436

В ПРОСТРАНСТВЕ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- Ушкарёв А.А.** Аудитория художественного музея:
аргументы потребительского выбора444
- Шогенова Л.А.** Особенности
социальной коммуникации и этикета
в китайской культуре: традиционные
основы и современность.....460

НАСЛЕДИЕ

- Панкина Е.В.** Музыкальная иконография
частных покоев studiolo и grotta
Изабеллы д'Эсте468
- Научное цитирование: РИНЦ, Web of Science,
Scopus.....479

ИМЕНА. ПОРТРЕТЫ

- Ломоносов А.В.** Эпистолярный
контрапункт в полемических произведениях
В.В. Розанова (по материалам отдела
рукописей Российской государственной
библиотеки)480

КАФЕДРА

- Гнатик Е.Н.** Роль информационных
технологий в культурном пространстве
высшего образования:
миф и реальность490

ORBIS LITTERARUM

- Зайцев В.С.** Для кого писал А.П. Чехов?
Истинное и ложное в актуализации
классики502

К сведению авторов

- Требования к информации и статьям,
предоставляемым для публикации
в журнале «Обсерватория культуры»512

CONTENTS



CONTEXT

- Royfe A.B.** M.S. Kagan's Vector Concept
of History in the Context of World and Russian
Historiography388
- Yaroslavtseva E.I.** Science as a Game
of Natural Intelligence402
- Alekseev-Apraksin A.M., Bogdanova R.Yu.**
The Cluster Approach in Russian
Urban Studies413

CULTURAL REALITY

- Zlotnikova T.S., Letina N.N.** Russian Discourse
of Mass Culture in the Focus of Socio-Cultural
Research.....422
- Alabdalla N.** Formation of Arabic Theatrical
Speech Culture in the Context of Language
Situation436

IN SPACE OF ART AND CULTURAL LIFE

- Ushkarev A.A.** Art Museum Audience:
The Arguments of Consumer Choice.....444
- Shogenova L.A.** Features of the Social
Communication and Etiquette
in Chinese Culture: The Traditional
Basics and Modernity460

HERITAGE

- Pankina E.V.** The Musical Iconography
of the Private Chambers of Studiolo
and Grotta of Isabella d'Este 468
- Science Citation: Russian Science Citation Index,
Web of Science, Scopus479

NAMES. PORTRAITS

- Lomonosov A.V.** The Epistolary
Counterpoint in V.V. Rozanov's
Polemic Works (On the Materials
of the Manuscripts Department
of the Russian State Library).....480

CURRICULUM

- Gnatik E.N.** The Role of Information
Technology in the Cultural Space
of Higher Education:
Myth and Reality490

ORBIS LITTERARUM

- Zaitsev V.S.** Whom Did Anton Chekhov
Write For? The False and Truth in Classics
Actualization502

Information for Authors

- Requirements to Information and Articles
Submitted for Publication in Observatory
of Culture Journal512

УДК 930.1(47+57)"19"

ББК 63.1(2)6

DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-4-388-401

А.Б. РОЙФЕ

ВЕКТОРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ М.С. КАГАНА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Августа Борисовна Ройфе,

Научно-образовательное культурологическое
общество,

Московское отделение,

эксперт

Реки Мойки наб., д. 48/2,

Санкт-Петербург, 191186, Россия

кандидат философских наук, доцент

E-mail: avgousta@mail.ru

Реферат. Для западной историографии Нового и Новейшего времени характерен поиск единых оснований и логики мировой истории. Активные поиски новой исторической парадигмы идут и в России на рубеже XX–XXI веков. Данной актуальной теме и посвящена статья. Ее новизна заключается в рассмотрении ори-

гинальной концепции историко-культурного процесса известного советского и российского ученого Моисея Самойловича Кагана (1921–2006). В его теории человечество представлено как единый социальный субъект, история становления и развития которого анализируется в рамках системно-синергетического подхода, позволяющего доказательно представить и обосновать историческую логику в рамках векторного многовариантного развития. М.С. Каган выделял три вектора развития человечества, основанных на разных типах хозяйствования: скотоводческий, земледельческий и «персоналистский» (т. е. торгово-ремесленный в традиционном обществе, превратившийся в торгово-промышленный в Новое время). Тип деятельности, лежащий в основании различных типов культуры, предопределен природными условиями, в которых жил тот или иной народ. Разные культуры идут

в своем развитии по трем векторам с возможностью перехода с одного вектора на другой. В исторической долгосрочной ретроспективе земледельческий тип хозяйствования оказался более перспективным, чем скотоводческий, но и он, несмотря на тысячелетия своего стабильного существования, уступил «пальму первенства» «персоналистскому» типу культуры, который характеризует сегодня большинство государств. Концепция М.С. Кагана рассмотрена в статье в контексте зарубежных и отечественных теорий историко-культурного и цивилизационного развития. Показаны положительные и отрицательные оценки данной концепции, вызвавшей оживленные научные споры и дискуссии.

Ключевые слова: М.С. Каган, системный подход, синергетика, история, философия истории, философия культуры, история культуры, концепции развития цивилизаций, отечественные теории всемирной истории, векторная теория М.С. Кагана.

Для цитирования: Ройфе А.Б. Векторная концепция истории М.С. Кагана в контексте мировой и отечественной историографии // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 388–401. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-388-401.

Осмысление исторических закономерностей социокультурных процессов на протяжении веков было неотъемлемой составляющей мировой гуманитарной мысли, как сугубо исторической, так и философской. Рефлексия такого типа является показателем высокого уровня общественного сознания: возникновение и развитие отечественной истории есть следствие формирования национального самосознания. Стремление увидеть логику развития человечества в целом в рамках всеобщей истории свидетельствует как о потребности ученых в осмыслении того места, которое российский народ или страна занимают относительно других народов или стран, так и о формировании единого человечества как субъекта познания, хотя последняя позиция характеризует далеко не все научные теории.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

В гуманитарной мысли широкой известностью пользуются несколько основных подходов, которых придерживается большинство ученых — историков, культурологов, социологов. Поскольку теории, упомянутые ниже, исследовались многими учеными, мы не останавливаемся на них подробно, давая лишь самую общую характеристику.

I. Линейное развитие человечества. Подобная позиция представлена в двух вариантах: регрессивное и прогрессивное развитие.

Регрессивный взгляд на историю характерен для традиционного религиозного сознания. Так, в индуизме считается, что вся история мироздания делится на несколько «юг» (этапов), и сейчас мы живем в «кали-юге» — по сравнению с предыдущими, наиболее грубом, жестоким и бездуховном периоде. Теория регресса была характерна и для античности — «золотой век» был в прошлом, а люди античности жили в «железном» — яркими примерами художественной переработки этих идей являются «Труды и дни» Гесиода и «Метаморфозы» Овидия...

Прогрессивный взгляд на историю стал формироваться в эпоху Просвещения, предполагалось, что история развивается линейно и последовательно, проходя определенные, характерные для всех народов стадии. Теории прогресса придерживались многие мыслители Нового времени: Дж. Вико, И.Г. Гердер, Н. де Кондорсе, О. Конт, наконец, К. Маркс...

II. Циклическое развитие цивилизаций. К данному направлению относится множество концепций зарубежных и отечественных ученых, наиболее яркими представителями которых являются О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.Я. Данилевский. В рамках этого подхода цивилизации рассматриваются как биологические организмы, переживающие стадии рождения, расцвета и смерти. Разные ученые выделяют различные типы цивилизаций и характеризуют их по отдельности, вне связи друг с другом, таким образом история человечества предстает не как единый процесс, а как набор замкнутых культурных моделей.

III. Волновое (циклически-волновое) развитие цивилизаций. В данном подходе ученые в качестве факторов волновой динамики выделяют либо физические, либо социокультурные.

К первым относится А.Л. Чижевский, докторская диссертация которого «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса» (1918) и последующее издание «Физические факторы исторического процесса» (1924) были посвящены воздействию колебаний солнечной активности на исторические события. Отчасти к волновым теориям можно отнести совсем не научные, но существующие в интеллектуальном пространстве нашей культуры астрологические теории, которые объясняют логику исторического развития человечества через движение звезд, планет и созвездий.

Ко вторым можно отнести ученых первой половины XX в. — социолога П.А. Сорокина и экономиста Н.Д. Кондратьева. Согласно П.А. Сорокину, существует несколько культурно-исторических типов, которые с разной последовательностью сменяют друг друга. Н.Д. Кондратьев выявил экономическое волновое развитие, основываясь на обширных статистических данных (в 1920-е гг. он возглавлял Конъюнктурный институт при Наркомате финансов СССР).

Среди прочих общетеоретических подходов к истории можно встретить спиральный, ризомный, мир-системный [1–5].

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУБЕЖА XX—XXI ВЕКОВ

В России на протяжении советской эпохи, по меткому выражению А.П. Назаретяна, «неприступной цитаделью “социального оптимизма” оставалась марксистская школа обществоведения» [6, с. 52], в том числе на историко-философских схемах К. Маркса была основана и советская историческая теория. Выделяя в качестве формаций развития человечества первобытную, рабовладель-

ческую, феодальную, капиталистическую, он дополнил их «азиатским способом производства», и в советские годы ученые-гуманитарии были вынуждены разрабатывать свои концепции с опорой на эту схему. Крушение Советского Союза повлекло за собой отказ от сопутствующей ему идеологии, в том числе в науке, одним из проявлений которого стало то, что историки, философы, культурологи перестали придерживаться формационной теории. Отсутствие основополагающей концепции в области истории развития человечества, или, по словам Н.А. Хренова, «повсеместно ощущаемый кризис исторической науки, а соответственно, и прежних научных представлений об истории» [7, с. 213], спровоцировало многочисленные поиски в отечественной науке — как сугубо научные, так и околonaучные и лженаучные.

В сфере маргинального историографического фантазирования, начиная с последнего десятилетия XX в., стали активно развиваться три направления: альтернативная история, псевдоистория и криптоистория [8]. В первом случае анализировались возможные, но не состоявшиеся пути исторического развития — данные теории разрабатывались хоть и на периферии, но в пределах официальной исторической науки. Особое внимание отечественных ученых привлекали значительные моменты в истории нашей страны: восстание декабристов, революция, Вторая мировая война. Криптоистория и псевдоистория в официальную науку не вписывались. Представители криптоистории занимались поисками тайных причин исторического процесса, а псевдоистории — отвергали принятую в исторической науке хронологию и предлагали собственную, либо удлиняя ее (общечеловеческую — до атлантов, русскую — до этрусков), либо укорачивая (такова «новая хронология» Г.В. Носовского, А.Т. Фоменко и их последователей), что вызывало однозначно отрицательную реакцию со стороны научного сообщества.

Но оставим в стороне неформальные изыскания в области истории — их существование важно для нас, поскольку демонстрирует значительный интерес со стороны общества и к истории человечества в целом, и к истории Отечества в частности.

Естественно, что в рамках официальной науки — истории, философии истории, культурологии — стали складываться новые подходы, пересматривающие, по-новому систематизирующие известные исторические факты и события, вписывающие их в структуры новых исторических схем, которые чаще всего разрабатывались с опорой на существующие и авторитетные исторические концепты. Причем для ученых важно не только переосмысление прошлого, но и выработка новых прогностических позиций. В нашей стране прогностика была широко представлена еще в советский период. Как самостоятельное научное направление она существует и сегодня, но совершенно иные горизонты перед этой наукой открываются в условиях выработки новых исторических концепций, в которых прошлое существует в неразрывной связи с будущим в рамках единых теоретических схем социокультурной динамики. В значительной мере данный подход характерен для таких направлений научной мысли, как синергетика и Школа русского циклизма.

I. В исторических изданиях Российской академии наук была представлена пересмотренная концепция истории человечества, ярким ее примером можно считать современное издание Всемирной истории, подготовленное Институтом истории РАН. В статье Л.П. Репиной «Цивилизационная парадигма в старых и новых моделях мировой истории» дана характеристика последнего издания «Всемирной истории», которое «должно иметь строгий научный характер и давать обновленное представление о мировой истории. Это должна быть всемирная история без европоцентризма с раскрытием культурно-исторических особенностей развития каждого региона и многовекового процесса расширения, углубления и переплетения связей между некогда обособленными народами и культурами, с установкой на сочетание глобально-цивилизационного подхода с антропологическим, придающим истории “человеческое измерение”... В основу структуры отдельных томов были положены ряды хронологических срезов, позволяющих дать панораму истории народов в их взаимодействии» [9, с. 16].

II. Сохраняет свою актуальность для отечественной науки рубежа XX—XXI вв. линей-

ный подход. К его последователям относится И.М. Дьяконов, излагающий свою концепцию в книге «Пути истории» и полагающий, что различные исторические фазы последовательно сменяют друг друга — от первобытности — к капиталистической и посткапиталистической [10].

III. Заметный вклад в переосмысление закономерностей историко-культурного процесса внесли приверженцы циклически-волновой теории. В Москве был создан Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, в рамках Российской академии естественных наук существует Отделение исследования циклов и прогнозирования, регулярно проводятся конференции, публикуются сборники и монографии. Представители Школы русского циклизма Ю.В. Яковец и Б.Н. Кузык следующим образом характеризуют данное направление: «Мы исходим из того, что история цивилизаций, отсчет которой мы ведем с неолитической революции, произошедшей около 10 тысяч лет тому назад, проходит периодические циклические колебания, заключающиеся в смене мировых цивилизаций, поколений локальных цивилизаций, исторических суперциклов в динамике глобальных цивилизаций. <...> Российскими учеными разработана и использована методология интегрального макропрогнозирования, базирующаяся на постиндустриальной научной парадигме, учитывающей ритм циклов, кризисов и инноваций в динамике социальных систем» [11, с. 8, 28—29].

IV. Особое место в ряду исторических концепций заняли векторные (многолинейные). Среди ученых, которые накладывали логику исторического процесса на графику такого подхода, можно назвать Д.И. Бондаренко, А.В. Коротаева, Н.Н. Крадина: изучая кочевые культуры, они пишут об «эволюционной интерпретации исторического процесса в ее многолинейной вариации» [12, с. 10]. Об истории как «многолинейном, многовариантном процессе» пишет и Л.И. Семеникова [13, с. 7].

Многолинейность актуальна также для ряда представителей синергетики. Синергетика — это междисциплинарный научный подход, изучающий многовариантное развитие сверхсложных саморазвивающихся систем. Проблемы социокультурного развития общества в синергетическом контексте изучались

в работах О.Н. Астафьевой [14], А.К. Астафьева, В.П. Бранского, К.М. Оганяна, С.Д. Пожарского [15–18], Т.Х. Дебердеевой [19], Т.В. Ильясовой [20], А.П. Назаретяна [6; 21], В.С. Стёпина [22]. Многие аспекты гуманитарной составляющей синергетики были предметом анализа в материалах сборника «Синергетическая парадигма», который с 2000 г. на протяжении ряда лет издавался в Москве.

ВЕКТОРЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ В СИСТЕМНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М.С. КАГАНА

Особое место среди ученых, использовавших синергетический подход, занимает советский и российский философ, эстетик, культуролог Моисей Самойлович Каган (1921–2006) [23–26]. Его научное наследие сложно переоценить: автор десятков книг, сотен статей, он внес весомый вклад в развитие многих отраслей гуманитарной науки, был Учителем для поколений отечественных ученых, многие из которых относят себя к Школе Кагана и в собственных научных разработках опираются на его труды. С 2006 г. по настоящее время на площадках различных вузов Санкт-Петербурга проводятся Кагановские чтения, в 2015 г. завершено издание семитомного собрания сочинений ученого [27].

Вопросы культуры и ее истории были всегда актуальны для М.С. Кагана. По его собственному свидетельству, «исследование закономерностей мирового историко-культурного процесса — это, в сущности, главная проблема всей моей научной жизни. набросок данной книги (имеется в виду «Введение в историю мировой культуры». — А. Р.) был сделан... в начале Великой Отечественной войны, когда я в рядах ленинградского ополчения под Петергофом охранял минные поля...» [28, с. 15]. И в дальнейшем вопросы истории культуры в той или иной степени поднимались в трудах М.С. Кагана, хотя основным направлением его научной деятельности долгое время оставалась эстетика.

В советские годы М.С. Каган, как и другие ученые-гуманитарии, в публикациях, затраги-

вающих историю человечества, придерживался марксистской формационной схемы. Именно данный подход представлен в двух коллективных монографиях (в которых были изложены теоретические, исторические, социальные аспекты функционирования художественной культуры в различных регионах), изданных в Ленинградском государственном университете в 1980-х годах. Научным редактором обеих был М.С. Каган: «Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование» [29] и «Художественная культура в капиталистическом обществе. Структурно-типологическое исследование» [30]. И до сих пор они не утратили своей актуальности. Однако формационный подход был творчески переработан, авторами поднимались и рассматривались спорные и сложные проблемы и противоречия исторического процесса.

В первой из упомянутых монографий автором главы «Принципы построения исторической типологии художественной культуры» был Б.М. Бернштейн, сопоставлявший синхронный (типологический) и диахронный (исторический) подходы к искусству, фиксирующий существование однотипных явлений в разные эпохи, многовариантное развитие однотипных явлений, параллелизм художественных форм, диффузное развитие искусства, затрагивавший другие проблемы, которые приобретут особую актуальность для синергетики в гуманитарной сфере рубежа XX–XXI веков. В заключение к той же монографии М.С. Каган, опираясь на формационный подход, предлагал собственный взгляд на него, говоря о «*неравном значении рабовладения и феодализма в историческом процессе: если феодализм был необходимым и неминуемым этапом социально-экономического, а значит и политического и общекультурного развития, то и рабовладение, и выделявшийся К. Марксом азиатский способ производства, были необязательными периодами общественного развития, которые многие страны Западной и Восточной Европы миновали, “перескочив” непосредственно от первобытности к феодализму. Эта особенность рабовладельческого и азиатского способов производства делала порожденные ими типы культуры в ряде случаев переходными структурами,*

в которых лишь зарождались черты, доведенные в феодальной художественной культуре до логического предела...» [29, с. 299].

В дальнейшем М.С. Каган, хотя и продолжал называть себя марксистом, совершенно отказался от формационного подхода. На протяжении последних лет жизни он разрабатывал широкомасштабную синергетическую историко-культурную концепцию и результаты своих исследований последовательно публиковал в отдельных изданиях и статьях [31–36]. В наиболее полном и завершенном виде историческая теория была представлена ученым в двухтомном издании «Введение в историю мировой культуры» (далее — «Введение...», 2003) [37]. Концепция М.С. Кагана не осталась незамеченной научным сообществом, стала предметом анализа в монографиях и учебных пособиях, дала повод для научных дискуссий, нашедших отражение в сборниках [14; 28; 38–40].

К.Э. Разлогов следующим образом охарактеризовал специфику исследования «Введение...»: «Книга М.С. Кагана находится на пересечении трех разных в методологическом плане типов научного знания. С одной стороны, это философия, которая является фундаментом всего того, что сделал Моисей Самойлович; с другой стороны, это история, наука совершенно иная именно в методологическом плане, основанная на работе с фактами и их интерпретациями. И третье направление — культурология, которая, хотя и представляется многим “всего лишь” историей культуры, предлагает совершенно иной ракурс рассмотрения, казалось бы, хорошо известных проблем» [28, с. 45].

Объектом исследований во «Введении...» являлось человечество как единый социальный субъект, история становления и развития которого рассмотрена в рамках системно-синергетического подхода.

Ученый опирался в своих трудах на системный подход с 1970-х гг.: в «Лекциях по марксистско-ленинской эстетике» (1971), «Морфологии искусства» (1972), «Человеческой деятельности» (1974)... В одной из своих статей он дал следующее определение: «*Системный подход есть конкретное проявление диалектического метода в тех гносеологических ситуациях, когда предметом познания оказыва-*

ются системные объекты» [41, с. 17]. Однако развитие в пространстве гуманитарной мысли постнеклассической рациональности способствовало дальнейшему развитию системного подхода — и М.С. Каган дополнил его синергетическим компонентом.

Особое значение для ученого имеют следующие положения синергетики: во-первых, детерминанты развития системного объекта заложены в нем самом; во-вторых, его развитие осуществляется «через разрушение существующего, через рассогласование упорядоченных определенным образом элементов культуры возникающей неупорядоченностью, через нарастание энтропии в меняющихся состояниях системы, или, говоря языком классической философии и эстетики, в чередовании состояний гармонии и хаоса, из которого вырастает новая гармония» [31, с. 325]. И особое внимание ученый уделяет точкам бифуркации (или полифуркации) — тем периодам истории, в которые происходит выбор дальнейшего пути (путей) развития человечества; в-третьих, «*настоящее содержит в себе будущее* — в виде роста потенции, которая имеет перспективу развития... Эту магнитную силу будущего синергетики назвали “аттрактором”» [31, с. 328–329].

В монографии О.Н. Астафьевой «Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы» подчеркивается значимость и научная эффективность совмещения системного подхода и синергетики: «Через изучение принципов синергетики и системного подхода для нас стало очевидным, что закономерности, по которым развиваются многие процессы в современной культуре, не могут быть познаны в рамках других концепций или получают менее убедительное объяснение. Это не означает, что только теория самоорганизации обладает принципиально универсальными методами познания культуры и тем самым претендует на уникальность. Напротив, методологические возможности синергетики лишь дополняют весь массив представлений о культуре» [14, с. 8].

Системно-синергетический подход, примененный в культурологии, позволил М.С. Кагану разработать оригинальную историко-культурную концепцию, в которой доказательно представлена и обоснована историческая ло-

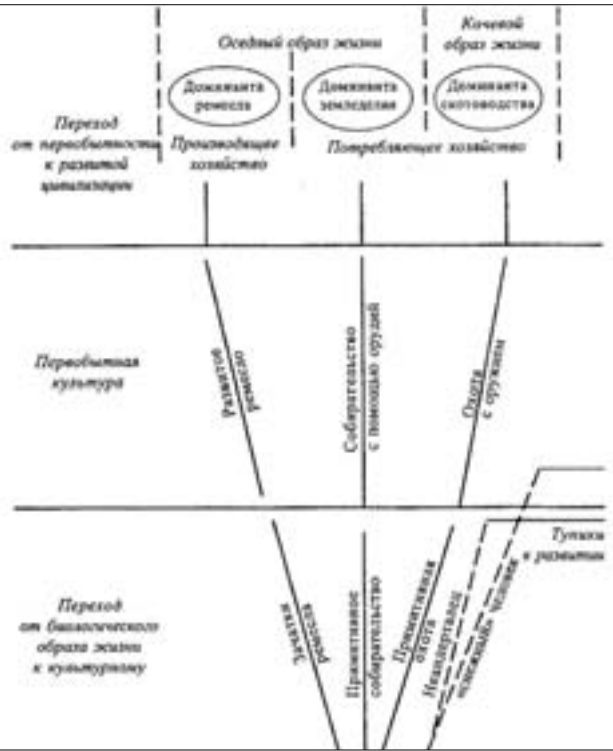


Рис. Закономерности историко-культурного развития

гика в рамках векторного многовариантного развития.

Причем идею данного развития ученый применяет и к периоду антропогенеза. Как правило, историки изучают историю человечества с первобытной эпохи; ученые, занимающиеся историей цивилизаций, первобытность исключают из своих трудов. В отличие от подобных подходов, М.С. Каган начинает свое исследование с «дочеловеческой» стадии, представляющей собой переходный этап от обезьяны и, следовательно, первый значимый для истории человечества период, в котором гоминиды развивались в многовариантном формате, а некоторые пути развития оказывались тупиковыми.

При рассмотрении же человеческой истории все многообразие культурно-исторических типов ученый объясняет с помощью простой трехчленной схемы, в основе которой лежит деятельностный подход. Как и упоминавшиеся выше теории, историко-культурная концепция М.С. Кагана имеет вариант графической визуализации: в отличие от линии, круга, спирали, волны, которые имеют место в других исторических теориях, М.С. Каган выстраивает свою

концепцию на основе трехвекторной графической схемы (разные культуры идут в своем развитии по разным векторам с возможностью перехода с одного вектора на другой).

Первобытность, характеризующаяся синкретизмом на всех уровнях материального и духовного развития, представляет ее и в деятельностных своих практиках: в первобытных обществах сосуществуют собирательство, охота/рыболовство и ремесло (М.С. Каган называл его «рукоеслом»). Данные три вида деятельности в дальнейшем составят основу трех векторов, по которым человечество станет двигаться на протяжении тысячелетий.

Собирательство трансформируется в оседлое земледелие, земледельческий тип цивилизации определит развитие культур Древнего Востока: Индии и Китая, Египта и Месопотамии, средневековой Европы и России...

Охота трансформируется в кочевое скотоводство, кочевники на протяжении тысячелетий жили рядом с земледельцами, но создали совершенно отличный от них тип культуры.

Земледелие и скотоводство были потребительскими типами хозяйствования, в отличие от них первобытное «рукоеслом» трансформировалось в культурно-исторический тип, основанный на ремесле и торговле, не на потреблении, а на производстве. Со временем, с развитием и усовершенствованием ремесла, с развитием науки и техники этот тип культуры стал основываться уже не на ремесле, а на промышленности и торговле. Данный тип культуры М.С. Каган называл «персоналистским».

Иллюстрируя свою теорию, ученый предложил схему (см. рис.), в которой графически представлены закономерности историко-культурного развития [37, кн. 1, с. 165].

Тип деятельности, определявший развитие типа культуры, был предопределен природными условиями, в которых жил тот или иной народ. М.С. Каган в своих работах показывает, каким именно образом по этим трем векторам шло развитие человечества: как из первобытного периода человеческие сообщества пошли по путям земледелия, скотоводства и ремесла/торговли.

В исторической долгосрочной ретроспективе земледельческий тип хозяйствования ока-

зался более перспективным, чем скотоводческий. История знает немало примеров, когда скотоводческие племена перенимали земледельческий образ жизни, если этому способствовали природные условия. Однако на протяжении веков противостояние земледельцев и кочевников не показывало исторической перспективности первых, напротив, кочевые культуры за счет воинственности своих народов казались более успешными, одерживали верх над своими противниками-земледельцами. Хотя кочевой тип хозяйствования по сравнению с другими оказался наименее перспективным, о чем свидетельствует современная социальная жизнь: кочевых народов немного, они немногочисленны и не определяют пути развития цивилизации...

Но и земледельческий тип хозяйствования, несмотря на тысячелетия своего стабильного существования, не определяет сегодня пути истории. Он уступил «пальму первенства» «персоналистскому» типу культуры, основанному в былые века на ремесле, ныне — на промышленности и торговле. Этот тип культуры возник в Античности, цивилизации Древней Греции и Древнего Рима характеризовались выдающимися достижениями в самых различных областях социокультурной деятельности, но в средневековой Европе ремесленно-торговый вектор сдал свои позиции земледельческой культуре, и вновь актуализировался уже в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени, которую М.С. Каган рассматривает в единстве трех явлений: Возрождения, Реформации и Просвещения. И именно по торгово-промышленному вектору или по направлению к нему, уходя с предыдущих векторов, двигаются сегодня в своем историческом развитии большинство стран и народов. Не составляют исключения и страны Востока, которые, сохраняя верность своим традициям и обычаям, активно развивают научные технологии и производство в области электроники, фармакологии, космических исследований...

Таким образом, векторное развитие человеческой цивилизации в прошлом показывало вариативность путей ее развития в зависимости от типа хозяйствования, доминирования разных его векторов в различных географи-

ческих регионах, возможности перехода этнической группы с одного вектора на другой и обратно в ситуациях сложной социокультурной динамики, определяющейся природными и экономическими трансформациями, миграционными процессами, религиозными воздействиями...

ВЕКТОРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ М.С. КАГАНА: ОЦЕНКИ И ДИСКУССИИ

Концепция М.С. Кагана характеризуется заметным дискуссионным характером. Она не вызвала однозначно позитивной оценки среди ученых, многие ее положения провоцировали научные споры, и ниже мы обратимся к некоторым дискуссионным аспектам актуальной для данной статьи теории.

На обсуждении двухтомника «Введения...», состоявшемся в 2005 г. в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАГС), Н.А. Хренов в укор М.С. Кагану ставил ориентацию на Запад, игнорирование специфики цивилизаций незападного типа: «Несмотря на... постоянно возникающий перед человечеством “веер возможного” и потенциально разнообразного развития и констатируемую автором книги нелинейность, человечество, как получается в книге, тем не менее, неуклонно, пусть и драматично... движется, несмотря на бифуркационные препоны, в соответствии с логикой вестернизации мировой истории» [28, с. 27]. Однако с этой интерпретацией можно поспорить, что и делает в своей монографии санкт-петербургский учёный А.-К.И. Забулионите: «При всей бесспорной продуктивности и перспективности как морфологического подхода к культурам, так и диалогического способа мышления, нарастающего интереса к нему на протяжении всего XX в., на которые справедливо обращает внимание Хренов, все же следует признать, что критика концепции Кагана исходила из другой парадигмы и другого научного образа культурологии. Его философско-теоретическая оптика, нам представляется, не позволила увидеть в концепции Кагана

ее эвристического, теоретически-продуктивного потенциала» [39, с. 191]. Сам М.С. Каган, комментируя критику своего исследования в аспекте вестернизации, отвечал, что он видит будущее культуры «не в *вестернизации*, а в *диалоге культур*». И далее — прямая речь: «Поэтому я настаиваю на прогрессивности процессов глобализации, необходимой для выживания рода людского, и страшусь того, что она обернется стандартизацией, унификацией... Если уж я западник, то такой, каким был Александр Иванович Герцен, который отвечал славянофилам, обвинявшим Петра Первого в том, что он бездумно перенимал западную культуру: русский народ, сказал Герцен, творчеством Пушкина ответил на реформы Петра» [28, с. 164–165].

В рамках упоминавшейся дискуссии в РАГСе [28] В.Н. Межуев и В.Н. Шевченко ставили в укор М.С. Кагану само использование синергетического подхода. Отвечая на прозвучавшую в процессе обсуждения критику, М.С. Каган, признавая, что системно-синергетическая методология еще требует дальнейшей разработки, объяснял необходимость ее применения в собственных исследованиях следующим образом: «Только знакомство с идеями синергетики привело к осознанию связи ряда уже известных и новых положений, которые образуют *методологическую систему*, и именно она позволила увидеть в истории мировой культуры то, чего я не видел раньше: и соотнести Восток с Западом, и органично ввести в историю, наряду с Западом и Востоком, африканский Юг, и понять нелинейную логику переходов от биологической формы бытия к антропо-социо-культурной...» [28, с. 162].

В то же время сами синергетики также критиковали теорию М.С. Кагана, упрекая его в неверном истолковании синергетических принципов. Так, А.К. Астафьев, В.П. Бранский, К.М. Оганян в совместной работе «Социальная синергетика» дают отрицательную оценку философской составляющей исторической теории М.С. Кагана, касающейся идеи аттрактора [15, с. 65]. Однако синергетический категориальный аппарат применительно к истории и культуре допускает разночтения, как и другая терминология в сфере гуманитарного знания.

С другой стороны, синергетическая концепция М.С. Кагана получала и положительную оценку — в трудах А.С. Кармина, О.Н. Астафьевой, А.-К.И. Забулионите, в коллективной монографии «Синергетическая философия истории»... В частности, О.Н. Астафьева следующим образом характеризует синергетический компонент в трудах М.С. Кагана: «Особо отметим, что М.С. Каган является наиболее последовательным сторонником синергетического подхода в философско-культурологических исследованиях. Ученым предпринята попытка привести разработанную основоположниками синергетики программу изучения саморазвития в соответствие с более *сложной структурой антропосоциокультурных систем*» [14, с. 42].

А.С. Кармин к безусловным достоинствам концепции М.С. Кагана относит рассмотрение истории человечества как единого процесса. В отличие от своих предшественников, для которых «особенности каждой локальной культуры не находятся ни в какой зависимости от хода всемирного культурно-исторического процесса — наоборот, этот процесс (если вообще признается существование его как единого процесса) зависит от них и представляется лишь как сумма и результат всего того, что происходит в локальных культурах. Даже когда Тойнби, например, прослеживает цепочки исторически связанных цивилизаций, он не усматривает общих закономерностей, в силу которых одни цивилизации порождают такие цепочки, а другие — нет. Иное дело у Кагана: для него — в свете системного подхода — целое (всемирный культурно-исторический процесс) служит основой, определяющей характер, особенности и исторические судьбы частей (отдельных типов культуры). Это позволяет ему ставить и решать вопросы, которые даже не приходили в голову его предшественникам, — например, почему на каждом этапе всемирного культурно-исторического процесса возникают именно такие, а не другие типы культур, и чем определяется количество разных типов культур (т. е. разных вариантов культурного развития общества), возникающих на том или ином его этапе» [38, с. 486].

Сказанное выше позволяет утверждать, что историческая теория культуры М.С. Кагана —

явление выдающееся, о чем свидетельствуют дискуссии, для которых она послужила поводом как положительных, так и отрицательных оценок, дававшихся известными учеными. Однако при всем многообразии позиций ни у кого не вызвала сомнений масштабность замысла, оригинальность теории, тщательность подобранного фактографического, иллюстративного материала...

Со времени публикации «Введения в историю мировой культуры» М.С. Кагана прошло пятнадцать лет. За эти годы представленная в ней теория не утратила своей актуальности, к ней обращаются культурологи, историки, синергетики, философы, и недаром сегодня в научных трудах мы можем увидеть имя М.С. Кагана в одном ряду с именами выдающихся ученых, предлагавших оригинальные теории всемирно-исторического процесса.

Список источников

1. *Bagby Ph.* Culture and History : Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations. Berkeley : University of California Press, 1959. 244 p.
2. *Steward J.H.* Theory of Culture Change : The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana : University of Illinois Press, 1955. 244 p.
3. *Гречко П.К.* Концептуальные модели истории : пособие для студентов. Москва: Логос, 1995. 138 с.
4. *Данилова В.С., Кожевников Н.Н.* Философия истории на пути к формированию исторической картины мира // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2010. Т. 7. № 2. С. 150–155.
5. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время : В поисках утраченного. Москва: Языки русской культуры, 1997. 796 с.
6. *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. Мегистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. Москва : АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 512 с.
7. *Хренов Н.А.* Культура в эпоху социального хаоса. Москва : URSS, 2002. 446 с.
8. *Ройфе А.Б.* Маргинальные формы историографической фантазии XX века // Вопросы культурологии. 2007. № 5. С. 33–37.
9. *Репина Л.П.* Цивилизационная парадигма в старых и новых моделях мировой истории // История и теория цивилизаций : в поисках методологических перспектив : сб. науч. статей. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. С. 7–21.
10. *Дьяконов И.М.* Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. Москва : КомКнига, 2007. 384 с.
11. *Яковец Ю.В., Кузык Б.Н.* Ответ на вызовы XXI века — становление интегральной цивилизации : научный доклад. Москва : Институт экономических стратегий, 2009. 95 с.
12. *Бондаренко Д.И., Коротаев А.В., Крадин Н.Н.* Введение. Социальная эволюция, альтернативы и нomaдизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции : сборник / Российская академия наук, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки. Москва, 2002. Т. 5. 260 с.
13. *Семенович Л.И.* Цивилизации в истории человечества : учеб. пособие. Брянск : Курсив, 1998. 340 с.
14. *Астафьева О.Н.* Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. Москва : Московский государственный институт делового администрирования, 2002. 295 с.
15. *Астафьев А.К., Бранский В.П., Оганян К.М.* Социальная синергетика : учеб. пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, 2004. 98 с.
16. *Бранский В.П.* Социальная синергетика и теория наций : Основы этнологической акмеологии. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская Акмеологическая академия, 2000. 107 с.
17. *Бранский В.П., Пожарский С.Д.* Глобализация и синергетический историзм. Санкт-Петербург : Политехника, 2004. 400 с.
18. Синергетическая философия истории / под ред. В.П. Бранского, С.Д. Пожарского. Санкт-Петербург : Северный колледж, 2009. 313 с.
19. *Дебердеева Т.Х.* Синергетический подход в познании социально-исторических явлений. Москва : Институт философии Российской академии наук, 2005. 178 с.
20. *Ильслова Т.В.* Синергетика и культурология : учеб. пособие. Оренбург : Оренбургский государственный педагогический университет, 2010. 156 с.
21. *Назаретян А.П.* Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (синергетика

- исторического процесса) : курс лекций. Москва : Наследие, 1996. 184 с.
22. *Стёпин В.С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. Москва : Институт философии Российской академии наук, 1996. 175 с.
23. *Закс Л.А.* Культурфилософская вселенная М.С. Кагана: основания, территории, границы. К 90-летию выдающегося философа (Ч. 1) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011. № 3 (5). URL: http://www.cjournal.ru/rus/journals/84.html&j_id=7 (дата обращения: 15.03.2018).
24. *Закс Л.А.* Культурфилософская вселенная М.С. Кагана: основания, территории, границы. К 90-летию выдающегося философа (Ч. 2) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). URL: http://www.cjournal.ru/rus/journals/91.html&j_id=8 (дата обращения: 15.03.2018).
25. *Ройфе А.Б.* М.С. Каган и его школа: личность ученого в контексте развития гуманитарного знания // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 2 (46). С. 79–89.
26. Творческое наследие М.С. Кагана: традиции и трансформации в современной культуре : круглый стол, 18 мая 2010 г. (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов) : [сборник]. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. 106 с.
27. *Астафьева О.Н.* Научно-издательский проект как открытая коммуникация: М.С. Каган в отечественном гуманитарном знании // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1, № 2. С. 234–239. DOI: 10.25281/2072-3156-2016-1-2-234-239.
28. Культура и культурная политика : материалы научно-методического семинара. Вып. 1. Синергетическая концепция культурно-исторического процесса М.С. Кагана (по кн. «Введение в историю мировой культуры»). Москва : Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2005. 215 с.
29. Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование / науч. ред. М.С. Каган. Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1984. 304 с.
30. Художественная культура в капиталистическом обществе. Структурно-типологическое исследование / науч. ред. М.С. Каган. Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1986. 288 с.
31. *Каган М.С.* Философия культуры. Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. 414 с.
32. *Каган М.С.* Историческая типология художественной культуры : (пять лекций). Самара : Международный институт «Открытое общество», Самарский филиал, 1996. 87 с.
33. *Каган М.С.* Эстетика как философская наука : университетский курс лекций. Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. 544 с.
34. *Каган М.С.* Синергетическая парадигма — диалектика общего и особенного в методологии познания разных сфер бытия // Синергетическая парадигма. Вып. 2. Нелинейное мышление в науке и искусстве. Москва : Прогресс-Традиция, 2002. С. 28–49.
35. *Каган М.С.* Формирование личности как синергетический процесс // Синергетическая парадигма. Вып. 3. Человек и общество в условиях нестабильности. Москва : Прогресс-Традиция, 2003. С. 212–227.
36. *Каган М.С.* О синергетическом подходе к построению современной онтологии // Синергетическая парадигма. Вып. 4. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. Москва : Прогресс-Традиция, 2004. С. 351–367.
37. *Каган М.С.* Введение в историю мировой культуры : в 2 кн. Санкт-Петербург : Петрополис, 2003. Кн. 1. 383 с. ; Кн. 2. 320 с.
38. *Кармин А.С.* Основы культурологии : Морфология культуры : учеб. для студентов вузов. Санкт-Петербург : Лань, 1997. 507 с.
39. *Забулионите А.-К.И.* Типологический таксон культуры. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. 279 с.
40. Историческая культурология как научная и образовательная дисциплина (памяти М.С. Кагана) : материалы коллоквиума (Санкт-Петербург, РГПУ им. Герцена, 18 мая 2012 г.). Санкт-Петербург : Астерион, 2013. 154 с.
41. *Каган М.С.* О системном подходе к системному подходу // М.С. Каган. Системный подход и гуманитарное знание : избранные статьи. Ленинград : Ленинградский государственный университет, 1991. С. 17–29.

M.S. Kagan's Vector Concept of History in the Context of World and Russian Historiography

Avgusta B. Royfe

Scientific and Educational Cultural Society, 48/2,
Reki Moyki Emb., St. Petersburg, 191186, Russia
E-mail: avgousta@mail.ru

Abstract. *Western historiography of the modern and contemporary period is characterized by a search for common grounds and logic of world history. At the turn of the 20th–21st centuries, Russia is also actively searching for a new historical paradigm. The article is devoted to this topical issue. Its novelty lies in consideration of the original concept of historical and cultural process developed by the famous Soviet and Russian scientist Moisei Samoilovich Kagan (1921–2006). In his theory, humankind is presented as a single social subject, whose history of formation and development is analyzed under the system-synergetic approach allowing to present and substantiate the historical logic within the framework of vector multivariate development. M.S. Kagan distinguished three vectors of human development, based on different types of economic management: cattle breeding, agricultural and “personalistic” (i.e. trade and craft in traditional society, turned into trade and industry in the modern period). The type of activity to form the basis for different types of culture was predetermined by the natural conditions in which one or another people lived. Different cultures follow the three development vectors, but can move from one vector to another. In the historical long-term retrospective, the agricultural type of economic management proved to be more rewarding than cattle breeding, but even it, despite the millennia of its stable existence, yielded the “palm” to the “personalistic” type of culture, which characterizes today the majority of countries. The article considers M.S. Kagan's concept in the context of foreign and Russian theories of historical-cultural and civilizational development. It shows the positive and negative assessments of this concept that caused lively scientific debates and discussions.*

Key words: M.S. Kagan, system approach, synergetics, history, philosophy of history, philosophy of culture, history of culture, concepts of civilizations development, Russian theories of world history, M.S. Kagan's vector theory.

Citation: Royfe A.B. M.S. Kagan's Vector Concept of History in the Context of World and Russian Historiography, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 388–401. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-388-401.

References

1. Bagby Ph. *Culture and History: Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations*. Berkeley, University of California Press Publ., 1959, 244 p.
2. Steward J.H. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana, University of Illinois Press Publ., 1955, 244 p.
3. Grechko P.K. *Kontseptual'nye modeli istorii: posobie dlya studentov* [Conceptual Models of History: textbook for students]. Moscow, Logos Publ., 1995, 138 p.
4. Danilova V.S., Kozhevnikov N.N. The Philosophy of History in the Formation of a Historical Picture of the World, *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University], 2010, vol. 7, no. 2, pp. 150–155 (in Russ.).
5. Savelyeva I.M., Poletaev A.V. *Istoriya i vremya: V poiskakh utrachennogo* [History and Time: Searching for the Lost]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1997, 796 p.
6. Nazaretyan A.P. *Nelineinoe budushchee. Megaistoriya, sinergetika, kul'turnaya antropologiya i psikhologiya v global'nom prognozirovanii* [Non-Linear Future. Mega-History, Synergetics, Cultural Anthropology and Psychology in the Global Forecasting]. Moscow, ARGAMAK-MEDIA Publ., 2015, 512 p.
7. Khrenov N.A. *Kul'tura v epokhu sotsial'nogo khaosa* [Culture in the Era of Social Chaos]. Moscow, URSS Publ., 2002, 446 p.
8. Royfe A.B. Marginal Forms of Historiographical Fantasy of the 20th Century, *Voprosy kul'turologii* [Culturological Issues], 2007, no. 5, pp. 33–37 (in Russ.).
9. Repina L.P. The Civilizational Paradigm in Old and New Models of World History, *Istoriya i teoriya tsivilizatsii: v poiskakh metodologicheskikh per-*

- spektiv: sb. nauch. statei* [The History and Theory of Civilizations: Searching for Methodological Perspectives: collected scientific articles]. Vladivostok, Dal'nevostochnyi Federal'nyi Universitet Publ., 2015, pp. 7–21 (in Russ.).
10. Dyakonov I.M. *Puti istorii: Ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei* [The Ways of History: From the Ancient Man to the Present Day]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 384 p.
11. Yakovets Yu.V., Kuzyk B.N. *Otvet na vyzovy XXI veka — stanovlenie integral'noi tsivilizatsii: nauchnyi doklad* [Responding to the 21st Century Challenges — Formation of an Integral Civilization: scientific report]. Moscow, Institut Ekonomicheskikh Strategii Publ., 2009, 95 p.
12. Bondarenko D.I., Korotaev A.V., Kradin N.N. Introduction. Social Evolution, Alternatives, and Nomadism, *Kochevaya al'ternativa sotsial'noi evolyutsii: sbornik* [The Nomadic Alternative of Social Evolution: collection]. Moscow, 2002, vol. 5, 260 p. (in Russ.).
13. Semenikova L.I. *Tsivilizatsii v istorii chelovechestva: ucheb. posobie* [Civilizations in Human History: textbook]. Bryansk, Kursiv Publ., 1998, 340 p.
14. Astafyeva O.N. *Sinergeticheskii podkhod k issledovaniyu sotsiokul'turnykh protsessov: vozmozhnosti i predely* [Synergetic Approach to the Study of Socio-Cultural Processes: Its Potential and Limits]. Moscow, Moskovskii Gosudarstvennyi Institut Delovogo Administrirovaniya Publ., 2002, 295 p.
15. Astafyev A.K., Bransky V.P., Oganyan K.M. *Sotsial'naya sinergetika: ucheb. posobie* [Social Synergetics: textbook]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii Gosudarstvennyi Inzhenerno-Ekonomicheskii Universitet Publ., 2004, 98 p.
16. Bransky V.P. *Sotsial'naya sinergetika i teoriya natsii: Osnovy etnologicheskoi akmeologii* [Social Synergetics and the Theory of Nations: The Basics of Ethnological Acmeology]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskaya Akmeologicheskaya Akademiya Publ., 2000, 107 p.
17. Bransky V.P., Pozharsky S.D. *Globalizatsiya i sinergeticheskii istorizm* [Globalization and Synergetic Historicism]. St. Petersburg, Politehnika Publ., 2004, 400 p.
18. Bransky V.P., Pozharsky S.D. (eds). *Sinergeticheskaya filosofiya istorii* [Synergetic Philosophy of History]. St. Petersburg, Severnyi Kolledzh Publ., 2009, 313 p.
19. Deberdeeva T.Kh. *Sinergeticheskii podkhod v poznanii sotsial'no-istoricheskikh yavlenii* [The Synergetic Approach in Comprehension of Social and Historical Phenomena]. Moscow, Institut Filosofii Rossiiskoi Akademii Nauk Publ., 2005, 178 p.
20. Ilyasova T.V. *Sinergetika i kul'turologiya: ucheb. posobie* [Synergetics and Cultural Studies: textbook]. Orenburg, Orenburgskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet Publ., 2010, 156 p.
21. Nazaretyan A.P. *Agressiya, moral' i krizisy v razvitii mirovoi kul'tury (sinergetika istoricheskogo protsesa): kurs lektsii* [Aggression, Morality and Crises in the Development of World Culture (The Synergetics of Historical Process): lectures]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, 184 p.
22. Stepin V.S. *Epokha peremen i stsennarii budushchego. Izbrannaya sotsial'no-filosofskaya publitsistika* [The Era of Change and the Scenarios of Future. Selected Social and Philosophical Opinion Journalism]. Moscow, Institut Filosofii Rossiiskoi Akademii Nauk Publ., 1996, 175 p.
23. Zaks L.A. Cultural and Philosophical Universe of M.S. Kagan: Foundations, Territories, Limits: For the 90th Anniversary of the Famous Philosopher (Part 1), *Kul'turologicheskii zhurnal* [Journal of Cultural Research], 2011, no. 3 (5). Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/84.html&j_id=7 (accessed 15.03.2018) (in Russ.).
24. Zaks L.A. Cultural and Philosophical Universe of M.S. Kagan: Foundations, Territories, Limits: For the 90th Anniversary of the Famous Philosopher (Part 2), *Kul'turologicheskii zhurnal* [Journal of Cultural Research], 2011, no. 4 (6). Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/91.html&j_id=8 (accessed 15.03.2018) (in Russ.).
25. Royfe A.B. M. Kagan and His School: The Personality of the Scientist in the Context of the Humanities, *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2016, no. 2 (46), pp. 79–89 (in Russ.).
26. *Tvorcheskoe nasledie M.S. Kagana: traditsii i transformatsii v sovremennoi kul'ture: kruglyi stol, 18 maya 2010 g. (Sankt-Peterburgskii humanitarnyi universitet profsoyuzov)* [M.S. Kagan's Creative Legacy: Traditions and Transformations in the Modern Culture: Round Table, May 18, 2010 (St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions)]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2011, 106 p.

27. Astafyeva O.N. Scientific Publishing Project as an Open Communication: M.S. Kagan in the Russian Humanities, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2016, vol. 1, no. 2, pp. 234–239 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2016-1-2-234-239.
28. *Kul'tura i kul'turnaya politika: materialy nauchno-metodicheskogo seminara. Vyp. 1. Sinergeticheskaya kontsepsiya kul'turno-istoricheskogo protsesa M.S. Kagana (po kn. "Vvedenie v istoriyu mirovoi kul'tury")* [Culture and Cultural Policy: Proceedings of the Scientific-Methodical Seminar. Issue 1. M.S. Kagan's Synergetic Concept of Cultural and Historical Process (According to the Book "Introduction to the History of World Culture")]. Moscow, Rossiiskaya Akademiya Gosudarstvennoi Sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii Publ., 2005, 215 p.
29. Kagan M.S. (ed.) *Khudozhestvennaya kul'tura v dokapitalisticheskikh formatsiyakh. Strukturno-tipologicheskoe issledovanie* [Artistic Culture in Pre-Capitalist Formations. Structural-Typological Study]. Leningrad, Leningradskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 1984, 304 p.
30. Kagan M.S. (ed.) *Khudozhestvennaya kul'tura v kapitalisticheskoy obshchestve. Strukturno-tipologicheskoe issledovanie* [Artistic Culture in Capitalist Society. Structural-Typological Study]. Leningrad, Leningradskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 1984, 1986, 288 p.
31. Kagan M.S. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996, 414 p.
32. Kagan M.S. *Istoricheskaya tipologiya khudozhestvennoi kul'tury: (pyat' lektsiy)* [Historical Typology of Artistic Culture: (five lectures)]. Samara, Mezhdunarodnyi Institut "Otkrytoe obshchestvo", Samarskii Filial Publ., 1996, 87 p.
33. Kagan M.S. *Estetika kak filosofskaya nauka: universitetskii kurs lektsiy* [Aesthetics as a Philosophical Science: university course of lectures]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997, 544 p.
34. Kagan M.S. Synergetic Paradigm: Dialectics of the General and the Special in the Methodology of Cognition of Different Spheres of Life, *Sinergeticheskaya paradigma. Vyp. 2. Nelineinoe myshlenie v nauke i iskusstve* [Synergetic Paradigm. Issue 2. Non-linear Thinking in Science and Art]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2002, pp. 28–49 (in Russ.).
35. Kagan M.S. Personality Formation as a Synergetic Process, *Sinergeticheskaya paradigma. Vyp. 3. Chelovek i obshchestvo v usloviyakh nestabil'nosti* [Synergetic Paradigm. Issue 3. People and Society in the Conditions of Instability]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003, pp. 212–227 (in Russ.).
36. Kagan M.S. On the Synergetic Approach to Modern Ontology Formation, *Sinergeticheskaya paradigma. Vyp. 4. Kognitivno-kommunikativnye strategii sovremennogo nauchnogo poznaniya* [Synergetic Paradigm. Issue 4. Cognitive-Communicative Strategies of Modern Scientific Cognition]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2004, pp. 351–367 (in Russ.).
37. Kagan M.S. *Vvedenie v istoriyu mirovoi kul'tury: v 2 kn.* [Introduction to the History of World Culture: in 2 books]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2003, book 1, 383 p., book 2, 320 p.
38. Karmin A.S. *Osnovy kul'turologii: Morfologiya kul'tury: ucheb. dlya studentov vuzov* [Basics of Cultural Studies: Morphology of Culture: textbook for university students]. St. Petersburg, Lan' Publ., 1997, 507 p.
39. Zabulionite A.-K.I. *Tipologicheskii takson kul'tury* [Typological Taxon of Culture]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 2009, 279 p.
40. *Istoricheskaya kul'turologiya kak nauchnaya i obrazovatel'naya distsiplina (pamyati M.S. Kagana): materialy kollokviuma (Sankt-Peterburg, RGPU im. Gertsena, 18 maya 2012 g.)* [Proceedings of the Colloquium "Historical Cultural Studies as a Scientific and Educational Discipline (To the Memory of M.S. Kagan)"] (St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, May 18, 2012)]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2013, 154 p.
41. Kagan M.S. On the System Approach to the System Approach, *M.S. Kagan. Sistemnyi podkhod i gumanitarnoe znanie: izbrannye stat'i* [M.S. Kagan. System Approach and Humanitarian Knowledge: selected articles]. Leningrad, Leningradskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 1991, pp. 17–29 (in Russ.).

Е.И. ЯРОСЛАВЦЕВА

НАУКА КАК ИГРА ЕСТЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Елена Ивановна Ярославцева,

Институт философии Российской академии наук,
сектор философских проблем творчества,
старший научный сотрудник
Гончарная ул., д. 12, стр. 1,
Москва, 109240, Россия

кандидат философских наук, доцент
E-mail: yarela15@mail.ru

Реферат. *Статья посвящена теоретическому осмыслению реализации в рамках постнеклассической науки принципа человекообразности. Он трактован как новый методологический принцип, повышающий эффективность современной науки. Так, постнеклассическая наука рассматривается как система знаний, тесно сопряженная с человеком, вырабатывающая на основе данного подхода более сложные, комплексные критерии оценки получаемых знаний. Человек XXI в. живет в мире все более интенсивных коммуникаций и вынужден изменяться, чтобы соответствовать условиям своего существования. Он рождается в пространстве, которое постоянно насыщается новыми цифровыми устройствами, среди которых ему уже вполне комфортно расти и развиваться. Человеку предстоит не только сохранять, но и создавать новые знания, обнаруживать «истинно человеческое» в глубинах истории, а также закладывать человекообразность будущего, снижая риски существования и стихийного поиска моделей индивидуаль-*

ного и социального баланса. Вырастая в динамичной среде, современный человек готов перейти от жесткой, стандартной картины мира к многомерному и гибкому образу мирового континуума. Человек потенциально способен сохранять устойчивость в сложно прогнозируемой ситуации и уверенно ориентироваться в динамично изменяющихся условиях. Исследовательские проекты погружают его в интеллектуальные соревнования по достижению целей и решению задач, которые превращаются в интеллектуальный спорт. Человек всегда ищет новые способы взаимодействия с природой, разрабатывает новые его инструменты, среди которых все большее место занимает искусственный интеллект, с помощью которого можно просчитывать многочисленные варианты моделей коммуникации. Автор акцентирует внимание на продуктивности данного подхода при работе над сложными комплексными проектами, связанными с построением будущего и разработкой перспективных задач, когда принципиально важно понижать риски становления, раздвигать горизонты развития. Процесс формирования научного знания представлен как исторически изменяющийся, проанализирован ряд присущих ему содержательных характеристик и алгоритмов, ключевых для становления современного формата рационализации знания.

Ключевые слова: человек, культура, естественный интеллект, цифровые технологии, «умные вещи», спорт, игра, знания, универ-

ситеты, постнеклассическая наука, человеко-размерность.

Для цитирования: Ярославцева Е.И. Наука как игра естественного интеллекта // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 402–412. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-402-412.

Современный период развития насыщен множеством противоречий как социального, так и культурного характера, и человек находится в их центре. Сегодня видно, что мир меняется не сам по себе, но под влиянием активно действующего индивида: каждый формирует свое интерактивное пространство, используя современные средства коммуникации. Социально-культурные среды стремительно расширяются, обогащаясь новыми формами активности человека, сотворяющего на основе цифровых технологий прототипы не только материальных объектов, но и природных; биологических систем и социальных сред. При этом стоит заметить, что ни у кого не возникает иллюзии солипсизма, потребности обращения к философскому концепту, в котором внешний мир — это не объективная реальность, существующая вне человека, а порождение его чувств и сознания¹ [1]. Солипсизм неактуален, несмотря на то, что активно расширяются виртуальные коммуникации, усиливается когнитивная нагрузка, использование психофизиологических способностей человека. При этом современная компьютерная база позволяет в цифровых техно-психологических форматах прототипирования проводить контролируемое, безопасное соприкосновение человека и с глубокой историей, и проектами будущего, успешно сопригая их во времени.

¹ О философской доктрине солипсизма можно рассуждать отдельно, но в данном случае достаточно кратко заметить, что речь идет не о виртуальной реальности и не о возможностях цифровых технологий, а о возможностях индивидуального психологического восприятия, сознания человека. В принципе, проблему солипсизма следует рассматривать в контексте времени, когда возникла острая необходимость понять место человека в реальном изменяющемся мире. См.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Солипсизм> (дата обращения 07.09.18).

ИГРЫ С НАУКОЙ

Практически любой молодой человек, владеющий новыми технологиями, тренируясь в пространстве цифровых сред и используя различные приспособления — *гаджеты* и *девайсы* [2], способен играючи осваивать не только безбрежное информационное поле, но и тайны науки, исследовать ее возможности, потенции развития, которые позволили появиться «умным вещам». Устремляясь в мечте и в практическом воплощении проектов за горизонты естественного (данного природой) восприятия, человек становится «стратегом» развития нового мира культуры. Он опирается на актуальное психологическое восприятие и через свой образ-концепт пробует найти точки соприкосновения с миром, наладить благоприятные взаимоотношения.

Однако многие современные цифровые приспособления направлены, скорее, не столько на *развитие* человека, сколько на *обслуживание* расширяющейся интенсивной системы коммуникаций, сетевой жизни. Маркетинговые технологии на основе изучения психологического поведения человека последовательно развивают в нем потребность избыточного потребления, стимулируя погоню за новыми, все более сложными девайсами. Все «умные вещи», используемые для коммуникации и общения, стали настолько распространенными, что многие начинают рассуждать об угрозе искусственного интеллекта, о превращении современных самообучающихся роботов и аватаров в отдельный коммуникативный кластер, способный негативно влиять на развитие человеческого сообщества и культуры, если человек не сможет своевременно снизить эти риски.

В современном цифровом высокотехнологическом обществе возникают новые мифологемы о цифровой технике, носимой электронике, которую многие держат непосредственно рядом с собой. Это практически общая бытовая ситуация, где каждый пытается обеспечить себе постоянную активность, засвидетельствовать собственную компетентность, но не принимает во внимание другую сторону: избыточность, несущую риски развития. Фактически, имея несколько мобильных телефонов — совсем новых, активно используемых, уже довольно

старых (с контактами), а также планшеты, ноутбуки, мы ими не пользуемся. Сохраняя бесчисленное количество дискет, дисков, флешек и файлов «в облаках», многие уже не помнят их содержания. Простые и дизайнерские флешки, как игрушки с устаревшей «начинкой», могут не открыть своих тайн новым офисным программам, уходя в Лету. Человек уже и не знает, для чего именно он хотел обрести новые приспособления — высокие цели размылись в повседневности, а он уже не успевает обслуживать все эти технологические цифровые новшества: остается только фиксировать, что искусственный интеллект обгоняет человеческий. Мифология открывает зону риска, в которой человек оказывается несоизмеримым с потоком цифровых обновлений, не владеющим ситуацией, а подчиненным ей, недостаточно критичным по отношению к себе и слабо осознающим свой собственный потенциал.

В XXI в. цифровые помощники, интеллектуальные технологии становятся естественной средой нашего обитания, изменяя и обогащая культурные реалии. При этом людям не хватает времени уделять внимание всему, в том числе и себе. Но теперь уже сами сетевые системы «вникают» в потребности каждого: человека, несмотря ни на что, превращают в пользователя-невольника. Целая армия маркетинговых специалистов изучает «трек поведения» индивида, учитывает потребности, доставляет ему информацию о том, что он сам о себе еще не знает [3]. Банки поступают так же: предлагают, пользуясь ассоциативной памятью потребителя, «бесплатные рассрочки», которые оказываются кредитами, втягивают население в свои игры, чтобы манипулировать информационными данными и удерживать заемщика в поле своего внимания.

Человек стремится к удовлетворению потребностей, повышению внимания к себе, думая, что это даст ему свободу, но оказывается, нарастает только подчиненность: он сам находится в зоне интересов тех, кто ищет его «персональные ресурсы». Поэтому все актуальнее становится проблема эффективности цифровых помощников человека, использования их как точно подобранных инструментов и технологий для решения собственных задач, личного развития. Однако персональная цифровая ин-

фраструктура создает в социуме противоречие: для одних индивидов она громоздка и неясна, а для других, как своеобразная игра, — интересна и увлекательна.

Молодые люди, новые поколения, являясь «социальными аборигенами» [4], воспринимают динамичные изменения как вполне естественные и адаптированы к ним. Многим даже интересно находиться в повседневном пространстве воплощения научных концептов, достигнутых в фундаментальной науке прошлого века. А ведь это было не просто XX столетие, но конец второго тысячелетия, передавшего эстафету новому цифровому миру: необходимость опережающего развития гуманитарных идей и творческого потенциала человека. Этот период знаменателен уже тем, что развитие человеческой культуры дополнилось и обогатилось новым измерением: виртуальным форматом, который создан исключительно на научно-технологической, цифровой основе.

«НАУЧСПОРТ»

Мы видим сегодня, как наука реализуется в практике, и это очень ценно для многих. Молодежь, как правило, убеждена, что результаты должны получаться быстро! Ритмы времени, как в XX в., так и сейчас, заставляют соревноваться друг с другом и с возможными соперниками. «На старт» в поиске новых решений вышли даже те, кто, как правило, оказывался на периферии социальной среды, кто ограничен в функциональных возможностях (ОВЗ), а потому имеет особенности восприятия мира и психофизиологического реагирования. Например, люди со слабым зрением часто имеют острый слух. Такой «индивидуальный» уровень здоровья требует постоянно преодолевать себя, соревноваться с собой вчерашним, что особенно трудно тем, кто имеет инвалидность по слепоглухоте (бисенсорный эффект)² [5, с. 391–406]. Преодолевать себя, выходить «за пределы» в самопоз-

² Исследования психологов показывают, что для людей с бисенсорными нарушениями можно найти способы помощи в личностном развитии с использованием цифровой аппаратуры для поддержки их коммуникации с внешним миром и другими людьми.

нении — один из эффектов познавательного процесса в целом. Опыт соревнования делает этот процесс не когнитивно-теоретическим, а практическим, активирующим, развивающим все функциональные органы.

Сегодня в России ширится спортивное движение, которое открывает перспективы для многих. Современные высокотехнологичные технологии позволяют решать ряд проблем как в обычных, так и в паралимпийских видах спорта с опорой на цифровые достижения: использовать, например, разработки эндоскелетов, высокоточных биологических прототипов утраченных органов, индивидуальных, физиологически выверенных тренировочных программ и пр.

Человеку присуща жажда посоревноваться: обогнать соперника либо в *пространстве*, либо во *времени*, задействуя все имеющиеся у него ресурсы. Известно, что участники этих гонок стремятся совершенствовать управление собственным организмом, накапливая для практического решения сложных задач необходимые знания. В результате такое «программируемое» самоусовершенствование ведет к усложнению иерархии потребностей человека, обнаруживает в нем способность и к *интеллектуальному* соперничеству, которое можно тренировать. Это позволяет в любых трудных ситуациях найти дополнительные, рефлексивно и аналитически проработанные решения проблемы, необходимые для конкретного случая.

Человеку свойственно проявлять творчество в этом процессе. Развитие индивидуального интеллекта ведет к важным социальным результатам, создает системы продуктивного общения, успешных коммуникаций: всегда позволяет оказать помощь другому, а затем, объединившись с ним, использовать интеллект для поиска решения более сложных проблем. Фактически интеллект делает человека свободным и менее зависящим от обстоятельств как природного, так и техногенного характера: от изобретаемых им самим инструментов освоения мира.

Как правило, цифровые девайсы и гаджеты из формата «игрушки», необходимой для развития человека [6], переходят в формат рабочего инструмента новейшей технологии, встроенной в социум. В сочетании этих усло-

вий возникают дополнительные возможности развития творческих способностей личности, создания цифровых тренажеров для развития внутреннего потенциала и участия в различных соревнованиях — олимпиадах или спортивных мероприятиях. Можно сказать, что развитие интеллекта человека на основе системного образования, при разработке проектов с использованием методов научных открытий, способствует росту соревновательной активности человека, повышает азарт и стремление к успеху.

В каком-то смысле именно это и происходит при развитии инновационных площадок, где возможно создать «стартап». По существу, это — изобретательская деятельность по нахождению способов решения какой-либо проблемы, в которой объединяются интеллектуальная и материальная составляющие. Изобретательность свойственна человеку уже в достаточно раннем возрасте: ребенку присуще конструировать и делать нечто на основе интуитивных ощущений («Е» уровень) [7], затем дополняемых опытом практических знаний и обучением. В непосредственном стремлении преодолеть препятствие он придумывает выход из положения, создает решение, не ориентируясь на ограничивающие условия. Изобретательность молодежи, стихийная гибкость в подборе вариантов, позволяет ей, нередко перенося ответственность на взрослых, приходиться с благоприятным результатом к финишу. Последнее дает немаловажный интеллектуальный опыт, но чревато инфантилизмом.

Стартап — это в каком-то смысле спортклуб, только интеллектуальный. Стартап не всегда гарантирует победу: вкладываясь в цель, в желание изобрести, человек пробует, экспериментирует. Очень часто результаты этих поисков приносят огорчения, но это тоже знания, сообщающие об уровне рисков. В рыночных условиях такие стартапы, как пробы научной эффективности, подразумевают появление очень успешных находок, выводящих на рынок продукт, не только окупающий затраты, но и создающий большой инвестиционный доход. В таком поиске человек открывает не только законы природы, но и глубину своей интуиции, определяет границы собственной компетентности, возможные риски. Научные соревно-

вания учат человека не только выигрывать, но и — достаточно часто — проигрывать. Как говорится, всякое открытие имеет свое кладбище технических идей.

Можно показать, что инновационное движение, современные стартапы, грантовая поддержка создают необходимую среду, в которой все проявляют свой интерес, а также свои способности в поиске ресурсов для достижения поставленной цели. Это наиболее питательная почва для развития науки — пространство нарушения стандартов, выхода за границы привычного. Такие поиски возможны в любом возрасте, в любом месте, где человек чувствует свою причастность к открытию, даже если это открытие для самого себя. В некотором смысле они более продуктивны, чем традиционная профподготовка по какому-либо виду деятельности, освоению набора компетенций. В поиске необходимо дерзновение! Особенно в современном мире, когда стремительно устаревают как сами профессии, так и соответствующие им стандарты и компоненты опыта; когда необходимо постоянно делать прогнозы на основе изменяющихся социальных запросов. При этом разработка новых профессиональных знаний и компетенций имеет так же много рисков, как и всякое изобретение.

Познакомившись, например, с «Атласом новых профессий» [8], молодой человек понимает, что перспективы абсолютно открыты, неоднозначны, и ему необходимо прилагать серьезные усилия, чтобы перевести их в практику. В концепте Будущего абсолютно ясно, что оно во многом зависит от самого человека, поскольку наполняется его потребностями, желанием, а также ответственностью.

НАУЧНЫЕ ГОНКИ ПО ВЕРТИКАЛИ

Данная ситуация напоминает начало XX в., когда в России произошло много значимых событий. Это было время нарушения стандартов классической науки и серьезного кризиса в физике, после которого возник неклассический подход к миропониманию, родились более сложные методологические принципы познания мира человеком. На-

ука сама по себе была интересна как область чудесного, и многие, не имея возможности получить образование, диплом, стремились самостоятельно освоить знания, заслужить имя ученого.

В тяжелых трудах, связанных с поиском истины, человек в неустойчивом мире создавал точку опоры. Мы не всегда замечаем, что интеллектуальное соревнование происходит не только в мире технических изобретений и формул. Можно сказать, что научный спорт имеет и художественно-литературный формат — научную фантастику, которая превратилась в самостоятельный научный жанр [9; 10]. Многие писатели, обладающие способностью естественно-научного мышления, а также ученые с художественным даром стали фантастами. Они, мысленно экспериментируя со всеми реальными и представляемыми обстоятельствами, интеллектуально подготавливали прогноз Будущего [11]. В 2018 г. исполняется 500 лет со дня смерти, великого художника и изобретателя Леонардо да Винчи, но до сих пор его инженерные рисунки из «Атлантического кодекса» привлекают внимание и хранят значительный потенциал человеческого развития [12].

Мастера изобретений и пера, создавая в воображении новые среды жизни и прогнозируя невероятные инженерные решения, описывали, по существу, волшебные преобразования самого человека: это было своего рода зеркало, в котором он менялся, исчерпывая один интерес и вопрошая о новом. Этот механизм развивал и трансформировал тематику произведений. Постепенно литература погружалась в проблемы человеческой психологии, что меняло стиль прогнозов и, можно полагать, приближало ее к формату точной аналитической науки. При этом фантастика до сих пор остается жанровой загадкой.

Запуск в СССР в 1957 г. первого Спутника планеты Земля открыл новую эпоху, положил начало развитию космических технологий. Интерес читателей стал перемещаться в сферу реальной науки, а также практики подготовки космонавтов к выходу в открытый космос. Началась космическая эра. Со второй половины XX в. в СССР разворачивалась научно-техническая революция — НТР. Сказать, что она развивала в обществе интерес к научным иссле-

дованиям, недостаточно. Она повлияла на требования ко всей системе образования, её научную структуру, формировавшую не только научное мировоззрение у учащихся, но и этику профессиональной исследовательской деятельности, которая требовала специальной подготовки и ответственности.

Стоит заметить, что подобная специфическая нагрузка на сознание учеников в системе всеобщего образования была, возможно, не для всех комфортной: разная индивидуально-психологическая устойчивость детей влияла на успеваемость. Это порождало определенные противоречия, но при этом создавало советскую школу всеобщего научного просвещения с очень высокой, как мы сегодня понимаем, планкой, которая обеспечивала возможность дальнейшего самостоятельного развития. Эта модель, как оказалось, тоже достаточно хрупкая, поскольку интеллектуальный труд, его скрытые напряжения не для всех привлекательны, а преимущества порой не очевидны. Он несет в себе риски невоплощенных личных возможностей, которые проигрывают рискам публичной творческой деятельности: немало специалистов технических вузов поменяли свою профессию на сферу художественного творчества. Но бизнес-риски являются еще более привлекательными, поскольку приносят, на взгляд адептов этого — внеучного — стиля жизни, реальные преимущества, рост личного финансового счета.

Возможно, эта тенденция противостояния существовала всегда: одни любили наблюдать за развитием, усложнять свое представление о мире и, по мере сил, поддерживать эффективные направления; другие — быстро получать результат, извлекать ресурсы для удовлетворения своих собственных потребностей.

В этих разных способах коммуникации с миром «искатели» способны к интеллектуальному самоусложнению, и даже испытывают в нем потребность, а другие, «стяжатели», не нуждаются в этом, они всегда готовы присваивать и потреблять. Искателей они переносят только в том случае, если последние создают новые ресурсы. Такой компромисс часто наблюдается в истории в отношениях власти и художника. Современный, осознающий себя свободным человек хочет развиваться само-

стоятельно и строить коммуникации на принципах свободного интеллектуального и эффективного практического взаимодействия. Однако баланс интересов не всегда достижим.

Многие сюжеты из научной истории России показывают, что уже в конце XIX — начале XX в. в стране происходило динамичное развитие профессиональных знаний, инженерного дела, практики научных исследований и изобретений. Все это демонстрирует, насколько активны были связи ученых, прозрачны государственные границы для перемещения материалов исследований. В ряде источников можно обнаружить достаточно серьезные подробности, расширяющие представления о глубине интереса наших предшественников к фундаментальным вопросам развития наук и принципам создания знаний [13].

Но уже сейчас ясно, что наука сама оказалась космосом знаний, а профессия ученого всегда требовала и требует непрерывного развития и совершенствования, распространения гуманитарных идей и стремления к взаимопониманию. Наука невозможна без постоянных тренингов интеллекта, личного труда и достижения коллективного результата, без соревнования с коллегами из других исследовательских школ, стремления воплотить задуманное, — это своего рода спорт.

КОНСЕРВАЦИЯ ЗНАНИЙ И УСКОРЕНИЕ ОБНОВЛЕНИЯ

По существу наука — это особым образом обработанный индивидуальный опыт, который позволил выделить универсальные свойства природных объектов и сохранить их в практике. В истории сохранения знаний много интересного. В период возникновения первых университетов делом учения считалось не соревнование, но добытие истины и сохранение соответствующих знаний. Даже само понимание «universitas»³ имело смысл, отличный от современного представления о цели деятельности ученых.

³ Universitas (в переводе с лат. — «совокупность», «общность») — обозначение любой городской корпорации в XIII—XVI веках.

«Главным смыслом ученых занятий было сохранение и упорядочение имеющегося знания, но отнюдь не его обновление или приращение. Знание надо было бережно хранить, чтобы оно вновь не забылось, как это произошло с античными традициями в эпоху после крушения Римской империи» [14, с.17].

Средневековый университет был корпорацией, где ученики и учителя занимались одним цеховым делом, трудились над сохранением истины, передачей ее без искажения новым поколениям посредством системы обучения. Если оперировать сегодняшними понятиями, то можно сказать, что в средневековом университете происходило «перезаписывание» информации на новые носители, какими и являлись люди. Все в корпорации равны, поскольку в своих ученых занятиях объединены одной целью — создавать устойчивость истины, воспроизводить себя и истинное знание. Если возникали противоречия, то их требовалось обойти или объяснить, чтобы совершенствовать владение истиной. В определенном смысле сама средневековая университетская корпорация являлась пространством интеллектуального труда, который состоял из разработки и накопления опыта систематизации, реорганизации знания.

Именно на этой почве формировались и методологические решения, закреплялся взгляд на саму науку, которая должна сохранять знания не только как истину, но и как *практически значимый* опыт. «Такая корпоративно-цеховая организация знания и учения направлена на сохранение и воспроизводство в неизменном виде и самой себя, и знания. Одно неразрывно связано с другим. Эта корпорация блюдет интересы людей учения. В то же время она поддерживает определенные стандарты учености» [14, с.18]. Фактически в университете решались *методические вопросы* образования: как лучше донести и закрепить в учениках определенную систему, образ знания, что на современный взгляд соответствует задачам педагогического образовательного учреждения.

Система накопления своих знаний, формирование собственных корпоративных стандартов становились все более интересными в социальном плане. Ученые люди вели исследования, уточняя или критикуя различные кон-

цепции, становясь экспертами в той или иной области знания. Их деятельность обретала привлекательность, они начинали получать поддержку в своем стремлении накопить знания о мире. В обществе становилось модным представить себя при дворе властителя как своеобразный интеллектуальный и художественный «ресурс», как было например, с Леонардо да Винчи. Также становилось престижным обрести властного покровителя и для сообществ ученых, проникающих в тайны мира: это позволяло получить поддержку и уточнять божественные замыслы, освободившись от забот по обеспечению собственной жизни. Можно сказать, что благодаря этим историческим тенденциям стала развиваться не только университетская, но и академическая среда.

Сообщество английских ученых-интеллектуалов, будущих основателей Лондонского королевского общества на своем очередном собрании 28 ноября 1660 г. составило «Меморандум», который зафиксировал решение основать «Коллегию для развития физико-математического экспериментального знания». Его подписали 12 ученых-основателей, которые объединились для установления *истинности* производимых открытий [15, с. 199]. Поскольку истина едина для всех, это означало, что результат у всех должен получаться один и тот же. Иными словами, создаваемый способ решения задачи должен быть универсален. Было принципиально важно при помощи экспериментов научиться отбирать такие истинные знания, которые открывали алгоритмы решения. Важен был именно этот алгоритм, лежащий вне исследователя, характеризующий природу, существующий как закон, как коллективно проверенная и закрепленная консенсусом истина.

По существу выработался устойчивый *стандарт*, который формировал определенную систему знаний об объектах, изобретениях, решениях, прошедших экспертизу экспериментом. Основным требованием этого научного подхода было удаление из знаний случайностей, которые сопряжены с его автором, а именно, с человеком. Так сформировалась охранительная тенденция науки, как можно понять, вполне логичная для университетского знания. Естественно развивались области тех стандар-

тов, которые было удобно использовать и которые формировали корпус признаваемого истинного знания. В этом случае элиминация человека происходила не просто как недоразумение, случайное невнимание к нему, но была требованием его недопуска, активного игнорирования. Сформировалась своеобразная антропобоя: соотносённость знания с человеком осуждалась, несмотря на то, что добывалось это знание, как правило, персонально, через практику визуального, аудиального и иного углубления в природу.

Важно отметить, что накопление и расширение разных систем, стандартов знаний о мире породило и новые условия: создало для укрепляющихся университетов и академий необходимость поиска ресурсов, обеспечивающих дальнейшее существование, утверждение в социуме. Возникла естественная конкуренция, которая опиралась уже на поиск *нового*, наиболее привлекательного. Это принципиально важный момент: процесс консервации знаний сосуществовал с потенциалом обновления, что, в свою очередь, становилось очевидным условием как самосохранения знаний, так и расширения интереса к ним. Человек был способен и, одновременно, вынужден объединять обе эти тенденции в собственной практике, создавая особый интеллектуальный опыт, в котором доминировало творческое личностное начало. Можно полагать, что архетип ученого сформировался, когда, исследуя природу, человек стал не только присваивать право, но и брать на себя ответственность за свои утверждения, выводы. Он начал понимать, что является посвященным в таинство, что впоследствии стало называться «авторством», своеобразной властью над умами, «личностным знанием», которое, как показал М. Полани, присуще каждому человеку [16].

В науке сложилось достаточно серьезное гуманитарное противоречие в отношении процессов углубления человека в мир. Интеллект постепенно становился самодостаточной ценностью, несмотря на то, что человек «не просматривался» на фоне науки, он был надежно скрыт в таинственном пространстве познания. По замечанию академика В.С. Степина «Классическая наука полагает, что условием получения истинных знаний об объекте является

элиминация, при теоретическом объяснении и описании всего, что относится к субъекту» [17, с. 712]. Таков был модуль стандартизованного классического познания, закрепившийся как среди естествоиспытателей, так и среди исследователей с высоким уровнем абстрагирования, астрономов, физиков и математиков. Именно эту традицию воспроизводили затем и другие исследователи, стремившиеся называться учеными, занимавшиеся гуманитарными проблемами, лежащими вне поля естественно-научных экспериментов.

Возрастание эффективности науки связано с обновлением знаний. На фоне развития современных цифровых технологий, как могут наблюдать современники, опыт устаревает все быстрее, и обновление постоянно является актуальной задачей. Человек фактически должен производить его вновь и вновь, когда сталкивается с критической ситуацией не просто собирания и консервации знаний, но добывания их сразу в определенном стандарте. Точнее говоря, их нужно брать не «как таковые», а сопряженные с конкретными целями, задачами, смыслами и со всей деятельностью человека в целом. Он становится очевидным, а не элиминированным участником создания знаний, не просто добывающим, но и порождающим информацию, составляющую в своем синергическом эффекте истину. Его интеллектуальные усилия уже никем не отрицаются и становятся все более ценными. Но в модель науки он по-прежнему включается достаточно условно, как некоторый гуманитарный феномен.

Наука еще не стала человекомерной, но, если обратиться к работам советского ученого середины XX в. М.К. Петрова, в которых используется представление о человекомерности культурной среды [18, с. 7], мы увидим, что она достаточно быстро движется в этом направлении. Понятие человекомерности рассмотрел в философско-методологическом ключе В.С. Степин: «Идеи космизма органично включаются в разработку новой метафизики, которая могла бы стать философским основанием постнеклассического этапа развития науки, обеспечивая дальнейшее развитие общенаучной картины мира в русле идеологии глобального эволюционизма, представлений о «човекомерных», исторически разви-

вающихся системах и идеалах антропокосмизма» [17, с. 690].

При обилии не просто получаемой, но создаваемой посредством цифровых технологий информации, при существовании сложных когнитивных комплексов [14, с. 12], знание серьезно преобразилось. Оно, по существу, требует не только сохранения, чему служат сегодня технологии Big data, но, одновременно, и отрицания их, переработки в новое знание. Полученные в потоке информации сведения сразу же перерабатываются, становясь материалом для технического преобразования. Информация служит пищей для искусственного интеллекта, в то время как естественный интеллект продолжает добывать все новые объемы данных, которые, вполне возможно, так и останутся доступны только машинам, поскольку человек не способен их переработать. Более того, человек так и не становится пользователем этих знаний — он движется к цели освоения методов подключения к работе с информационными потоками цифровых компьютерных комплексов на основе квантовых процессов.

Из прошлого мы начинаем выделять в науке тот матрикс опыта, который поддерживает у человека алгоритмы целеустремленности, самореализации. Происходит активное становление нового, постнеклассического формата рационализации знания, в котором реализуется принцип человекоразмерности, удерживающий в знании вариативность индивидуального, личностного начала. Фактически субъектные свойства индивида тоже вписываются в объективную характеристику мира, объединяя, а не разъединяя человека и природу.

Список источников

1. Зотов А.Ф., Мельвилль Ю.К. Западная философия XX века. Учебное пособие. Москва : Проспект, 1998. 432 с.
2. О различии девайсов и гаджетов. [Электронный ресурс] // Учебка WordPress — создание сайтов для чайников : Блог о создании, ведении и оптимизации сайтов с WordPress. URL: <http://yrokiwp.ru/voprosyi-i-otvetyi/devays-ctoeto-takoe-cto-takoe-gadzhiet> (дата обращения 28.07.2018).
3. Крылов В. Кросс-девайс и проблемы современного маркетинга : [презентация на открытой дискуссионной площадке «Маркетинг 2020: трансформация функции маркетинга» на тему «Cross-device marketing» 16.11.2017] // Высшая школа маркетинга и развития бизнеса НИУ «Высшая школа экономики» : официальный сайт. URL: <https://marketing.hse.ru/data/2017/11/22/1160834548/HSE%20-%20кроссдевайс.pdf> (дата обращения 13.09.2018).
4. Ярославцева Е.И. Цифровые аборигены между прошлым и будущим // Проблемы и методы художественного воспитания и образования в современном поликультурном пространстве : сборник материалов. Москва : РГГУ, 2014. С. 63—73.
5. Басилова Т.А. Слепоглухие дети // Специальная психология: Учебное пособие для студентов высших пед. учебных заведений. 2003. С. 391—406 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=103232> (дата обращения 01.08.2018).
6. Эльконин Д.Б. Психология игры. Москва : Педагогика, 1976. 304 с.
7. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений : избр. психол. тр. / Н.А. Бернштейн ; под ред. В.П. Зинченко. Москва : Московский психолого-социальный ин-т ; Воронеж : МОДЭК, 2008. 687 с.
8. Архитектор медоборудования [Электронный ресурс] // Атлас новых профессий. URL: <http://atlas100.ru/catalog/meditsina/arkhitektor-medoborudovaniya/> (дата обращения 06.05.2018).
9. Золотой век научной фантастики [Электронный ресурс] // Академик : словари и энциклопедии. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1796446#.D0.A0.D0.B0.D0.B7.D0.B2.D0.B8.D1.82.D0.B8.D0.B5_.D0.B6.D0.B0.D0.BD.D1.80.D0.B0 (дата обращения 06.05.2018).
10. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. 447 с.
11. Чернышева Т.А. Природа фантастики. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 331 с.
12. 2 мая исполняется почти 500 лет со дня смерти Леонардо да Винчи [Видео-запись] // Радио Го-лос Столицы : канал на YouTube. 2018, 2 мая. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tMaGa4vq8Uk> (дата обращения 30.07.2018).
13. Пропадавшие рукописи проф. Филиппова [телевизионный фильм] / Телепроект «Искате-

- ли», журн. «Научное обозрение» // Телеканал «Россия – Культура» : официальный сайт. URL: https://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/1726571/brand_id/20907/ (дата обращения 01.08.2018).
14. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. Санкт-Петербург : РХГИ, 2001.
 15. Гатина М.Р., Михель Д.В. Ранняя история Лондонского королевского общества глазами современных историков науки // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Москва : ИВИ РАН, УРСС, 2011. Вып.34 (1). С. 191–205. URL: <http://www.sstu.ru/files/fuss/images/191-205%20Гатина%20Михель-15.pdf> (дата обращения 06.09.2018).
 16. Полани М. Личностное знание : На пути к пост-критической философии. Москва : Прогресс, 1985. 344 с.
 17. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
 18. Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. Москва : Наука, 1992. 229 с.

Science as a Game of Natural Intelligence

Elena I. Yaroslavtseva

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12, Building 1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia
E-mail: yarela15@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the theoretical understanding of implementation of the human-sizedness principle within the framework of post-non-classical science. It is interpreted as a new methodological principle that increases the efficiency of modern science. Thus, post-non-classical science is considered as a system of knowledge, closely connected with people, that develops, on the basis of this approach, more complex criteria for assessing the knowledge obtained. People of the 21st century live in the world of more and more intensive communications and are forced to change in order to meet the conditions of their existence. They are born in a space that is constantly saturated with new digital devices, among which they are already quite comfortable to grow and develop. People will not only preserve, but also create new knowledge, discover the “true humanity” in the depths of history, as well as found the human-sizedness of the future, reducing the risks of existence and spontaneous search for models of individual and social balance. Growing up in a dynamic environment, modern man is ready to switch from the rigid, standard picture of the world to a multidimensional and flexible ima-*

ge of the world continuum. People are potentially able to maintain stability in a difficult to predict situation and confidently navigate in dynamically changing conditions. Research projects immerse people in intellectual competitions to achieve goals and solve problems, which turns into an intellectual sport. People always try to find new ways to interact with nature, develop new tools for this, among which an increasing place is occupied by artificial intelligence, with which you can calculate the many options for communication models. The author focuses on the productivity of this approach in working on complex projects related to plotting the future and designing long-term tasks, when it is crucial to reduce formation risks, to push the horizons of development. The article presents the process of scientific knowledge formation as a historically changing one, analyzes a number of its inherent content characteristics and algorithms, which are key to establishment of the modern format of knowledge rationalization.

Key words: human, culture, natural intelligence, digital technologies, “smart things”, sport, game, knowledge, universities, post-non-classical science, human-sizedness.

Citation: Yaroslavtseva E.I. Science as a Game of Natural Intelligence, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 402–412. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-402-412.

References

1. Zotov A.F., Melvil Yu.K. *Zapadnaya filosofiya XX veka. Uchebnoe posobie* [Western Philosophy

- of the 20th Century. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 1998, 432 p.
2. On the Distinction between Devices and Gadgets, *Uchebka WordPress — sozдание saitov dlya chainikov: Blog o sozdanii, vedenii i optimizatsii saitov s WordPress* [WordPress Tutorial — Creating Websites for Dummies: A Blog on Creating, Maintaining and Optimizing Websites from WordPress]. Available at: <http://yrokiwp.ru/voprosyi-i-otvetyi/devayschto-eto-takoe-chto-takoe-gadzhet> (accessed 28.07.2018) (in Russ.).
3. Krylov V. Cross-Device and the Problems of Modern Marketing, *Vysshaya shkola marketinga i razvitiya biznesa NIU “Vysshaya shkola ekonomiki”: ofitsial’nyi sait* [Higher School of Marketing and Business Development of the Higher School of Economics: official website]. Available at: <https://marketing.hse.ru/data/2017/11/22/1160834548/HSE%20-%20%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%B8%CC%86%D1%81.pdf> (accessed 13.09.2018) (in Russ.).
4. Yaroslavtseva E.I. Digital Aborigines between the Past and the Future, *Problemy i metody khudozhestvennogo vospitaniya i obrazovaniya v sovremennom polikul’turnom prostranstve: sbornik materialov* [Problems and Methods of Artistic Education in the Modern Multicultural Space: collected materials]. Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 63–73 (in Russ.).
5. Basilova T.A. Deaf-Blind Children, *Spetsial’naya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh ped. uchebnykh zavedenii* [Special Psychology: textbook for students of pedagogical higher educational institutions], 2003, pp. 391–406. Available at: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=103232> (accessed 01.08.2018) (in Russ.).
6. Elkonin D.B. *Psikhologiya igry* [Game Psychology]. Moscow, Pedagogika Publ., 1976, 304 p.
7. Bernshtein N.A. *Biomekhanika i fiziologiya dvizhenii: izbr. psikhol. tr.* [Biomechanics and Physiology of Movements: selected psychological works]. Moscow, Moskovskii Psikhologo-Sotsial’nyi Institut Publ., Voronezh, MODEK Publ., 2008, 687 p.
8. Medical Equipment Designer, *Atlas novykh professii* [Atlas of Emerging Jobs]. Available at: <http://atlas100.ru/catalog/meditsina/arkhitektor-medoborudovaniya/> (accessed 06.05.2018) (in Russ.).
9. The Golden Age of Science Fiction, *Akademik: slovari i entsiklopedii* [Academic Dictionaries and Encyclopedias]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1796446#.D0.A0.D0.B0.D0.B7.D0.B2.D0.B8.D1.82.D0.B8.D0.B5_.D0.B6.D0.B0.D0.BD.D1.80.D0.B0 (accessed 06.05.2018) (in Russ.).
10. Britikov A.F. *Russkii sovetskii nauchno-fantasticheskii roman* [Russian Soviet Science Fiction Novel]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe Otdelenie Publ., 1970, 447 p.
11. Chernysheva T.A. *Priroda fantastiki* [The Nature of Fiction]. Irkutsk, Irkutskogo Universiteta Publ., 1984, 331 p.
12. May 2 Marks Almost 500 Years since the Death of Leonardo da Vinci, *Radio Golos Stolitsy: kanal na YouTube* [Golos Stolitsy Radio: YouTube Channel], 2018, May 2. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=tMaGa4vq8Uk> (accessed 30.07.2018) (in Russ.).
13. Professor Filippov’s Missing Manuscripts, *Telekanal “Rossiya – Kul’tura”: ofitsial’nyi sait* [“Russia – Culture” TV Channel: official website]. Available at: https://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/1726571/brand_id/20907/ (accessed 01.08.2018) (in Russ.).
14. Sokuler Z.A. *Znanie i vlast’: nauka v obshchestve moderna* [Knowledge and Power: Science in the Modern Society]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2001.
15. Gatina M.R., Mikhel D.V. The Early History of the Royal Society of London through the Eyes of Modern Historians of Science, *Dialog so vremenem. Al’manakh intellektual’noi istorii* [Dialogue with Time. Almanac of Intellectual History]. Moscow, IVI RAN, URSS Publ., 2011, issue 34 (1), pp. 191–205. Available at: <http://www.sstu.ru/files/fuss/images/191-205%D0%93%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B5%D0%BB%D1%8C-15.pdf> (accessed 06.09.2018) (in Russ.).
16. Polanyi M. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. Moscow, Progress Publ., 1985, 344 p. (in Russ.).
17. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical Knowledge: Structure, Historical Evolution]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000, 744 p.
18. Petrov M.K. *Sotsial’no-kul’turnye osnovaniya razvitiya sovremennoi nauki* [Social and Cultural Foundations of Modern Science Development]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 229 p.

А.М. АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН, Р.Ю. БОГДАНОВА

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УРБАНИСТИКЕ*

Анатолий Михайлович Алексеев-Апраксин,

Санкт-Петербургский государственный
университет,
Институт философии,
доцент

Менделеевская линия, д. 5,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
Высшая школа печати и медиатехнологий,
профессор

Джамбула пер., д. 13,
Санкт-Петербург, 191180, Россия

доктор культурологии, профессор
E-mail: apraksin.spb@gmail.com

Раиса Юрьевна Богданова,

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
Высшая школа печати и медиатехнологий,
старший преподаватель

Джамбула пер., д. 13,
Санкт-Петербург, 191180, Россия

E-mail: foryou@mail.ru

Реферат. Статья посвящена одному из перспективных подходов описания и проектирования современных социокультурных процессов — кластерной модели, учитывающей как процессы дефрагментации реальности, так и способы ее ситуативного объединения. В работе показаны актуальные направления культурфилософских исследований кластерной идентичности, новых

форм коммуникации и социального взаимодействия. Отмечается, что на передовом плане современных научно-практических обсуждений находятся экономические возможности кластерной системы (способность кластерных структур к саморегулированию и усложнению взаимосвязей между субъектами). Выявляются истоки кластерного дискурса, на которые опирается современная кластерная политика Санкт-Петербурга. На основании официальных современных и исторических документов рассматриваются возможности и перспективы данного подхода в градостроительстве и рационализации обустройства городов и регионов. На примере кластера «Авиагородок», начавшего свое развитие в Ленинграде в 1930-х гг., показывается недостаточность оснований для признания принятого современной властью экономического подхода к кластеризации как инновационной концепции развития. В то же время реконструкция восьмидесятилетней истории становления авиахаба Санкт-Петербурга демонстрирует, что кластерный подход (как средство полицентричной территориально-функциональной организации) доказал свою целесообразность и жизнеспособность в изменяемых условиях городского развития. Делается вывод, что нынешнее официальное принятие и продвижение кластерного подхода в градостроительстве требует соответствующего теоретического осмысления, проведения куль-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-00977 «Кластерная культура: исследовательские стратегии и философская аналитика».

турологической экспертизы допустимых диапазонов рационализации обустройства городской среды, а также культурфилософского анализа способности кластеров к формированию и развитию новых социокультурных синтезов.

Ключевые слова: кластер, кластерная застройка, город, Санкт-Петербург, Ленинград, Авиагородок, городская планировка.

Для цитирования: Алексеев-Апраксин А.М., Богданова Р.Ю. Кластерный подход в отечественной урбанистике // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 413–421. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-413-421.

Тема кластерной организации различных сфер социокультурной жизни отражена во многих работах, но в виду недостаточной исследованности продолжает активно изучаться в различных аспектах. Например, для философии культуры кластеризация представляет интерес как проективная модель социокультурных диффузий, учитывающая процессы дефрагментации реальности и способы ситуативного объединения субъектов культуры в кластерные сообщества. Воспринимаясь как следствие эволюционирующих сетевых способов взаимодействия и многообразных идеологических трансформаций, феномен кластера определяется в философской антропологии как пространственное, временное и логическое единство события, формирующее идентичность участвующих в нем субъектов. В свою очередь повсеместно возникающие кластерные сообщества культурологически определяются как «проектные» формы солидарности, характеризующиеся изменением способов идентификации личности. Однако, изучая особенности формирования и бытования кластеров в различных сферах современной культуры, следует обратить внимание, что на передовом плане научно-практических обсуждений и соответствующей проектной деятельности находятся экономические возможности кластерной системы. В частности, способность кластерных структур к саморегулированию и усложнению взаимосвязей между субъектами. В данном

контексте понятие «кластер» все чаще звучит и в разговоре о рационализации обустройства городов и нередко рассматривается властными администрациями как инновационный путь развития регионов.

В градостроительном контексте под кластером в наши дни, как правило, понимается территориальное образование внутри мегаполиса, которое представляет собой относительно автономную структуру (жилую, административно-деловую, торгово-развлекательную, рекреационную), способную обеспечить жителям полный набор городских функций. Следует, однако, отметить, что несмотря на современность звучания данного термина, и с теоретической и с практической точки зрения данная идея кластерной урбанистики не нова. Пожалуй, одним из первооткрывателей того, что впоследствии было осмыслено как градостроительные кластеры, был классик экономической науки англичанин Альфред Маршалл (1842–1924). В труде «Основы экономической науки» он писал, что группы сотрудничающих фирм, располагаясь близко друг к другу, оказываются более производительными, чем тогда, когда они отдалены на значительные расстояния [1]. Среди современников, развивающих выработанный А. Маршаллом подход к организации эффективных производств, можно назвать американского экономиста Майкла Портера, который в работе «Международная конкуренция» выявил механизмы обретения конкурентоспособности благодаря кластерной организации не только отдельных компаний, но целых регионов и даже наций. Согласно М. Портеру, кластерные группы взаимосвязанных компаний и отраслей, сосредоточенных на одной территории, выигрывают благодаря близости расположения и тесному взаимодействию. Кластеры — это двигатели продуктивности. Преимущества кластеров заключаются в возможности быстро обмениваться знаниями, получать новые контакты и осуществлять полный цикл разработки проектов и продуктов на одной территории. Словами М. Портера, кластеры обеспечивают «быструю диффузию лучших практик» [2, р. 52].

Потенциал кластерного развития городов исследовался английским урбанистом Чарльзом Лендри в его работе «Креативный город» [3].

Тема кластеров также изучалась американским социологом Ричардом Флоридом — «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» [4] (недавно вышла с дополнением пяти глав — «Креативный класс: люди, которые создают будущее» [5]) и американским экономистом, автором теории креативного класса Джеральдом Хокинсом, чья «Креативная экономика: как превратить идеи в деньги» [6] по сути явилась итогом исследований этих авторов о развитии территорий посредством культуры. В отечественной литературе одним из первых трудов в данной области стала книга Е.В. Зеленцовой и Н.В. Гладких «Творческие индустрии: теории и практики», рассказывающая об этом феномене и его роли в современном экономическом, социальном и культурном развитии и описывающая как зарубежный, так и российский опыт [7].

В работах 2010-х гг., посвященных моделированию регионального и в особенности городского пространства, актуальность кластерного подхода обосновывается как «переход от моноцентрической городской структуры к полицентрической» [8]. Предполагается, что такой способ территориальной организации в большей степени, нежели другие, способен обеспечить общую сбалансированность градостроительной системы. Это не осталось незамеченным и правительством Санкт-Петербурга, в соответствии с постановлением которого от 29.12.2011 г. № 1782 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28.07.2011 г. № 835» в Перечень мероприятий Комплексной Программы «Наука. Промышленность. Инновации» был включен специальный раздел «Содействие развитию кластеров Санкт-Петербурга» [9]. Кластерная политика города заключается в разработке системы мер и механизмов, осуществляемых (и применяемых) исполнительными органами городской власти, которые обеспечивают реализацию социально-экономической политики Санкт-Петербурга в части создания благоприятных условий для формирования и развития территориальных кластеров, с целью повышения конкурентоспособности организаций, входящих в кластеры [10].

Как уже отмечалось, проблема кластеризации городов начала широко обсуждаться срав-

нительно недавно, хотя на практике близкие по форме подходы использовались при проектировании городов и ранее. Еще в марте 1925 г. Главное управление коммунального хозяйства Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР) утвердило «Правила распланировки и застройки городов». Данный документ обязывал все города РСФСР иметь планы и проекты планировки «селитебных частей». Исполнение указа активизировало работу, начатую в Петрограде в 1918 г. у архитектурной мастерской Ивана Александровича Фомина (1872–1936). Однако разработка генерального плана развития Ленинграда была поручена Льву Александровичу Ильину (1880–1942) — главному архитектору города (с 1925 по 1938). Под его руководством разработчики сформировали три документа: «Схема районирования» (1927), «Зональный план города» (1929) и «Эскизный проект планировки Ленинграда» (1933) [11, с. 136–137]. Следует отметить, что важнейшей особенностью первого документа была продуманная связь развития будущего города с развитием окружающих его территорий, и для размещения промышленной и селитебной зон в перспективе предполагалось использование пригородных территорий [12].

Одним из решений по реализации генерального плана развития Ленинграда было постановление о создании в южной части города, недалеко от Пулковских высот около деревни Каменка архитектурного комплекса «Авиагородок». Хотя термин «кластер» и не употреблялся разработчиками, по сути это было его создание. Необходимость данного формирования связывалась с возросшим в начале 1930-х гг. объемом работ у гражданской авиации в народном хозяйстве, а также индустриализацией и реконструкцией Ленинградской области. Для решения поставленных задач был сформирован план строительства аэропорта и создания учебного заведения для подготовки авиационных кадров. На территории кластера планировалось также построить: аэродром, институт инженеров гражданского воздушного флота, жилые дома и всю необходимую инфраструктуру. Начало реализации этого проекта можно отнести к апрелю 1930 г., когда вышло постановление Совета народных комиссаров, согласно которому был организован Ленинградский

институт инженеров гражданского воздушного флота (ЛИИ ГВФ), решено оборудовать аэродром для экспериментально-учебных полетов и научных целей, а также для перспективного создания в будущем первоклассного аэродрома [13].

В феврале 1931 г. было начато строительство института, жилых домов и аэродрома. Территория, до этого пустовавшая, превратилась в огромную строительную площадку. Началось создание архитектурного ансамбля в стиле конструктивизма. Разработчиками проекта стали архитекторы Г.В. Майзель, Е.В. Цейтц, Б.Я. Карамышев. Центральную площадь с трех сторон предполагалось застроить зданиями сложной конфигурации, характерной для выбранного стиля [14, с. 122]. Корпуса здания ЛИИ ГВФ размещались с восточной стороны главной площади. Строительство велось с 1931 по 1933 год. Здание по плану состояло из нескольких прямоугольных разновысотных корпусов, с двумя выступающими полукруглыми объемами [15, с. 122]. Его можно назвать типичным для построек конца 1920-х — начала 1930-х гг. без учета таких характерных признаков стиля конструктивизма, как использование контраста стенных плоскостей и больших поверхностей ленточного остекления, а также применение железобетонных конструкций.

Уже через полтора года (24 июня 1932 г.) был сдан в эксплуатацию градообразующий объект кластера — аэродром, на который перебазировался авиаотряд учебно-летного комплекса института. Впоследствии дата стала считаться днем рождения современного авиапредприятия «Пулково». Аэродром стал именоваться «Шоссейная» от названия расположенной поблизости железнодорожной платформы «Шоссейная». Постепенно рядом с летным полем выросли ангары для самолетов, служебное здание с комнатами для летного состава и пассажиров, учебными классами и авиаметеостанцией, ремонтные мастерские, различные вспомогательные сооружения. В 1936 г. по проекту архитектора Г.В. Майзеля было начато строительство каменного здания аэровокзала. Строительство аэропорта продолжалось до начала Великой Отечественной войны. К 1940-м гг. на территории кластера были построены аэро-

дром и аэровокзал, несколько жилых домов, школа, магазин, здание ЛИИ ГВФ с клубом. В 1941—1944 гг. в районе Авиагородка проходила линия фронта, поэтому многие его постройки при бомбежках и артобстрелах были разрушены. Уже 8 сентября 1941 г., когда фашистские войска сомкнули кольцо окружения вокруг Ленинграда, перехватив все сухопутные пути, население авиагородка было эвакуировано, осталось только отделение военизированной охраны (ВОХР).

После снятия блокады Ленинграда 27 января 1944 г. территория современного Московского района, примыкающая к Пулковским высотам, и кластера «Авиагородок», где проходил передовой рубеж обороны города, представляла собой искореженную снарядами и траншеями землю. Фактически полностью были разрушены жилые и производственные помещения. В послевоенные годы на этой территории обнаружили более 16,5 тыс. мин и снарядов. В этих условиях коллектив «Строительства № 52» начал восстановительные работы. 22 марта 1946 г. на базе данной организации было создано Строительно-монтажное управление (СМУ) № 1 «Аэропортстрой», продолжавшее заниматься восстановлением разрушенных зданий, а затем и постройкой новых объектов. Когда первый самолет, пилотируемый заместителем начальника аэропорта по летной работе Генрихом Окулевиным, приземлился на бетонную взлетно-посадочную полосу аэродрома «Шоссейная» (ныне «Пулково-2»), кроме двух деревянных бараков, пары десятков комнат в восстанавливаемом аэровокзале, единственной рулежной бетонной дорожки и четырех мест для стоянок самолетов, здесь больше ничего не было.

Аэропорт «Шоссейная» был сдан в эксплуатацию 15 февраля 1948 года. В течение десяти последующих лет он получил аэровокзальный комплекс с основными производственными корпусами, взлетно-посадочной полосой и бетонными покрытиями (свыше 300 тыс. м²), железной и автомобильными дорогами, связью и радиообъектами. Параллельно велась работа по застройке кластера «Авиагородок» жилыми домами, но уже по новому проекту. В послевоенные годы также были построены Дом культуры, детский сад, школа и поликли-

ника. В 1951 г. состоялось открытие нового аэровокзала «Шоссейная» по проекту архитектора А.И. Гегелло. Решение о восстановлении и реконструкции здания института было принято только в 1955 году. В письме Управления по делам архитектуры от 9 декабря 1955 г. № 5/8645 Северному территориальному управлению гражданского воздушного флота говорится о том, что в восстанавливаемом здании предполагается разместить школу фабрично-заводского обучения на 150 человек, школу десятилетку на 400 человек, общежитие, жилые квартиры, гарнизонный клуб на 400 человек со сценой, кинобудкой и вспомогательными помещениями (фойе), спортзал, караульные, служебно-конторские помещения и др.

30 октября 1955 г. Ленинградский городской совет депутатов трудящихся, Управление по делам архитектуры, Отдел застройки города направил в северное территориальное Управление гражданского воздушного флота «Архитектурно-планировочное задание на составление проекта восстановления и реконструкции бывшего Института инженеров гражданского воздушного флота на территории Аэропорта в Московском районе». На основании утвержденного 30 декабря 1955 г. документа здание подлежало восстановлению в существующих габаритах, без излишеств в архитектурном оформлении. В целях обеспечения помещениями подразделений, базирующихся в аэропорту Ленинграда, в проект входило восстановление всего здания для использования его по следующему назначению: корпус А — под индивидуальные квартиры; корпус Б — под учебные и служебные помещения; корпус В — под гарнизонный клуб, размещение отряда ВОХР, служебные помещения авиаотряда, общежитие для одиночек. С начала 1960-х гг. в «Авиагородке» возобновилось массовое строительство жилых домов. Проект планировки и застройки данного района разработал архитектор В.А. Потапов. В эти годы были возведены также новые учебные и промышленные здания, пристроены дополнительные корпуса к бывшему зданию института. Последняя четвертая очередь восстановления бывшего здания института в Ленинградском аэропорту была сдана в эксплуатацию через десять лет после начала работ — в 1964 году.

В подтверждение правильности выбора территории для создания «Авиагородка», в 1972 г. в южном направлении, примерно в 2 км от первоначальных границ территории кластера, был построен второй аэропорт «Пулково-1». Ранее построенному присвоили название «Пулково-2». На нем в последующем осуществлялось обслуживание международных рейсов. Здание аэровокзала аэропорта «Пулково-1», начавшего работу в мае 1973 г., было построено по проекту архитекторов А. Жука, Ж. Вержбицкого, С. Кузьменко [16]. Планировочное решение предусматривало полное разделение прибывающих и отлетающих пассажиров. Главная находка А. Жука при проектировании «Пулково-1» — это световые фонари, в которых соединены конструктивные, функциональные и эстетические свойства. Помимо того что световые фонари — «стаканы» являлись важнейшим элементом, формирующим облик здания снаружи (в том числе и сверху), они служили его опорами. Каждый из стеклянных куполов как бы стоял на несущую колонну в центре. Вокруг колонн, под фонарями, были сделаны пролеты сквозь все этажи здания. Таким образом, в помещения проникало больше естественного света. Эти «колодцы» помогали пассажирам ориентироваться внутри аэровокзала: заглядывая в них, можно было понять, на каком уровне находишься.

О связи созданного и расширяющегося кластера с аэропортом напоминают и названия его улиц, которым с 1976 г. стали давать имена, связанные с авиацией: Взлетная, Вертолетная, Пилотов, Стартовая, Штурманская. В 1986 г. был открыт обновленный аэровокзал «Пулково-2». С двух сторон от старого корпуса выстроились новые просторные павильоны. Международный аэровокзальный комплекс «Пулково-2», расположенный в створе Стартовой улицы, сформировал ансамбль привокзальной площади. Здание Института инженеров Гражданского воздушного флота за прошедшие годы перешло к другим владельцам, частично изменилось его функциональное предназначение и объемно-пространственное решение. 20 февраля 2001 г. приказом № 15 Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры оно было отнесено к выявленным объектам культурного наследия,

а в 2015 г. включено в перечень объектов культурного наследия регионального значения как памятник архитектуры [17].

За последнее десятилетие рассматриваемая территория разительно изменилась. 30 октября 2009 г. началась реализация проекта развития Воздушной гавани Северной столицы. ООО «Воздушные ворота Северной столицы», ОАО «Аэропорт «Пулково» и Правительство Санкт-Петербурга заключили соглашение о создании, реконструкции и эксплуатации объектов, входящих в состав имущества аэропорта до 2039 года. Уже сегодня реализованная часть проекта позволила полностью преобразовать окружающую территорию. Вновь созданный аэровокзальный комплекс, включающий два терминала (открытые соответственно 04.12.2013 г. и 03.02.2015 г.), обслуживает внутренние по России и международные рейсы, а старый международный терминал «Пулково-2» передан под обслуживание частных самолетов. Внутри современных терминалов находятся зона отдыха, магазины, бары, бизнес-залы, VIP-залы. Окружающая территория также продолжает застраиваться, представляя собой определенную без малого век назад модель градостроительства. Нарастание числа предприятий и поставщиков услуг кластера «Авиагородок» способствует городской активности, становясь драйвером развития.

Следует отметить, что советская застройка авиационного кластера предполагала создание единого архитектурного ансамбля, который, судя по проектам и сохранившимся документам, мог бы войти в историю градостроительства как один из крупнейших ансамблей в стиле конструктивизма. Сегодня напоминанием о нем служит лишь здание Института инженеров Гражданского воздушного флота, включенное в Единый государственный реестр объектов культурного наследия как памятник архитектуры. Несмотря на утрату ансамбля, которая не может не вызывать сожаление у людей, неравнодушных к архитектурному облику города, созданный в 1930-х гг. кластер продолжает развиваться, сохраняя первоначальную функцию. Эстетическая ценность возводимых в последующие годы строений хотя и является предметом дискуссий, в целом отвечает визуальной стилистике современного аэрополиса.

Планировка рабочих, рекреационных и жилых пространств этого транспортного хаба подчинена сегодня функциям центрального делового ядра — аэропорта со всеми необходимыми для него инфраструктурными решениями.

Как отмечалось в начале данной статьи, городские власти уделяют большое внимание кластерному развитию. Уровень кластеризации в промышленности Санкт-Петербурга на 2011 г. уже составлял более 80%, делая его лидером не только в России, но и в Европе [18]. Эта работа не прекращалась, и к 2018 г. при поддержке Центра кластерного развития Санкт-Петербурга в городе реализуются 12 проектов по следующим направлениям: кластер информационных технологий и радиоэлектроники, кластер медицинской и фармацевтической промышленности, композитный кластер, кластер транспортного машиностроения, кластер станкоинструментальной промышленности, кластер чистых технологий для городской среды, кластер развития инноваций в энергетике и промышленности, кластер ювелиров Санкт-Петербурга, кластер водоснабжения и водоотведения, кластер «Автопром северо-запад», объединенный кластер «Инноград науки и технологий», промышленный кластер робототехники морского применения. Активно развиваются в городе и художественные кластеры, позиционирующие себя как креативные пространства, такие как «Артмуза», «Этажи», «Ткачи», «Пушкинская-10», «Новая Голландия» и др.

Подводя итоги, следует отметить, что становление и развитие «Авиагородка» в целом демонстрирует целесообразность кластерного подхода как средства территориальной организации. История показала его жизнеспособность в условиях интенсификации городского развития. Внимание наших предшественников к эстетике городской среды дает почву для переосмысления многих негативных стереотипов по отношению к советскому периоду. Разумеется, развитие территорий по-прежнему нуждается в государственном планировании. Тем не менее вводимое сегодня понятие «кластеризация» подразумевает значительно большую степень самоорганизации субъектов экономической и в целом культурной деятельности, чем это предполагала плановая экономика.

Перспективы кластеризации территорий связаны с надеждами на нахождение путей

эффективного развития городов по полицентрической модели. Однако сделать экономику того или иного топоса конкурентоспособной, а логистику целесообразной недостаточно для процветания того или иного региона. Важно создавать комфортную среду обитания, ориентированную на экологические и эстетические запросы современного человека. С этой целью к работам по проектированию городских систем необходимо привлекать гуманитариев, тонко чувствующих историко-культурную специфику места. Кроме того, нынешнее официальное принятие и продвижение кластерного подхода в градостроительстве требует соответствующего теоретического осмысления и культурологической экспертизы допустимых диапазонов рационализации обустройства городской среды. Важным аспектом анализа кластеров является и их способность к формированию и развитию новых культурных синтезов.

Список источников

1. *Маршалл А.* Основы экономической науки. Москва : Эксмо, 2008. 832 с.
2. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations, New York : Free Press, 1990. 875 p.
3. *Лэндри Ч.* Креативный город. Москва : Классика-XXI : Фонд «Ин-т культурной политики», 2011. 397 с.
4. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Москва : Классика-XXI, 2005. 430 с.
5. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые создают будущее. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 373 с.
6. *Хокинс Дж.* Креативная экономика: как превратить идеи в деньги. Москва : Финансовая корпорация Открытие : Классика-XXI, 2011. 253 с.
7. *Зеленцова Е.В., Гладких Н.В.* Творческие индустрии: теории и практики. Москва : Классика-XXI, 2010. 240 с.
8. *Гайкова Л.В.* Полицентризм как парадигма развития российских городов [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2015. № 50. URL: <http://research.sfu-kras.ru/publications/publication/947152209-222720748> (дата обращения: 01.04.2018).
9. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 29.12.2011 г. № 1782 «О внесении изменений в Постановление Правительст-ва Санкт-Петербурга от 28.06.2011 г. № 835» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1462288> (дата обращения: 01.04.2018).
10. Концепция проекта «Обеспечение деятельности Центра кластерного развития Санкт-Петербурга» в 2016 году и плановый период 2017–2018 годы. URL: <http://lib.knigi-x.ru/23ekonomika/417152-1-koncepciya-proekta-obespechenie-deyatelnosti-centra-klasternogo-razvitiya-sankt-peterburga-2016-godu-planoviy.php> (дата обращения: 02.04.2018).
11. *Семенов С.В.* Градостроительство Петрограда-Ленинграда: от революционного разгрома 1917–1918 годов к Возрождению 1930 года // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Искусствоведение. 2012. Вып. 1. С. 130–143.
12. *Вайтенс А.Г. Л.А. Ильин* — главный архитектор послереволюционного Петрограда-Ленинграда (1924–1938 гг.) [Электронный ресурс] // [Конференция MONUMENTALITA & MODERNITA : материалы конф. 2010]. URL: <http://old.kapitel-spb.ru/index.php/component/content/article/12-konferent/53-vaytens?start=1> (дата обращения: 03.04.2018).
13. *Хороших В.А.* Учебные комбинаты гражданского воздушного флота СССР // Становление и развитие гражданской авиации в России (1910–1940-е гг.) : Междунар. конф., посвящ. 125-летию И.И. Сикорского и 100-летию первого перелета самолета «Илья Муромец» с пассажирами по маршруту Петербург-Киев (г. Ульяновск, 26–27 сент. 2014 г.) : сб. науч. трудов в 2 ч. Ч. 1. Ульяновск : ИПК «Венец» Ульяновского гос. техн. ун-та, 2014. С. 76–82.
14. Макет Института гражданского воздушного флота. Архитекторы Г.В. Майзель, Е.В. Цейтц, Б.Я. Карамышев [Изоматериал] // Ежегодник Общества архитекторов-художников. 1935. Вып. 14. С. 122.
15. Проект Института гражданского воздушного флота. План 1 этажа. Архитекторы Г.В. Майзель, Е.В. Цейтц, Б.Я. Карамышев [Изоматериал] // Ежегодник Общества архитекторов-художников. 1935. Вып. 14. С. 122.
16. *Тарановская М.З., Дуранина И.С., Квятковский И.А.* Творчество Ленинградских архитекторов. Ленинград : Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1979. 304 с.
17. О включении выявленного объекта культурного наследия в единый государственный реестр

объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Российской Федерации : распоряжение Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга № 10-110 от 13.03.2015 г.

[Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/537971430> (дата обращения: 04.04.2018).

18. Адамова К.З. Квазиинтегрированные структуры в новой экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2011. 24 с.

The Cluster Approach in Russian Urban Studies

Anatoly M. Alekseev-Apraksin ^{1,2*},
Raisa Yu. Bogdanova ^{2**}

¹ Saint Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russia

² Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 13, Dzhambula Lane, St. Petersburg, 191180, Russia

E-mail: * apraksin.spb@gmail.com,

** foryou@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to one of the promising approaches to description and design of modern social and cultural processes — the cluster model, which takes into account both the processes of reality defragmentation and the ways of its situational unification. The article shows the current directions of the cultural and philosophical research of cluster identity, new forms of communication and social interaction. The authors note that, at the forefront of the modern scientific and practical discussions, there are economic opportunities of the cluster system (the ability of cluster structures to self-regulation and complication of the relationships between subjects). The sources of the cluster discourse, on which the modern cluster policy of Saint Petersburg is based, are revealed. On the basis of official modern and historical documents, the article considers the capability and prospects of this approach in urban planning and rationalization of urban and regional development. By the example of Aviagorodok cluster, which began its development in Leningrad in the 1930s, the article demonstrates the lack of grounds for recognition of the economic approach to clustering adopted by the modern government as an innovative concept of development. At the same time, the reconstruction of the eighty-year history of the St. Petersburg air hub development demonstrates that the cluster ap-*

proach (as a means of polycentric territorial and functional organization) has proved its feasibility and viability in the changing conditions of urban development. The authors conclude that the current official adoption and promotion of the cluster approach in urban planning requires an appropriate theoretical understanding, a cultural examination of the permissible ranges for the rationalization of urban environment improvement, as well as a cultural and philosophical analysis of the ability of clusters to form and develop new social and cultural syntheses.

Key words: cluster, cluster building, city, Saint Petersburg, Leningrad, Aviagorodok, urban planning.

Citation: Alekseev-Apraksin A.M., Bogdanova R.Yu. The Cluster Approach in Russian Urban Studies, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 413–421. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-413-421.

Acknowledgements.

This article is written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-011-00977 “Cluster Culture: Research Strategies and Philosophical Analytics”.

References

1. Marshall A. *Fundamentals of Economics*. Moscow, Eksmo Publ., 2008, 832 p. (in Russ.).
2. Porter M.E. *The Competitive Advantage of Nations*, New York, Free Press Publ., 1990, 875 p.
3. Landry Ch. *The Creative City*. Moscow, Klassika-XXI Publ., Fond “Institut Kul’turnoi Politiki” Publ., 2011, 397 p. (in Russ.).
4. Florida R. *Creative Class: The People Who Change the Future*. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2005, 430 p. (in Russ.).
5. Florida R. *Creative Class: The People Who Create the Future*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2016, 373 p. (in Russ.).

6. Howkins J. *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*. Moscow, Finansovaya Korporatsiya Otkrytie Publ., Klassika-XXI Publ., 2011, 253 p. (in Russ.).
7. Zelentsova E.V., Gladkikh N.V. *Tvorcheskie industrii: teorii i praktiki* [Creative Industries: Theories and Practices]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2010, 240 p.
8. Gaikova L.V. Polycentricity as the Paradigm of Development of Russian Cities, *Arkhitekton: izvestiya vuzov* [Architecton: News of Universities], 2015, no. 50. Available at: <http://research.sfu-kras.ru/publications/publication/947152209-222720748> (accessed 01.04.2018) (in Russ.).
9. *Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 29.12.2011 g. № 1782 "O vnesenii izmenenii v Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 28.06.2011 g. № 835"* [Decree of the Saint Petersburg Government of 29.12.2011 № 1782 "On Amendments to Decree of the Saint Petersburg Government of 28.06.2011 № 835"]. Available at: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1462288> (accessed 01.04.2018).
10. *Kontseptsiya proekta "Obespechenie deyatel'nosti Tsentra klasternogo razvitiya Sankt-Peterburga" v 2016 godu i planovyi period 2017–2018 gody* [The Concept of the Project "Ensuring the Activities of the Center for Cluster Development of Saint Petersburg" in 2016, and the Planning Period of 2017–2018». Available at: <http://lib.knigi-x.ru/23ekonomika/417152-1-koncepciya-proekta-obespechenie-deyatelnosti-centra-klasternogo-razvitiya-sankt-peterburga-2016-godu-planoviy.php> (accessed 02.04.2018).
11. Sementsov S.V. Urban-Planning of Petrograd-Leningrad: From the Revolutionary Defeat of 1917–1918 to the Renaissance of 1935, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the St. Petersburg State University. Art Studies], 2012, issue 1, pp. 130–143 (in Russ.).
12. Vaitens A.G. L.A. Ilyin — the Main Architect of the Post-Revolutionary Petrograd-Leningrad (1924–1938), *Konferentsiya MONUMENTALITA & MODERNITA: materialy konf. 2010* [Proceedings of the Conference "MONUMENTALITA & MODERNITA" 2010]. Available at: <http://old.kapitel-spb.ru/index.php/component/content/article/12-konferent/53-vaytens?start=1> (accessed 03.04.2018) (in Russ.).
13. Khoroshikh V.A. Training Schools of the Civil Air Fleet of the USSR, *Stanovlenie i razvitie grazhdanskoj aviatsii v Rossii (1910–1940-e gg.): Mezhdunar. konf., posvyashch. 125-letiyu I.I. Sikorskogo i 100-letiyu pervogo pereleta samoleta «Il'ya Muromets» s passazhirami po marshrutu Peterburg-Kiev (g. Ul'yanovsk, 26–27 sent. 2014 g.): sb. nauch. trudov v 2 ch. Ch. 1* [Formation and Development of Civil Aviation in Russia (1910s–1940s): International Conference Dedicated to the 125th Anniversary of I.I. Sikorsky and the 100th Anniversary of the First Flight of the Aircraft "Ilya Muromets" with Passengers on the Route Petersburg-Kiev (Moscow, September 26–27, 2014): collected scientific papers in 2 parts. Part 1]. Ulyanovsk, IPK "Venets" Ul'yanovskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta Publ., 2014, pp. 76–82 (in Russ.).
14. A Model of the Institute of Civil Air Fleet. Architects G.V. Maizel, E.V. Tseititz, B.Ya. Karamyshev, *Ezhegodnik Obshchestva arkhitektorov-khudozhnikov* [Yearbook of the Society of Architects-Artists], 1935, issue 14, pp. 122 (in Russ.).
15. Project of the Institute of Civil Air Fleet. 1st Floor Plan. Architects G.V. Maizel, E.V. Tseititz, B.Ya. Karamyshev, *Ezhegodnik Obshchestva arkhitektorov-khudozhnikov* [Yearbook of the Society of Architects-Artists], 1935, issue 14, p. 122 (in Russ.).
16. Taranovskaya M.Z., Duranina I.S., Kvyatkovsky I.A. *Tvorchestvo Leningradskikh arkhitektorov* [The Art of Leningrad Architects]. Leningrad, Stroiizdat. Leningradskoe Otdelenie Publ., 1979, 304 p.
17. *O vkl'yuchenii vyyavlennoogo ob'ekta kul'turnogo naslediya v edinyi gosudarstvennyi reestr ob'ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) Rossiiskoi Federatsii: rasporyazhenie Komiteta po gosudarstvennomu kontrolyu, ispol'zovaniyu i okhrane pamyatnikov istorii i kul'tury Pravitel'stva Sankt-Peterburga № 10-110 ot 13.03.2015 g.* [On Inclusion of the Revealed Object of Cultural Heritage into the Unified State Register of Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Russian Federation: The Order of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments of the Saint Petersburg Government No. 10-110 of 13.03.2015]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/537971430> (accessed 04.04.2018).
18. Adamova K.Z. *Kvaziintegrirovannye struktury v novoi ekonomike* [Quasi-Integrated Structures in the New Economy], Cand. econ. sci. diss. abstr. Saratov, 2011, 24 p.

УДК 316.7
ББК 71.084.4
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-4-422-435

Т.С. ЗЛОТНИКОВА, Н.Н. ЛЕТИНА

РОССИЙСКИЙ ДИСКУРС МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОКУСЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Татьяна Семеновна Злотникова,
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского,
кафедра культурологии,
профессор
Республиканская ул., д. 108/1,
Ярославль, 150000, Россия
доктор искусствоведения, профессор
E-mail: zlotnts@rambler.ru

Наталья Николаевна Летина,
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского,
кафедра культурологии,
доцент
Республиканская ул., д. 108/1,
Ярославль, 150000, Россия
доктор культурологии, доцент
E-mail: liotina@mail.ru

Реферат. Ставится проблема формирования алгоритма социокультурного исследования, позволяющего раскрыть уникальное соотношение выявленных авторами пластов отечественной массовой культуры. Представлены основания формирования выборки, содержания опросных материалов. Особое внимание уделяется факту преемственности исследования российского дискурса массовой культуры в теоретико-методологическом и эмпирическом планах. Определены концептуальные основания, ставшие стержнем социокультурного опроса: российский дискурс массовой культуры соотнесен с глобализационным и аутентичным пластами, присутствие в которых характеризует и деятельность творцов, и работу массового сознания.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда: проект 14-18-01833-П «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс».

ния по восприятию явлений массовой культуры и самосознанию.

В статье суммированы глобализационные вызовы и аутентичные ответы, представленные в материалах 300 анкет, полученных в период 15.04–30.12.2017 г. от респондентов, географически представляющих практически всю Россию (города Мурманск, Кинешма, Красноярск, Рыбинск, Симферополь, Тамбов; крупные региональные центры Красноярск, Самара, Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Казань; малые города Североморск, Новокуйбышевск, Всеволожск, Большое Село, Тутаев, Ачинск).

Установлено, что массовая культура не безразлична для россиян, она является вызовом для формирования как активной, так и пассивной позиции ее потребителя. На основе систематизации результатов социокультурного опроса 2017 г. подтверждена эффективность разработанного ранее и апробированного в 2015 г. интегративного алгоритма социокультурного исследования восприятия массовой культуры. В результате верифицирована исторически обусловленная экзистенция современной массовой культуры в сознании нашего современника как значимой среды жизни, причем неотрефлексированной на уровне личностных интенций самосознания.

Ключевые слова: массовая культура, российская культура, современность, среда жизни, самосознание, коллективные интенции, междисциплинарное социокультурное исследование.

Для цитирования: Злотникова Т.С., Летина Н.Н. Российский дискурс массовой культуры в фокусе социокультурного исследования // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 422–435. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-422-435.

Массовая культура привлекает к себе внимание многих исследователей своей очевидностью в качестве значимого социального, нравственного, коммуникативного феномена. Причем в России внимание к ней стало проявляться в последние два десятилетия в связи со снятием (по

умолчанию) запрета на культурный феномен, имевший прежде формально «буржуазную» принадлежность.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Важной, хотя по сути не оторефлексированной особенностью большинства отечественных исследований или отдельных суждений в отношении массовой культуры является их сугубо теоретический характер [1–3]. Тем не менее, массовая культура — это живой и постоянно меняющийся феномен, прирастающий новыми, малоожидаемыми артефактами, акциями, включающий в свою сферу всё новых творцов и расширяющий свою аудиторию. Отсюда особенно важной является парадигма теоретически обоснованных и эмпирически обеспеченных исследований, которых в России неизмеримо меньше, чем теоретических построений. Этот существенный пробел в научном постижении важнейшего культурного феномена в последние годы последовательно восполняется исследованиями научного коллектива, который на протяжении длительного времени разрабатывал алгоритмы эмпирического постижения актуальных проблем отечественной культуры [4–7], а в период 2015–2017 гг. (25.02–25.04.2015 и 15.04–30.12.2017) в рамках работ по грантам Российского научного фонда «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс» провел ряд социокультурных опросов и интервью [8–12].

Работа имела, как следует из анализа ее результатов, не только академическую, но и социально-нравственную компоненту, позволив привлечь внимание рядовых жителей России, деятелей культуры, науки и образования к аналитическому постижению актуальных культурных практик. Нами были проведены как анкетирование жителей репрезентативных и разнообразных российских регионов, так и интервьюирование экстраординарных и обычных для современной

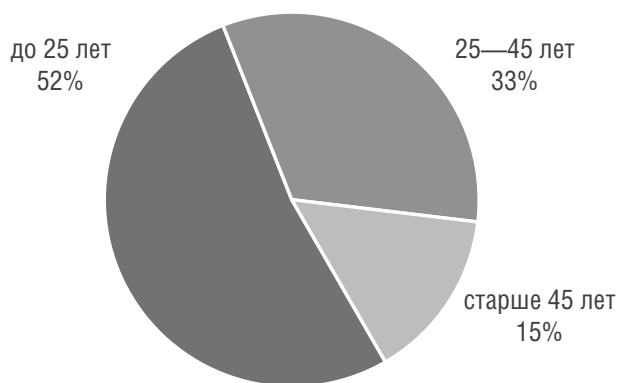


Рис. 1. Возрастная выборка респондентов

России в социокультурном аспекте персон с целью выявления и обобщения личностных и коллективных интенций самосознания в отношении актуальной проблемы «массовая культура — среда нашей жизни». По итогам систематизации материалов, полученных в 2015 г., был осуществлен обширный междисциплинарный [13; 14] корреспондирующий с актуальной парадигмой трансдисциплинарности [15] (включающей «не только собственно гуманитарные науки, но и различные области междисциплинарных исследований, трансдисциплинарные образования, прикладные и технологические гуманитарные изыскания» [16, с. 32]), дискурс российской массовой культуры. Научные результаты были поставлены Е.Н. Шапинской в ряд включающих немногочисленные «серьезные исследования массовой культуры, отвечающие необходимости осмыслить ее как важный фактор в социокультурной жизни наших современников» [17], показательный в контексте российской провинции, возрастной, гендерной, иной социокультурной детерминированности, а В.Н. Липским — охарактеризованы как редкое проявление эстетического отношения к массовому сознанию и массовой культуре [18, с. 258].

Целью опроса 2017 г., как и проведенного за два года до этого (в основном в крупных российских городах), было выявление прямых и косвенных свидетельств пребывания жителей российской провинции, прежде всего жителей средних и малых городов, в среде массовой культуры; конкретными задачами — установле-

ние парадоксальных и системных свидетельств психоэмоционального и культурно-нравственного модуса бытия современного российского провинциала как объекта и субъекта процессов, акций, артефактов массовой культуры. Выборка социокультурного исследования 2017 г., носившего отчасти коррелятивный, отчасти дополняющий в отношении работ 2015 г. характер, составила 300 респондентов (в 2015 г. — 200). География мест жительства респондентов охватила Россию: Мурманск, Кинешму, Красноярск, Рыбинск, Симферополь, Тамбов. Анкеты были собраны как в крупных региональных центрах (Красноярск, Самара, Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Казань и др.), так и в малых городах (Североморск, Новокуйбышевск, Всеволожск, Большое Село, Тутаев, Ачинск и др.). Основная в возрастном плане выборка (см. рис. 1) — совершеннолетние, в возрасте до 25 лет — 156 (52%), от 25 до 45 лет — 98 (32,7%), старше 45 лет — 44 (14,7%). Гендерный дисплей, произвольно сложившийся, асимметричен: включает 73% женщин и 27% мужчин.

Родом своих занятий респонденты указали как конкретные профессии (биолог, железнодорожник, научный сотрудник, учитель, бухгалтер, поэт, эзотерик и др.), так и сферу деятельности либо организации, в которых работают (музейное дело, образование, спорт, МВД, музей, таможня и др.).

В анкету, подготовленную в 2017 г. для проведения социокультурного опроса с целью выявления представлений жителей современной России о массовой культуре как гипотетической (отталкивающей или притягательной) сфере их жизни, были включены 15 вопросов (приводим их полностью).

1. Сообщите, пожалуйста, о себе:

- ◆ Ваш город:
- ◆ Ваш возраст:
- ◆ Ваш пол:
- ◆ Ваша профессия/род занятий/сфера деятельности.

2. Что для Вас входит в понятие имиджа:

- 1) одежда, обувь, другие аксессуары (какие марки, бренды?);
- 2) манера поведения, речи (какая?);

3) служебное положение, должность, род деятельности;

4) автомобиль (какой?);

5) жилье (какое?).

3. Пользуетесь ли Вы социальными сетями:

1) да (какими? с какой целью?);

2) нет (почему?).

4. Можете ли Вы причислить к элите:

1) себя (по происхождению? по факту принадлежности к определенному сообществу? по иной причине — какой именно?);

2) своих знакомых, коллег, преподавателей (всех? немногих? никого? по какой причине?).

5. Обозначьте, пожалуйста, Вашу иерархию ценностей (пронумеруйте от более важных к менее важным) и, если сочтете нужным, добавьте и пронумеруйте в общем ряду свои варианты:

- ◆ здоровье,
- ◆ образование,
- ◆ карьера,
- ◆ семейное благополучие,
- ◆ красота,
- ◆ творческая самореализация,
- ◆ материальный достаток,
- ◆ свой вариант.

6. Россия — страна многонациональная, но титульной нацией в ней являются русские. Тем не менее, слово «русский» не так уж часто звучит и в обыденной речи, и в названиях учреждений, изданий, произведений искусства. Приведите, пожалуйста, словосочетания, включающие это прилагательное, и отметьте свое восприятие знаком (+) или (-).

7. Выразите знаками (+) или (-) свои симпатии или антипатии к нашим современникам:

1) ваш губернатор,

2) ваш мэр,

3) публичный политик общероссийского ранга,

4) кто-либо из людей искусства,

5) кто-либо из ученых — современных, из недавнего прошлого,

6) кто-либо из представителей массмедиа,

7) современный представитель Вашей профессии.

8. Согласны ли Вы, что гипермаркет — символ современной социокультурной жизни? Если нет — предложите свой вариант:

1) да (назовите какие-либо известные Вам гипермаркеты),

2) нет (почему?),

3) если не гипермаркет — что ?

9. Назовите 3 произведения современной массовой культуры, которые произвели на вас сильное впечатление в последние 3 года. Останутся ли они актуальными сейчас и останутся ли таковыми в будущем?

Мотивируйте ответ (1—2 предложения).

10. Какой жанр кинофильмов для Вас наиболее привлекателен (назовите 2—3 любимых фильма выбранного жанра):

1) комедия,

2) мелодрама,

3) историческая драма,

4) фэнтези,

5) вестерн,

6) другой — какой именно?

11. Кого из современных отечественных творцов Вы можете отнести к массовой культуре, кого — к элитарной? (Поставьте против каждой персоны буквы «М» — массовая или «Э» — элитарная).

1) Акунин Борис (Григорий Шалвович Чхартишвили), писатель;

2) Бекмамбетов Тимур Нуруахитович, кинорежиссер;

3) Боярская Елизавета Михайловна, актриса театра и кино;

4) Гергиев Валерий Абисалович, дирижер;

5) Донцова (Васильева) Дарья Аркадьевна, писательница;

6) Михалков Никита Сергеевич, кинорежиссер и актер;

7) Нетребко Анна Юрьевна, певица;

8) Прилепин Захар (Евгений Николаевич), писатель;

9) Табаков Олег Павлович, актер и педагог;

10) Церетели Зураб Константинович, скульптор;

11) Юрский Сергей Юрьевич, актер и режиссер;

12) Ваше дополнение.

12. Дети в современном мире часто становятся не только «потребителями», но и «создателями» явлений массовой культуры:

1) Вы считаете эту тенденцию полезной (Ваш пример акций, программ, судебных, подтверждающих выбранную точку зрения);

2) Вы считаете эту тенденцию вредной (Ваш пример акций, программ, судебных, подтверждающих выбранную точку зрения);

3) Вы не видите признаков названной тенденции в российской культуре.

13. Кто из уже известных молодых соотечественников, по Вашему мнению, составит творческую элиту ближайшего будущего?

Назовите не менее трех персон, указав сферу их деятельности.

14. Как, с Вашей точки зрения, точнее всего назвать события, происшедшие в октябре (по старому стилю)/ноябре (по новому стилю) 1917 г.; если захотите, прокомментируйте свой выбор понятия:

- 1) революция,
- 2) переворот,
- 3) бунт,
- 4) иначе (как?).

15. Крупнейший американский представитель социальной психологии Э. Аронсон утверждает: «Большинство телезрителей в первую очередь желают, чтобы их развлекали и отвлекали от повседневных забот, и только во вторую — информировали».

Подтвердите или опровергните это суждение с помощью примера из практики отечественного телевидения (канал, программа, журналист).

Авторы проекта исходили из сложившегося в ходе предшествующих исследований убеждения в том, что многие российские жители, имплицитно «присутствующие» в поле воздействия массовой культуры, не сознают своей причастности к ней либо стесняются в этом признаться.

Поэтому ряд вопросов, включенных в анкету, носил намеренно «простодушный» характер, что позволяло снять психоэмоциональное напряжение респондентов и настраивало их на доверительный отклик. При составлении анкеты авторы также учли значимые для массовой культуры и не всегда принимаемые во внимание исследо-

вателями приоритеты массового сознания, на которые обращали внимание Г. Лебон [19], Ф. Ницше [20] и многие другие: тяготение к простоте, доступности, потребность в позитивном настрое.

Как показали результаты анализа, названный эффект удалось достичь: более чем в 50% анкет ответы были далеко не формальными, подчас пространными, содержали комментарии — патетические или иронические, имели свои варианты. Респонденты достаточно охотно (более чем в 30% анкет) вступали в дискуссию по поводу предложенных для обсуждения понятий, явлений культуры, персон.

Сделаем акцент: из 15 вопросов лишь в трех содержалось словосочетание «массовая культура». В одном вопросе принадлежность к массовой или элитарной культуре известных представителей современного отечественного искусства должна была рассматриваться респондентами в оценочном плане. Мы специально, как это принято при работе с массовым сознанием, не концентрировали внимание респондентов на ключевом для опроса концепте, чтобы получить объективный ответ на вопрос, заложенный в название анкеты («Мы живем в среде массовой культуры?»).

В связи с тем, что российский дискурс массовой культуры мы соотнесли с двумя пластами — глобализационным и аутентичным, присутствие в которых характеризует и деятельность творцов, и работу массового сознания по восприятию явлений массовой культуры и самосознанию [21], именно эти концептуальные основания стали стержнем социокультурного опроса, учитывавшего наш прежний опыт [11, с. 111]. Глобализационные вызовы и аутентичные ответы суммированы нами в двух представленных ниже группах материалов.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

В первом блоке выявлены *ценностные представления, нравственные, эстетические, социальные предпочтения респондентов, складывающиеся в контексте воздействия в числе прочего и массовой культуры.*

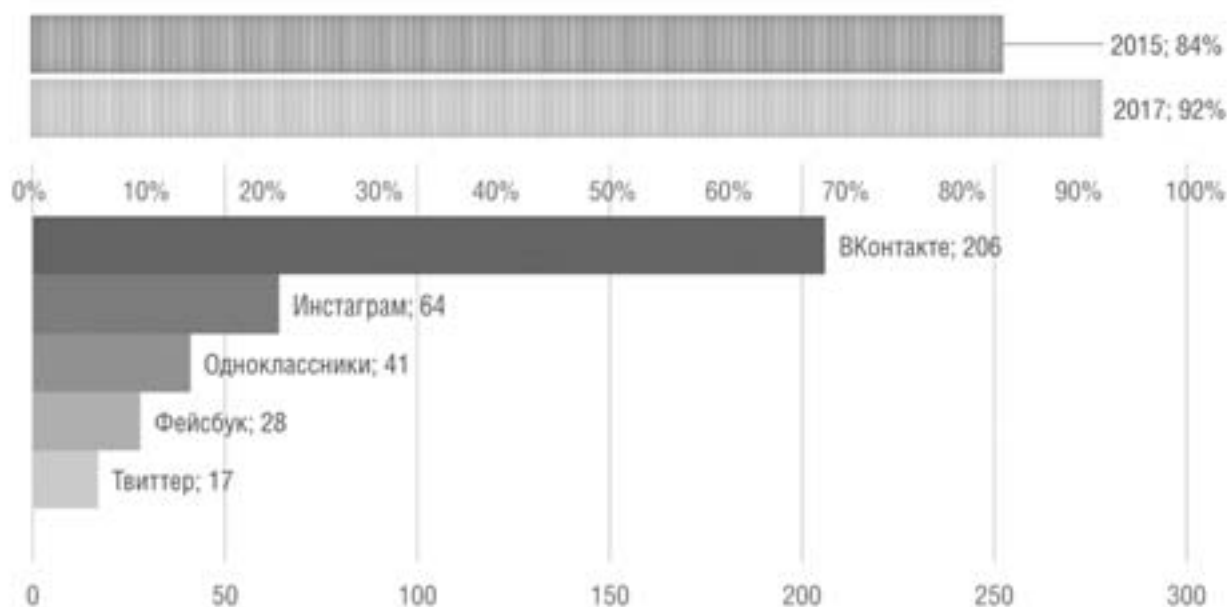


Рис. 2. Реакция респондентов на вопрос 3: «Пользуетесь ли Вы социальными сетями?»

Одним из ценностных приоритетов российской массовой культуры, отражающей глобализационные процессы, по сформированной нами традиции, определены телевидение, Интернет и социальные сети. Это было особенно важным модулем опроса, учитывая то, что все респонденты — жители провинции, городов (с населением свыше одного миллиона, а также около 400—600 тыс.), и других населенных пунктов (50 и менее тысяч населения).

Основная часть опрошенных отметила, что пользуются социальными сетями, при этом присутствует прогрессивная количественная динамика: в 2017 г. 92%; в 2015 г. — 83,5% (см. рис. 2). Наибольшее количество респондентов в 2017 г. упомянуло такие социальные сети, как «ВКонтакте» (206), «Инстаграм» (64), «Одноклассники» (41), «Фейсбук» (28) и «Твиттер» (17). Среди задач использования данных ресурсов большинство указало стандартные причины общего характера (общение, получение информации, связь и профессиональные контакты, поиск видео и музыки), но некоторые респонденты назвали неожиданные цели («вдохновение», «делюсь мыслями»).

Большинство респондентов (56%) согласилось с утверждением о том, что телезрителям необходимо в первую очередь развлечение, и только во вторую — информация. В качестве примеров, подтверждающих данную точ-

ку зрения, приводились теле- и радиоканалы (ТНТ, СТС, НТВ, РЕН ТВ, Россия 1, Первый канал, Дискавери, музыкальные каналы и др.), телепрограммы («Пусть говорят», «Давай поженимся», «Вечерний Ургант», «Поле чудес», «Один в один», «Голос», «Дом-2», «Лучше всех» и др.) и телеведущие/тележурналисты (А. Малахов, В. Познер, Д. Нагиев, Л. Якубович и др.). Почти четверть респондентов (23,7%) вообще не ответили на вопрос, дающий возможность однозначной реакции. Выражение неартикулированного презрения либо раздражения в отношении «телеящика» сочетается у отечественной публики с неловкостью/стыдом, вызванным тем, что люди опасаются показаться архаичными, наивными, нерасторопными.

В распределении *иерархии ценностей* респонденты из предложенных вариантов традиционно предпочли здоровье, семейное благополучие и образование, в то время как карьера, творческая самореализация и красота оказались в конце списка. Среди дополнительно предложенных позиций могут быть отмечены: Бог, путешествия, спорт, спасение души, свобода, удача, случай, дети, спокойная совесть.

В контексте верификации национально-этнических ценностей и идентичности в условиях глобализации мы впервые ввели вопрос о словосочетаниях, включающих прилагательное

«русский». Свыше половины респондентов привели примеры, воспринимаемые ими положительно. Наиболее часто встречающимися словосочетаниями являются:

- ♦ «русский язык» (42),
- ♦ «русский характер» (15),
- ♦ «русская литература»,
- ♦ «русская душа»,
- ♦ «русский народ»,
- ♦ «русская кухня»,
- ♦ «русская речь»,
- ♦ «русский лес».

Однако очевидно, что все эти понятия без учета контекста употребления раскрывают семантику, но не аксиологию концепта «русский».

В некоторых анкетах приведены относительно редкие примеры отрицательного восприятия понятий, связанных со словом «русский»:

- ♦ «Россия для русских»,
- ♦ «русская рулетка»,
- ♦ «русский марш»,
- ♦ «русская мафия»,
- ♦ «русский бунт»,
- ♦ «русская водка».

Для выявления оценочного контекста восприятия культуры глобализирующегося мира был намеренно выбран локальный объект — *гипермаркет*; получен ответ, ожидаемый с учетом мест проживания и особенностей образа жизни респондентов. 51% (58% в 2015 г.) респондентов согласились с тем, что *гипермаркет является символом современной социокультурной жизни*, при этом назвав не только распространенные сетевые торговые заведения («Ашан», «Лента», «Магнит», «Карусель», «О'Кей», «Метро», «Глобус», «Мега»), но и существующие в единственном числе, популярные среди жителей того или иного города. Однако 43,3% не согласились с предложенным утверждением с характерной для России убежденностью в непреодолимой пропасти между материальными (магазин) и духовными (культура) ценностями, мотивируя это тем, что торговые заведения — не более чем место для покупок. Среди собственных вариантов символа современной социокультурной жизни респонденты чаще всего предлагали, вопреки рыночному варианту гипермаркета, явления из сферы

художественной культуры либо так называемых высоких технологий: театр, кинотеатр, музей, клуб, выставку, концерт, библиотеку, социальные сети и Интернет.

Особое внимание следует уделить той сфере, которая, естественно, была отмечена в вопросах и связана с привычными для респондентов представлениями о культуре: художественным практикам.

В реакции на вопрос, в котором респондентам было предложено назвать произведения современной массовой культуры, которые произвели сильное впечатление за последние три года, иностранных произведений было названо незначительно больше, чем отечественных. Так, среди зарубежных чаще других указывали сериал «Игра престолов», «Гарри Поттер» (романы и экранизации), фильмы «Оно», «Интерстеллар», трилогию «Хоббит». Среди отечественных по несколько раз названы игровой фильм «Гоголь. Начало», музыкальные проекты и исполнители Oxxxymiron, Face, Pharaoh и T-Fest, произведения Д. Донцовой (все в отрицательном ключе), сочинения Б. Акунина.

Характерным для понимания модуса отношения современных жителей России к массовой культуре следует считать то, что 41,7% опрошенных не ответили на вопрос, в чем они видят «предубеждение по незнанию».

В ответах на вопрос о наиболее привлекательном жанре кинофильмов большая часть респондентов из предложенных вариантов ожидаемо отметила комедию (51,3%), наименее популярным, как это ни покажется странным при обсуждении массовой культуры, оказался вестерн (7,7%).

Около трети респондентов отметили другие предложенные жанры кинофильмов как привлекательные, уделив внимание мелодраме и исторической драме. В последней группе предпочтение отдано отечественной кинопродукции, тогда как среди фэнтези названы только зарубежные.

В анкету 2017 г., впервые, с учетом реальной ситуации, наблюдаемой нами в сфере массовой культуры, был введен вопрос о детях, которые в современном мире часто становятся не только «потребителями», но и «создателями» явлений массовой культуры. В своих от-

ветах респонденты сочли эту тенденцию скорее полезной (35,7%), чем вредной (15,7%). В качестве объяснения «пользы» были приведены как конкретные примеры участия детей в событиях массовой культуры (шоу «Голос. Дети», «Лучше всех», «Ты супер!», «Умники и умницы»), так и обстоятельства, при которых данная тенденция является полезной («дети становятся актерами», «волонтерское движение», «создавать всегда полезно»). Среди примеров «вреда» также есть и конкретика («блоги», «группы смерти в социальных сетях», «Дом-2», «Детское Евровидение»), и примеры обстоятельств («деформация жизненных ценностей у детей», «пропаганда ЛГБТ среди подростков», «агрессия», «низкий уровень культуры»).

Тревожной и при этом характерной особенностью массового сознания в России полагаем то, что респонденты проявляют откровенную неосведомленность в культурных реалиях, в силу чего считают массовую культуру далекой либо изолированной от детей, тогда как детская аудитория в качестве потребителя — признанный в мире феномен: это касается игрушек, одежды, пищи, учебных принадлежностей, посредством которых осуществляются и рекламные акции, и социально-политическое воздействие. Таким образом, если 26,7% респондентов не видят признаков названной тенденции в российской культуре, это значит, что почти треть жителей России нечетко, сглажено и необъективно воспринимает ход культурной жизни.

РОССИЙСКИЕ ОТВЕТЫ МИРОВОМУ ОПЫТУ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Во втором тематическом блоке выявлены те параметры «масскультуры» картины мира, которые воспринимаются субъектом как близкие.

Вопрос о составляющих понятия «имидж» предполагал многообразие позиций, получил полный отклик у респондентов.

В связи с характеристикой манеры поведения и речи в ответах преобладает оценочная

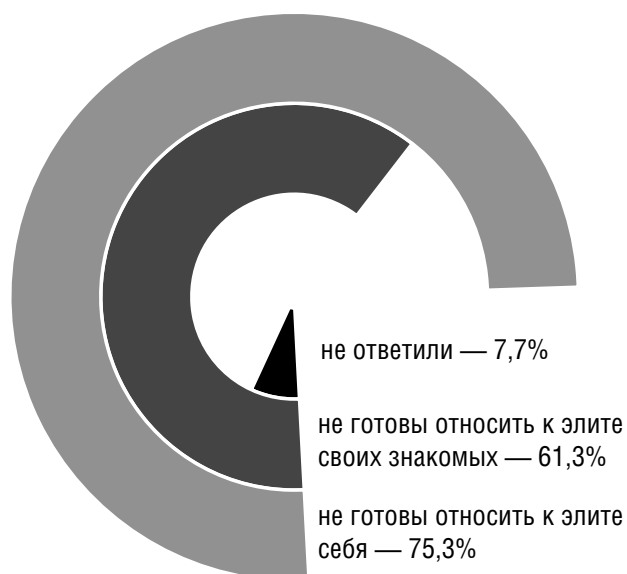


Рис. 3. Реакция респондентов на вопрос 4: «Можете ли Вы причислить к элите...?»

модальность («грамотная», «уважительная», «спокойная», «уверенная», «своевольная»). Редки суждения, которые отличаются тонкостью и нетривиальностью («умение слушать»).

Служебное положение, должность, род деятельности, входящие в понятие имиджа, респондентами были упомянуты как конкретные (руководитель, директор, начальник, топ-менеджер, ведущий конструктор, бармен), так и эмоционально-оценочные (высокий пост, делать то, что нравится, креативная деятельность, чтобы чувствовать себя самодостаточным, деятельность на благо общества, занятие по душе).

Наши респонденты являются реальными потребителями торговых услуг, возможно, не знатоками, но людьми, осведомленными о существовании товаров определенных брендов. Оставляя в стороне эмоционально-оценочные ответы, отмечаем, что, например, применительно к *внешнему образу* (одежда, обувь, другие аксессуары) даны указания на весьма разнородные, от самых демократичных до премиум-класса, марки и бренды (Zara, Adidas, Pull & Bear, Gucci, H&M, Apple, Prada, Lacoste, Mango, Ostin). Рассматривая *автомобиль* как составную часть имиджа, респонденты также упомянули как конкретные марки и характеристики (Mercedes,

BMW, Audi, Lexus, Toyota, S-класс, E-класс, шестерка, немецкий), так и ценовые параметры — 15 млн руб., что содержит долю лукавства в ответах жителей провинции. В отношении *жилья* фигурируют конкретные отклики («3-комнатная квартира», «пентхаус») и откровенно ироничный для России («бунгало»).

Особо отметим: никто не сказал об имидже «от обратного», отрицая в качестве его составляющих низкокавалифицированную (непривлекательную) работу, малопrestiжные автомобили, а также общежитие или 2-комнатную квартиру в качестве жилья. Никто не прокомментировал в принципе отсутствие возможности иметь в собственности автомобиль и жилье.

С вопросом об имидже имел существенную внутреннюю корреляцию вопрос о *принадлежности к элите* респондентов или их знакомых (см. рис. 3). 7,7% опрошенных не дали никакого ответа. Видим в этом выражение растерянности, скрытого недовольства либо нежелания обсуждать вопрос, требующий отчетливой самооценки с проявлением отрицательных коннотаций. Большинство опрошенных (75,3%) не готовы относить к элите себя, и чуть меньше (61,3%) — никого из своего окружения. В качестве причин данных ответов в основном фигурируют нехватка финансов, профессиональных достижений, авторитета, а также отсутствие соответствующего происхождения. Помимо нечеткого представления о понятии «элита», многие комментарии свидетельствуют о наличии у респондентов недоверия по отношению к себе и своему окружению.

Влияние стереотипов массового сознания, в котором принадлежность к элите рассматривается как уникальное и не имеющее четких параметров «местопребывание» личности, сочетается в полученных результатах с негативной динамикой своего рода Я-концепции. Это свидетельствует об углубляющейся неуверенности в своей социокультурной значимости.

При формулировании вопроса о *симпатии/одобрении наших современников в различных сферах деятельности* предполагалось охватить широкий охват персон, принадлежащих к разным социокультурным сферам (политике, искусству, науке, образованию), дав возмож-

ность респондентам проявить личные пристрастия, а также имплицитно представить глубину погружения в среду массовой культуры.

Итоги контент-анализа показали неангажированность, малую осведомленность, отсутствие интереса к сфере политики — как в общероссийском, так и в региональном форматах. Более того, приходится сделать вывод о зафиксированной на уровне массового сознания дезинтеграции государства/власти и частного человека.

Своего *губернатора* респонденты указали лишь в 61,7% анкет (одобряют 32,7%), *мэра* — всего в 53,3% (одобряют 28%). Среди публичных политиков общероссийского ранга респондентами стабильно указываются люди, включение которых в список по данному вопросу ожидаемо: В. Путин (55), С. Лавров (26) и ряд других (положительная оценка деятельности политиков преобладает), В. Жириновский (оценка деятельности 25/10) и др. В 20 анкетах из 300 в качестве политика общероссийского ранга был упомянут А. Навальный (с преобладанием положительной оценки). Наконец, значимой особенностью реакции на эту часть опроса, фиксирующего аполитичность массового сознания, следует признать то, что более, чем в 1/3 анкет (110 респондентов) ответ не дан.

Среди представителей искусства, вызывающих одобрение у респондентов, прежде всего встречаются известные не только своим творчеством, но и медийным присутствием люди (Н. Михалков, К. Хабенский, Е. Миронов, В. Спиваков, В. Гергиев, Н. Цискаридзе А. Градский, О. Табаков). Некоторые персоны были упомянуты только в отрицательном ключе, причем респонденты называют их как реально принадлежащих к сфере массовой культуры (Ф. Киркоров, А. Волочкова, Д. Донцова, А. Учитель, присутствие которого в массовом сознании очевидно было связано лишь со скандалом вокруг проката фильма «Матильда»).

Аналогичными — случайными по набору имен, неточными по упоминанию стран и эпох — являются ответы, относящиеся к ученым (разброс от С. Джобса до М. Ломоносова), представителям массмедиа (разброс от журналиста В. Познера до актера Д. Нагиева).

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МОДУС: МАССОВОЕ И ЭЛИТАРНОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ И ВОСПРИЯТИИ АУДИТОРИИ

Вопросе о принадлежности современных российских творцов к массовой или элитарной культуре, ко второму типу респонденты безусловно отнесли только В. Гергиева, что понятно, даже если учесть, что за пультом в театре или концертном зале его скорее всего не видели. Оперный дирижер, медийная персона, связанная в сознании массовой публики с классическим искусством, при этом не воспринимается в контексте его политически детерминированных акций, начиная с инициирования открытия филиала Мариинского театра на Дальнем Востоке и заканчивая концертами под открытым небом в Осетии или Сирии. Представителями массовой культуры большинство опрошенных сочли Т. Бекмамбетова, Б. Акунина, Е. Боярскую, Д. Донцову и, что неожиданно, Н. Михалкова, ряд фильмов которого («Неоконченная пьеса для механического пианино», «Без свидетелей»), а также телевизионная программа «Бесогон» явно не имеют массового распространения.

В качестве нетривиального результата видим характеристику писателя З. Прилепина, чьи тексты («Санька», «Обитель») вряд ли имеют широкую известность, скорее — его фигура как публициста-политика. Выборка показала следующие результаты: его принадлежность к массовой и элитарной культуре подчеркнуло практически равное количество респондентов (107 и 106). Аналогичные в плане установления пропорции результаты парадоксально получены еще только по одной фигуре — актера, режиссера и писателя С. Юрского (к массовой культуре — 118 респондентов, к элитарной — 121).

Мы придавали особое значение вопросу о событиях октября (по старому стилю)/ноября (по новому стилю) 1917 года. По умолчанию предполагалось, что найдутся желающие прокомментировать оценки и понятия, обра-

тившись к именам либо событиям. Но этого не произошло, очевидно, в силу характерной для массового сознания привычки к «общим словам» и «общим суждениям». Констатируем: из предложенных вариантов большинство респондентов (64%) отдали предпочтение традиционному названию «революция»; были выбраны также «бунт» (23,3%) и «переворот» (4%). Лишь 7,7% респондентов предложили свой вариант названия указанных событий: от «казни господ холопами», «захвата власти преступниками», «политтехнологического эксперимента», «операции по развалу и уничтожению страны» до «трагедии», «ужаса», «страха», «бедствия», «помрачения ума» (см. рис. 4).

Таким образом, получены отчетливые свидетельства: массовая культура в целом не безразлична для россиян, она является вызовом для формирования как активной, так и пассивной позиции ее потребителя. Опираясь на анализ ответов участников социокультурного опроса и созданную в рамках работ по проблематике гранта интегративную теоретико-методологическую базу, в целом разделяя эвристическую ценность релятивистской культурологической концепции архитектоники культуры И.В. Кондакова [22], мы акцентируем исторически обусловленную экзистенцию сегодняшней массовой культуры в сознании нашего современника как значимую среду жизни, причем не отрефлексированную на уровне личностных интенций самосознания.

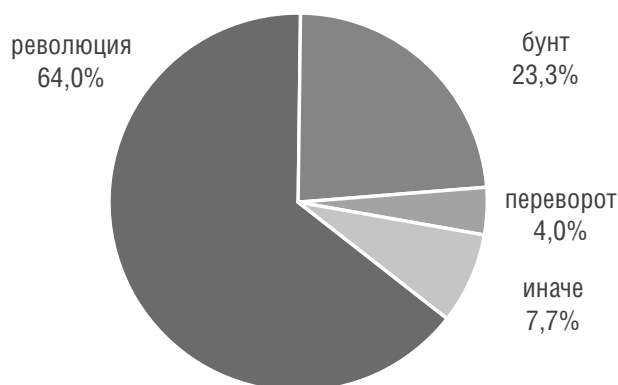


Рис. 4. Реакция респондентов на вопрос 14: «Как, с Вашей точки зрения, точнее всего назвать события, происшедшие в октябре (по старому стилю)/ноябре (по новому стилю) 1917 года?»

Список источников

1. Кондаков И.В. Массовая и элитарная культуры в структурно-функциональном освещении [Электронный ресурс] // Международные Лихачевские научные чтения. 2018. «Контур будущего в контексте мирового культурного развития». Секция 3. «Взаимодействие культур и современная культурология». URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2018/dokladi/KondakovIV_sec3_rus_izd.pdf (дата обращения: 10.07.2018).
2. Костина А.В. Взаимодействие культур в современном и конфликтогенном мире: стратегии и цели [Электронный ресурс] // Международные Лихачевские научные чтения. 2018. «Контур будущего в контексте мирового культурного развития». Секция 3. «Взаимодействие культур и современная культурология». URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2018/dokladi/KostinaAV_sec3_rus_17.04.18.pdf (дата обращения: 10.07.2018).
3. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа) : [монография]. Москва : Новый хронограф, 2011. 531 с.
4. Личность в современной русской культуре: культуросообразность образования и жизнеустройства : науч. сборник / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, М.В. Новикова, Н.Н. Летиной. Ярославль: ЯГПУ, 2010. 220 с.
5. Личность в современной русской культуре: стратегии социокультурного изучения: учеб. пособие / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, М.В. Новикова. Ярославль: ЯГПУ, 2009. 144 с.
6. Густякова Д.Ю., Дидковская Н.А., Шахова Е.А. Личность в современной российской провинции: приоритеты и перспективы // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. 1. С. 253–258.
7. Летина Н.Н., Еремин А.В., Шапошников В.А. Приоритеты и перспективы человека в современной российской провинции (по материалам социокультурного исследования) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. 1. С. 259–263.
8. Массовая культура: российский дискурс (методология изучения, актуальные практики) : коллектив. монография / под науч. ред. Т.С. Злотниковой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. 623 с.
9. Коды массовой культуры: российский дискурс : коллектив. монография / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. 239 с.
10. Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ: учеб. пособие / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. 227 с.
11. Злотникова Т.С., Киященко Л.П., Летина Н.Н., Ерохина Т.И. Особенности массовой культуры российской провинции // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 110–114.
12. Злотникова Т.С., Летина Н.Н., Гапонова Ж.К. Молодежь в современной российской провинции: социокультурная рефлексия // Социологическая наука и социологическая практика. 2015. № 1 (9). С. 115–132.
13. Злотникова Т.С., Киященко Л.П. Диалог о методологии социокультурного исследования массовой культуры в России // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 211–219.
14. Злотникова Т.С. «Там, за нигде, за его пределом» (попытка диалога с философами) // Философия и культура. 2016. № 4. С. 603–611.
15. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. Москва : Навигатор, 2015. 563 с.
16. Волкова Н.А., Катаева О.В., Ходанович М.А. Междисциплинарность в гуманитарном познании // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 1. С. 32–38. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-1-32-38.
17. Шапинская Е.Н. Массовая культура: очерк теорий. У истоков // Культура культуры : науч. рецензир. период. электрон. изд. 2018. № 3. URL: <http://cult-cult.ru/mass-culture-essay-on-theories-origins/> (дата обращения: 10.07.2018).
18. Липский В.Н. Эстетическое отношение к массовому сознанию и массовой культуре // Ярославский педагогический вестник. 2016. Т. 3. С. 258–264.
19. Лебон Г. Психология масс // Психология масс : хрестоматия ; под ред. Д.Я. Райгородского. Самара : Изд. дом БАХРАХ-М, 1998. С. 11–130.
20. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость : сборник. Минск : Попурри, 1997. 701 с.
21. Злотникова Т.С., Ерохина Т.И. Глобализационный и аутентичный контексты рос-

сийской массовой культуры // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 3. С. 268–277. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-3-268-277.

22. Кондаков И.В. Массовая культура: опыт теории относительности // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 516–523. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-5-516-523.

Russian Discourse of Mass Culture in the Focus of Socio-Cultural Research

Tatiana S. Zlotnikova*,
Natalia N. Letina**

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1, Respublikanskaya Str., Yaroslavl, 150000, Russia

E-mail: * zlotnts@rambler.ru, ** lietina@mail.ru

Abstract. *The article raises the problem of formation of the socio-cultural research algorithm that allows to reveal the unique ratio of the layers of Russian mass culture identified by the authors. There is presented the basis of sampling and content of survey materials. Particular attention is paid to the fact of continuity of studying the Russian discourse of mass culture in theoretical-methodological and empirical terms.*

The article defines the conceptual grounds that became the core of the socio-cultural survey: the Russian discourse of mass culture is correlated with the globalizational and authentic layers, the presence in which characterizes both the activity of creators and the work of mass consciousness in the perception of mass culture phenomena and self-consciousness.

The article summarizes the globalizational challenges and authentic answers presented in the materials of 300 questionnaires that were received, during the period from April 15 to December 30, 2017, from respondents representing geographically almost the whole of Russia (the cities of Murmansk, Kineshma, Krasnoyarsk, Rybinsk, Simferopol, Tambov; the major regional centers of Krasnoyarsk, Samara, Moscow, Saint Petersburg, Tyumen, Kazan; the small towns of Severomorsk, Novokuibyshevsk, Vsevolozhsk, Bolshoe Selo, Tutaev, Achinsk).

The article proves that mass culture is not indifferent for Russians — it is a challenge for formation of both active and passive position of its consumer.

Having systematized the results of the socio-cultural survey of 2017, the article confirms the effectiveness of the integrative algorithm for socio-cultural study of mass culture perception, previously developed and tested in 2015. As a result, the article verifies the historically determined existence of modern mass culture in the consciousness of our contemporary as a significant environment of life, not reflected on the level of personal intentions of self-consciousness.

Key words: mass culture, Russian culture, modernity, environment of life, self-consciousness, collective intentions, interdisciplinary socio-cultural research.

Citation: Zlotnikova T.S., Letina N.N. Russian Discourse of Mass Culture in the Focus of Socio-Cultural Research, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 422–435. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-422-435.

Acknowledgements.

This article is written with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 14-18-01833-II “Text and Context of Popular Culture: Russian Discourse”.

References

1. Kondakov I.V. Mass and Elite Culture in Structural and Functional Lighting, *Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya*. 2018. «Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya». Sektsiya 3. “Vzaimodeistvie kul'tur i sovremennaya kul'turologiya” [International Likhachov Scientific Readings. 2018. “The Contours of the Future in the Context of World Cultural Development”. Section 3. “Interaction of Cultures and Contemporary Cultural Studies”]. Available at: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2018/dokladi/KondakovIV_sec3_rus_izd.pdf (accessed 10.07.2018) (in Russ.).
2. Kostina A.V. Interaction of Cultures in the Modern and Conflictogenic World: Strategies and

- Goals, *Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya*. 2018. «Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya». Sektsiya 3. "Vzaimodeistvie kul'tur i sovremennaya kul'turologiya" [International Likhachov Scientific Readings. 2018. "The Contours of the Future in the Context of World Cultural Development". Section 3. "Interaction of Cultures and Contemporary Cultural Studies"]. Available at: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2018/dokladi/KostinaAV_sec3_rus_17.04.18.pdf (accessed 10.07.2018) (in Russ.).
3. Toshchenko Zh.T. *Kentavr-problema (opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza)* [Centaur-Problem (An Experience of Philosophical and Sociological Analysis)]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2011, 531 p.
 4. Zlotnikova T.S., Novikov M.V., Letina N.N. (eds). *Lichnost' v sovremennoi russkoi kul'ture: kul'turosoobraznost' obrazovaniya i zhizneustroeniya: nauch. sbornik* [Personality in the Contemporary Russian Culture: Cultural Conformity of Education and Life Order: scientific collection]. Yaroslavl, YaGPU Publ., 2010, 220 p.
 5. Zlotnikova T.S., Novikov M.V. (eds). *Lichnost' v sovremennoi russkoi kul'ture: strategii sotsiokul'turnogo izucheniya: ucheb. posobie* [Personality in the Contemporary Russian Culture: Strategies of Social and Cultural Studies: textbook]. Yaroslavl, YaGPU Publ., 2009, 144 p.
 6. Gustyakova D.Yu., Didkovskaya N.A., Shakhova E.A. Personality in the Contemporary Russian Province: Priorities and Prospects, *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2014, no. 4, vol. 1, pp. 253–258 (in Russ.).
 7. Letina N.N., Eremin A.V., Shaposhnikov V.A. Priorities and Prospects of the Person in the Modern Russian Province (On Materials of the Sociocultural Research), *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2014, no. 4, vol. I, pp. 259–263 (in Russ.).
 8. Zlotnikova T.S. (ed.) *Massovaya kul'tura: rossiiskii diskurs (metodologiya izucheniya, aktual'nye praktiki): kollektiv. monografiya* [Mass Culture: Russian Discourse (Methodology of the Study, Current Practices): collective monograph]. Yaroslavl, RIO YaGPU Publ., 2016, 623 p.
 9. Zlotnikova T.S., Erokhina T.I. (eds). *Kody massovoi kul'tury: rossiiskii diskurs: kollektiv. monografiya* [Codes of Mass Culture: Russian Discourse: collective monograph]. Yaroslavl, RIO YaGPU Publ., 2015, 239 p.
 10. Zlotnikova T.S., Erokhina T.I. (eds). *Rossiiskii diskurs massovoi kul'tury: esteticheskie praktiki i khudozhestvennyi obraz: ucheb. posobie* [Russian Discourse of Mass Culture: Aesthetic Practices and Artistic Image: textbook]. Yaroslavl, RIO YaGPU Publ., 2015, 227 p.
 11. Zlotnikova T.S., Kiyashchenko L.P., Letina N.N., Erokhina T.I. Specifics of Popular Culture in Russian Province, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2016, no. 5, pp. 110–114 (in Russ.).
 12. Zlotnikova T.S., Letina N.N., Gaponova Zh.K. Youth in Contemporary Russian Province: Socio-Cultural Reflection, *Sotsiologicheskaya nauka i sotsiologicheskaya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2015, no. 1 (9), pp. 115–132 (in Russ.).
 13. Zlotnikova T.S., Kiyashchenko L.P. Dialogue about Methodology of Sociocultural Research of Mass Culture in Russia, *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2015, no. 3, pp. 211–219 (in Russ.).
 14. Zlotnikova T.S. "There, beyond the Nowhere, beyond its Limits" (An Attempt of Dialogue with Philosophers), *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2016, no. 4, pp. 603–611 (in Russ.).
 15. Bazhanov V.A., Sholts R.V. (eds). *Transdistsiplinar-nost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects]. Moscow, Navigator Publ., 2015, 563 p.
 16. Volkova N.A., Kataeva O.V., Khodanovich M.A. Interdisciplinarity in the Humanitarian Knowledge, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2018, vol. 15, no. 1, pp. 32–38 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-1-32-38.
 17. Shapinskaya E.N. Mass Culture: Essay on Theories. Origins, *Kul'tura kul'tury: nauch. retsenzir. period. elektron. izd.* [Culture of Culture: scientific peer-reviewed electronic periodical], 2018, no. 3. Available at: <http://cult-cult.ru/mass-culture-essay-on-theories-origins/> (accessed 10.07.2018) (in Russ.).
 18. Lipsky V.N. Aesthetic Attitude towards Mass Consciousness and Mass Culture, *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2016, vol. 3, pp. 258–264 (in Russ.).
 19. Le Bon G. The Crowd: A Study of the Popular Mind, *Psikhologiya mass: khrestomatiya* [The Psychology

- of Masses: chrestomathy]. Samara, BAHRAH-M Publ., 1998, pp. 11–130 (in Russ.).
20. Nietzsche F. *Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe; Veselaya nauka; Zlaya mudrost': sbornik* [Human, All Too Human; The Gay Science; The Evil Wisdom: collection]. Minsk, Popurri Publ., 1997, 701 p.
21. Zlotnikova T.S., Erokhina T.I. The Globalization and Authentic Contexts of the Russian Popular Culture, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2017, vol. 14, no. 3, pp. 268–277 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-3-268-277.
22. Kondakov I.V. Mass Culture: The Experience of the Theory of Relativity, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2017, vol. 14, no. 5, pp. 516–523 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-5-516-523.

Правила предоставления статей в журнал «ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

ОБЪЕМ СТАТЕЙ



30 000 знаков или
4 000 слов, или
12–15 страниц,
шрифт Times New
Roman, 12 pt,
интерлиньяж 1,5
Реферат не менее
250 слов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ



- 1** Имя, Отчество, Фамилия
- 2** место работы (учебы),
должность
- 3** почтовый адрес
организации
- 4** ученая степень,
ученое звание
- 5** e-mail

ИЛЛЮСТРАЦИИ



300 dpi
должны иметь
подрисовочные подписи,
быть адаптированы
для черно-белой
печати высокого качества,
отдельными файлами
TIFF/JPG

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ



Любое цитирование и/или
упоминание в тексте статьи
имен ученых/исследователей
должны сопровождаться
отсылками на их работы.

Источники приводятся по
ГОСТ Р 7.05-2008 в порядке
упоминания/цитирования
в статье.

Не менее **20**



Редакция принимает только оригинальные, не публиковавшиеся ранее научные статьи.
Правовые вопросы, связанные с публикацией в журнале, включая обязательства сторон (автора и издателя),
регулируются на основе подписанного Акцепта к Публичной оферте.

<http://observatoria.rsl.ru/>

observatoria@rsl.ru

Н. АЛАБДАЛЛА

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ АРАБСКОГО ТЕАТРА В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Нада Алабдалла,

Российский институт театрального искусства —
ГИТИС,
кафедра сценической речи,
аспирант
Малый Кисловский пер., д. 6,
Москва, 125009, Россия

Высший институт театрального искусства,
аспирант
Higher Institute of Dramatic Arts,
P.O. Box 6645, Damascus, Syria

E-mail: nada.alabdalla1@gmail.com

Реферат. Языковая ситуация в арабском мире характеризуется двуязычием — диглоссией, когда наряду с литературным существует множество разновидностей разговорного языка. Данная ситуация ставит перед театром вообще и перед театральной педагогикой в частности ряд важных вопросов как теоретического, так и методологического характера. Рассмотрена проблема отсутствия орфоэпических норм разговорного арабского языка, которая влияет как на методику обучения студентов в театральных вузах, так и на культуру речи в целом. Дан короткий обзор развития языка в арабском

театре, рассмотрены точки зрения на эту проблему арабских театральных режиссеров и драматургов разных периодов. Приводится таблица сопоставления фонетики арабского литературного и разговорного языков, ставится проблема кодификации разговорного языка, а также рассматривается вопрос о языке театра. Приводя доводы как в пользу литературного, так и в пользу разговорного языка, делается вывод об амбивалентном подходе к формированию методики преподавания сценической речи в сирийской театральной школе, при условии унификации местных говоров, а также овладении студентами-актерами столичным диалектом наряду с литературным языком. В практической работе педагогам необходимо совмещать обучение литературному языку на основе описанных норм и разговорному языку, используя аудиоэталоны.

Ключевые слова: сценическая речь, диглоссия, арабский язык, литературный арабский язык, разговорный арабский язык, диалект, методика преподавания сценической речи.

Для цитирования: Алабдалла Н. Формирование речевой культуры арабского театра в контексте языковой ситуации // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 436—443. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-436-443.

Речевая культура арабского театра в целом характеризуется произносительной неоднородностью и отсутствием единой орфоэпической нормы. Это связано с особой языковой ситуацией — двуязычием, когда наряду с литературным существуют многочисленные разговорные языки. Соответственно в театре речь актеров может быть основана как на общей литературной, так и на разговорной норме каждой арабской страны. Так, в спектаклях, поставленных на литературном языке, можно наблюдать общие нормы, соблюдаемые в речи актеров, однако разговорный язык вносит свои коррективы, влияя на различия, проявляющиеся на фонетическом и просодическом уровнях произношения актеров. Например, в Египте согласный звук [j] произносится как [g], в Ливане гласному звуку [a] соответствует [ə], также можно услышать существенные различия в ударении, ритмическом построении слова, характере паузации. Таким образом, арабские зрители на слух могут догадаться о происхождении того или иного актера.

Если спектакль звучит на разговорном языке, речь актеров строится на нормах, принятых в данной стране, при этом актеры стараются приблизить свой диалект к столичной речи. Так, в столичных театрах Сирии, в телесериалах и кинофильмах речь актеров строится на дамаском диалекте, при этом в провинции в каждом городе актеры говорят на местном говоре. Студенты и актеры, приезжающие в Дамаск из провинции, вынуждены работать над своим произношением, чтобы убрать местный говор и овладеть столичным общепринятым диалектом.

Однако в сирийском театре работа актера над своей речью, находящейся под влиянием местного говора, ведется самостоятельно, поскольку не существует зафиксированных и описанных норм, и никто не может дать профессиональной оценки правильности звучания столичной речи, нет специалистов, занимающихся исправлением говора. Как правило, в театре замечания делают режиссеры, когда слышат местный говор, однако они не располагают критериями правильного произношения столичного диалекта, имея в арсенале лишь сложившиеся в обществе обычаи произношения. В связи с этим спектакли, поставленные на раз-

говорном языке, не имеют унифицированного произношения. Также необходимо отметить, что в арабском театре и, в частности, в Сирии, в отличие от русского театра, звучат и местные говоры, и столичный (общий сирийский) диалект, и литературный язык, которые так или иначе могут использоваться в пьесах и спектаклях. Таким образом, актеры должны владеть как литературным языком, так и столичным диалектом, который имеет в Сирии отличия от общелитературного языка, а в особых случаях и одним из местных говоров, который не всегда будет родным для актера. В такой сложной, многослойной речевой картине исследователи театра обычно выделяют лишь одну ее сторону: отношение литературного языка и диалектов в драматургии и на сцене. При этом такая важная грань, как кодификация и определение норм общего разговорного языка, осталась нераскрытой, отсутствуют научные исследования, в первую очередь, филологического характера.

Арабской языковой культуре присуще своеобразное двуязычие: официальным языком всех арабских стран является так называемый литературный язык (ал-‘арабийя ал-фусха), который функционирует в официально-деловой, религиозной, письменной и художественной сферах, в то время как в разговорной речи используются арабские диалекты, которые сильно разнятся не только с литературным языком, но и друг с другом и могут быть непонятными для носителей разных диалектов. Диалекты функционируют преимущественно в устной форме речи в повседневном общении, в театре, в кино, а также в некоторых художественных формах. Эта специфическая языковая ситуация называется «диглоссия».

Диглоссия в арабском языке, как отмечает доктор фонетических наук, профессор факультета Дар ал-‘улум Каирского университета Ас-Саид Мухаммад ал-Бадави, существовала и до возникновения ислама, когда арабы одного племени использовали местные диалекты для внутреннего общения, а при коммуникации вне племени, во время литературных состязаний и в делах торговли применяли общий литературный язык.

Появление ислама и Корана как его главной религиозной книги стало важным фактором сохранения арабского литературного языка, так

как новая религия повлекла за собой кардинальный социальный, даже можно сказать, цивилизационный переворот, который требовал нового языка, способного отражать не только новые понятия, но и народное сознание, в связи с чем арабский язык стал меняться, а, следовательно, развиваться.

Другим фактором, оказавшим существенное влияние на развитие арабского языка, стало переселение арабов в страны, где распространялся ислам. В этот период арабский язык вышел за пределы географической локализации арабоязычных стран и стал языком религии, культуры и науки неарабоязычных обществ и наций.

При этом столкновение арабского языка, изначально являвшегося языком бедуинов, с требованиями гражданского общества и новой структурой государства стало опасным для сохранения его идентичности в условиях взаимодействия с более развитыми языками того времени тех стран, которые принимали ислам: персидским, сирийским, коптским, греческим. Подобное взаимодействие создавало угрозу арабскому языку, заключающуюся в сильном отходе от языка Корана.

А.М. ал-Бадави полагает, что, учитывая вышеизложенные причины, средневековые арабские филологи на определенном историческом этапе «заморозили» арабский язык, чтобы сохранить его свойства, изолировав от развивающегося общества [1, с. 38].

Как отмечает доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета Н.Б. Мечковская, «литературный язык — это объединяющая, наддиалектная и надсословная форма общенародного языка» [2, с. 37]. Исследователь полагает, что отличие литературной речи от других форм ее существования — это кодифицированность нормы языка.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова Г.Р. Агамина также указывает, что при наличии двух родственных языков возникает интерференция, взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, то есть взаимовлияние вариантов произносительной литературной нормы и местных диалектов и говоров в каждой араб-

ской стране, особенно в произносительной сфере. Хотя арабский литературный язык и является общим языком для всех арабских стран, существуют различные территориальные варианты произносительной литературной нормы. Исследователь полагает, что наиболее «правильной речью» по степени сохранения черт нормативного арабского языка считается кораническая рецитация¹. «Кораническая рецитация благодаря строгой системе регламентирующих ее правил представляет собой строго кодифицированную, в наименьшей степени подверженную историческим изменениям, универсальную для всего арабоязычного региона произносительную норму» [3, с. 81].

Однако многие исследователи отмечают, что наряду с «кораническим языком», который также называют «старым литературным языком» или «традиционным литературным языком», существует современный литературный язык, соответствующий требованиям эпохи и находящийся между старым литературным языком и разговорными диалектами [1; 3; 4].

А.М. ал-Бадави подробно рассматривает египетский вариант арабского языка как единое речевое пространство, выделяя при этом пять уровней.

1. Традиционный литературный язык (язык Корана).
2. Современный литературный язык.
3. Разговорный язык интеллигенции.
4. Разговорный язык образованных слоев населения.
5. Разговорный язык неграмотных.

В данном исследовании нас интересуют первые три уровня. Однако в связи с тем, что работа А.М. ал-Бадави касается языка Египта, имеющего свою специфику, мы не можем полностью перенести эту структуру на другие арабские страны. В Сирии, например, нет четкого разделения разговорной речи по социальному признаку и уровням образованности населения, так как существуют этнические, религиозные и географические факторы, определяющие языковое разнообразие.

А.М. ал-Бадави считает, что традиционный литературный язык функционирует только в религиозной сфере и реализуется в корани-

¹ Нормы чтения Корана.

ческой рецитации, в то время как современный литературный язык распространяется на иные сферы жизни: науку, политику, культуру и др. В исследовании он уделяет особое внимание фонетическим различиям между традиционным и современным литературным языком, с одной стороны, и между современным литературным и разговорным языком — с другой.

Опираясь на исследование А.М. ал-Бадави, приведем самые яркие примеры фонетических различий между арабским литературным и разговорным языками.

Так, долгие гласные звуки [a], [u] традиционного арабского языка в некоторых случаях соответствуют в разговорном языке [ə], [o]; а дифтонги — [au] и [aw] долгим гласным [ē] и [ō] соответственно.

Одним из значимых различий между традиционным литературным языком и совре-

менным является ослабление такого признака, как эмфатичность, или особая звичность, когда язык стремится максимально сблизиться с нёбом. Так, эмфатичные звуки традиционного литературного языка [t], [d], [s], [z] произносятся с меньшей степенью эмфатичности в современном литературном языке. Что касается разговорного языка, то там эмфатичность еще более ослабляется вплоть до полного исчезновения в некоторых случаях.

Кроме того, некоторые орфоэпические нормы, обязательные для рецитации Корана, стали в меньшей степени применяться в современном литературном языке. А в разговорном языке этих норм не существует. При коранической рецитации соблюдаются такие орфоэпические нормы, как ассимиляция и чередование согласных. Так, согласный [n] ассимилируется последующим согласным [l], и это сочета-

Таблица

Фонетические различия между традиционным, современным литературным и разговорным арабским языком

БУКВЫ арабского алфавита (в транслитерации)	ТРАДИЦИОННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК	СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК	РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК
thā', dhāl, zā'	[th] межзубный, глухой, неэмфатичный, фрикативный. [dh] межзубный, звонкий, неэмфатичный, фрикативный.	[th] межзубный, глухой, неэмфатичный, фрикативный. [dh] межзубный, звонкий, неэмфатичный, фрикативный.	[th] → [s] переднеязычный зубный, глухой, неэмфатичный, фрикативный, свистящий. [th] → [t] переднеязычный зубный, глухой, неэмфатичный, смычный. [dh] → [z] переднеязычный зубный, звонкий, неэмфатичный, фрикативный, свистящий.
	[z] межзубный, звонкий, эмфатичный, фрикативный.	[z] межзубный, звонкий, с меньшей степенью эмфатичности, фрикативный.	[z] → [ʒ] переднеязычный зубный, звонкий, эмфатичный, фрикативный, велярный*, свистящий.
djim	[dj] среднеязычный, звонкий, неэмфатичный, смычно-щелевой.	В Сирии [dj] → [j] среднеязычный, звонкий, неэмфатичный, фрикативный (щелевой). В Египте [dj] → [g] заднеязычный, глухой, неэмфатичный, смычный, велярный.	В Сирии [dj] → [j] среднеязычный, звонкий, неэмфатичный, фрикативный (щелевой). В Египте [dj] → [g] заднеязычный, глухой, неэмфатичный, смычный, велярный.
qaf	[q] заднеязычный, звонкий, неэмфатичный, смычный, велярный.	[q] заднеязычный, глухой, неэмфатичный, смычный, с меньшей степенью велярности.	[q] → [ʔ] ларингальный, звонкий, неэмфатичный, смычный.

* Велярные согласные характеризуются подъемом задней части спинки языка к мягкому нёбу.

ние произносится как удвоенный [l]. Чередование является разновидностью ассимиляции и затрагивает согласный [n] в препозиции к [b], когда он переходит в губной носовой согласный [m].

Приведем примеры модификации артикуляции согласных арабского литературного языка в современном литературном и разговорном языке (см. табл.).

Существует несколько мнений в вопросе соотношения арабского литературного и разговорного языков [5; 6]. Согласно одному из них, разговорный арабский язык является не самостоятельным языком, а искажением литературного.

В настоящее время существует и другая точка зрения, сторонники которой признают разговорный арабский самостоятельным языком, имеющим особые грамматические и произносительные нормы, для них, однако, нет научного описания.

Также существует мнение, что между литературным и разговорным языками существует «третий язык», сочетающий особенности того и другого. Этого мнения придерживаются писатели, драматурги и те, кто работает в сфере искусства, а потому находится в постоянном поиске художественно верного языка, реально отображающего общество и способного быть понятным читателю и зрителю любой арабоязычной страны.

Некоторые драматурги и режиссеры считают, что пьесы должны звучать на литературном языке, другие же полагают, что театр как вид искусства, отражающий реальность, должен иметь живую речь, приближаясь к сознанию зрителей. Представители первого мнения считают, что театр, отражая душу нации, должен выполнять просветительские задачи. Соответственно, сценическая речь, по определению И.Ю. Промптовой, несет «культурно-пропагандистскую» [7, с. 201] функцию. Так как арабский литературный язык характеризуется высоким стилем и эталоном произношения, на который ориентируются интеллигенция и образованные слои общества, использование его в театре, по их мнению, служит воспитанию речевой культуры зрителей.

Сирийский режиссер и драматург ‘Али ‘Окла ‘Ирсан (род. в 1940 г.), будучи привер-

женцем идеи единой арабской нации, считал, что языком театра должен быть литературный арабский, который на протяжении многих веков был языком искусства, литературы, науки, философии, это — язык, имеющий логичную научную основу, он влияет на развитие нравов и моральных ценностей арабов [8, с. 208].

Знаменитый сирийский драматург Саадаллах Ваннус (1941–1997) также настаивал на том, что театральной речью должен быть литературный арабский язык, поскольку он считал, что театр не является непосредственным отражением жизни. Его собственная драматургия имела символистский характер и испытывала на себе влияние брехтовского «очуждения» [9]. По мнению С. Ванныса, театру не обязательно быть реалистическим, чтобы отражать реальную жизнь, поэтому театральная речь должна обладать художественной ценностью, чем и богат литературный арабский язык.

С. Ваннус считает, что ясность композиции пьесы, глубина мысли и разработанность сюжетных линий, привлекая зрителей, помогут им преодолеть барьер восприятия литературного языка [10, с. 126].

Представители другого мнения занимают более гибкую позицию. Так, египетский писатель Тауфик ал-Хаким (1898–1987), разделивший текст пьесы на два уровня (уровень письменного текста и уровень произносимого текста в спектакле), полагал, что в письменном тексте надо использовать литературный язык, так как именно на нем люди привыкли читать и писать [11, с. 275]. Если же пьеса ставится на сцене, то можно использовать разговорный язык, поскольку люди привыкли на нем общаться, и воспринимать спектакль будет легче, если речь актеров будет жизненной. Тауфик ал-Хаким предлагал использовать так называемый «третий язык», являющийся своеобразной серединой между диалектом и литературным языком, который сочетает естественность и жизненность разговорного языка и обладает художественными качествами и высоким уровнем литературного. Таким образом можно достичь единообразия драматургической речи, которая объединит драматургию арабских стран и задаст единые критерии восприятия спектаклей на арабском языке.

Египетский писатель Юсуф Идрис (1927–1991) поддерживал использование разговорного языка в драматургии, так как, по его мнению, язык является важнейшим средством выражения в театре, а значит должен быть правдивым и естественным, чтобы, с одной стороны, актер мог легче выразить свое внутреннее состояние, а с другой стороны, зрители разных социальных классов могли легко воспринимать спектакли [11, с. 301].

Особо отметим, что с развитием идей арабского национализма и усилением арабского национального движения, направленного на сопротивление сначала Османской власти в конце XIX — начале XX в. и затем западно-европейскому колониализму первой половины XX в., возросла поддержка литературного арабского языка как объединяющей силы, дающей толчок возрождению средневековой традиции и культуры великой арабо-исламской цивилизации, а также формированию театральных форм, продиктованных требованиями и задачами того времени [12–14].

Сейчас, когда главная волна арабского национального движения отступила, не ответив на поднятые современностью вопросы, арабский театр находится в состоянии поиска форм и драматургии, которые отражали бы душу и интересы современного арабского общества, ищущего собственную идентичность с учетом особенностей каждой страны.

Арабский театр начала XXI в. берет на себя ответственность поднимать актуальные проблемы, волнующие общество, и в особенности, отражать дух народа в период так называемой «арабской весны»². Если в 1980–1990-х гг. в театре ставилась преимущественно переводная драматургия, написанная на литературном языке, то начало XXI в. характеризуется резкими переменами в сторону отражения того кипения в обществе, которое затронуло практически все страны арабского мира. Театр стал идти в ногу со временем. Он находится в поиске новых форм и нового языка, отражающего социальные, моральные и культурные вопросы, волнующие современного человека.

² «Арабской весной» называют волну протестов и восстаний, проходящую в арабских странах с 2011 года. Перевоороты произошли в Тунисе, Египте, Йемене, гражданские войны в Ливии и Сирии, гражданское восстание в Бахрейне и т. д.

При этом развитие арабской драматургии сильно отстает от требований современного театра. Для этого имеется много причин, среди которых, с одной стороны, недостаточное финансирование театральных учреждений, а с другой — нехватка современных пьес. Профессиональные драматурги пишут сценарии на глубокие актуальные темы для телевизионных сериалов довольно высокого уровня, что особенно характерно для Сирии, соперничая в этом с игровым кино и театром. К сожалению, война негативно сказалась на развитии этого жанра.

Отсутствие качественной арабской драматургии толкало театральных режиссеров к постановке спектаклей на основе импровизированного текста или адаптированных под арабскую действительность пьес зарубежных авторов, например, Г. Пинтера, А. Миллера, Т. Уильямса, С. Мрожека и т. д.

Используемая в современных спектаклях речь стала отражать местные диалекты (сирийский, египетский, тунисский и др.), так как именно диалект является живым языком современного арабского человека, в котором отражаются его представления о мире. Таким образом, для использования литературного языка в театре необходимо веское драматургическое оправдание. Например, исторический сюжет или нереальные обстоятельства, так как современный зритель воспринимает литературный язык в театре как принадлежащий к прошлому, к истории и традиции.

В этой сложной языковой ситуации арабских стран, и особенно в Сирии, где существует множество разных говоров, перед преподавателем сценической речи возникает важный вопрос, связанный с формированием методики сценической речи в театральной школе. Какая норма должна лежать в основе методики: литературная или разговорная?

Если за основу берется разговорный язык как соответствующий требованиям современного арабского театра, то возникает много сложностей, связанных прежде всего с отсутствием научной основы, общих орфоэпических норм и достаточного литературного материала. Система обучения, базирующаяся на произносительных нормах разговорного языка, будет

неполноценной и не изменит ситуацию с «речевым разнообразием» в театре.

Если за основу методики преподавания сценической речи брать литературный язык, поскольку он имеет четкое описание, устоявшиеся орфоэпические нормы, а также понятен в любой арабоязычной стране, то в таком случае уровень обучения также будет не в полной мере соответствовать требованиям современной режиссуры. Решение проблемы, на наш взгляд, заключается в амбивалентном подходе формирования методики преподавания сценической речи в сирийской театральной школе, что выражается, во-первых, в унификации местных говоров, во-вторых, в овладении студентами-актерами столичным диалектом наряду с литературным языком. В практической работе педагогам необходимо совмещать обучение литературному языку на основе описанных норм и разговорному языку, используя аудиозаписи.

Список источников

1. Ал-Бадави А.М. Муставайат ал-луга ал-му'асира фи Миср [= Уровни современного арабского языка в Египте]. Каир, 1973. 222 с. Араб. яз.
2. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика : учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. Москва : Аспект-Пресс, 2000. 206 с.
3. Аганина Г.Р. Лингвистические основы орфоэпии чтения Корана // Сборник пособий по исламоведению и корановедению. Москва : Восточная книга, 2012. С. 62–221.
4. Анис Э. Фи ал-лахджат ал-'арабийя [= Арабские диалекты]. Каир, 2003. 290 с. Араб. яз.
5. Helmut S. Investigating variation in Arabic intonation: the case for a multi-level corpus approach. Perspectives on Arabic Linguistics XXIV–XXV. Studies in Arabic linguistics. John Benjamins/ University of York, 2014. С. 63–89.
6. Helmut S., Chahal D. The intonation of Lebanese and Egyptian Arabic. Oxford University Press, 2014. 365 с.
7. Промптова И.Ю. Услышать будущего зов... Москва, 2016. 536 с.
8. 'Ирсан 'А.'О. Вакфат ма'а ал-масрах ал-'араби [= Взгляд на арабский театр]. Дамаск, 1996. 250 с. Араб. яз.
9. Ас-Сажир Ф. Станиславский ва аль-масрах аль-'араби [= Станиславский и арабский театр]. Дамаск, 1994. 183 с. Араб. яз.
10. Ваннус С. Байанат ли масрах 'араби джадид [= Манифесты нового арабского театра]. Бейрут, 1988. 792 с. Араб. яз.
11. Хаммо Х.М. Та'сил ал-масрах ал-'араби фи Миср ва Сурия байна ан-назарийя ва-т-табик [= В поисках идентичности арабского театра в Египте и Сирии — теория и практика]. Дамаск, 1999. 362 с. Араб. яз.
12. Ал-Малих В. Тарих ал-масрах ас-сури ва зикрайати [= История сирийского театра и мои воспоминания]. Дамаск, 1984. 367 с. Араб. яз.
13. Булбул Ф. Ал-Масрах ас-сури фи мийат 'ам 1847–1946 [= Сирийский театр в течение 100 лет, 1847–1946]. Дамаск, 1997. 390 с. Араб. яз.
14. Наджим М.Ю. Ал-Масрахийя фи-л-адаб ал-'араби ал-хадис [= Пьеса в современной арабской литературе]. Бейрут, 1985. 511 с. Араб. яз.

Formation of Arabic Theatrical Speech Culture in the Context of Language Situation

Nada Alabdalla

Russian Institute of Theatre Arts, 6, Malvi Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
Higher Institute of Dramatic Arts, P.O. Box 6645, Damascus, Syria
E-mail: nada.alabdalla1@gmail.com

Abstract. *The Arabic world's language situation is characterized by bilingualism (diglossia), as alongside the written language (Fusha), there exist many spoken languages. This situation raises important theoretical and methodological issues before the theatre in general and theatrical pedagogics in particular. The article deals with the problem of orthoepic norms' lacking in spoken Arabic, which affects both the teaching methods in theatrical high schools and the speech culture in general. In this context, the author gives a short re-*

view of language development in Arabic theatre and considers some points of view of Arabic theatrical directors and playwrights of different periods. The article represents a table of phonetics' comparison of Arabic literary and spoken languages. Furthermore, the article raises the problem of spoken language codification and also considers the issue of theatre language. Emphasizing the importance of both the written and spoken languages, the article concludes on the ambivalent approach to forming the theatrical speech teaching methods in the Syrian theatrical school, provided that local dialects are standardized and actors-students master the capital dialect along with the literary language. In practice, teachers have to combine the written language acquisition basing on the rules, and that of the spoken language using audio samples.

Key words: theatrical speech, diglossia, Arabic language, written Arabic language, spoken Arabic language, dialect, theatrical speech teaching methods.

Citation: Alabdalla N. Formation of Arabic Theatrical Speech Culture in the Context of Language Situation, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 436–443. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-436-443.

References

1. Al-Badawi A.M. *Mustawayāt al-‘arabiyya al-mu‘āssira fī Miṣr*. [The Levels of Contemporary Language in Egypt]. Cairo, 1973, 222 p. (in Arab.).
2. Mechkovskaya N.B. *Sotsial'naya lingvistika: ucheb. posobie dlya studentov gumanit. vuzov i uchashchikh-sya litseev* [Social Linguistics: textbook for students of humanitarian universities and lyceums]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2000, 206 p.
3. Aganina G.R. Linguistic Basics of the Orthoepey of Reading the Koran, *Sbornik posobii po islamovedeniyu i koranovedeniyu* [Collection of Manuals on Islamic and Koranic Studies]. Moscow, Vostochnaya Kniga Publ., 2012, pp. 62–221 (in Russ.).
4. Anīs I. *Fī al-lahajāt al-‘arabiyya* [Arabic Dialects]. Cairo, 2003, 290 p. (in Arab.).
5. Helmuth S. *Investigating Variation in Arabic Intonation: The Case for a Multi-Level Corpus Approach. Perspectives on Arabic Linguistics XXIV-XXV. Studies in Arabic Linguistics*, John Benjamins Publ., 2014, pp. 63–89.
6. Hellmuth S., Chahal D. *The Intonation of Lebanese and Egyptian Arabic*, Oxford University Press Publ., 2014, 365 p.
7. Promptova I.Yu. *Uslyshat' budushchego zov... [Listening to the Call of the Future...]*. Moscow, 2016, 536 p.
8. ‘Ersān ‘A.‘O. *Waqfāt ma‘a al-masrah al-‘arabi* [A Look at the Arabic Theater]. Damascus, 1996, 250 p. (in Arab.).
9. As-Sājir F. *Stanislavski wa al-masrah al-‘arabi* [Stanislavsky and the Arabic Theater]. Damascus, 1994, 183 p. (in Arab.).
10. Wannūs S. *Bayanāt li masrah ‘arabi jadīd* [Manifests for a New Arabic Theater]. Beirut, 1988, 792 p. (in Arab.).
11. Ḥammo H.M. *Ta‘āṣil al-masrah al-‘arabi fī Miṣr wa Sūrya baīn an-nazariyya wa at-taṭbīq* [Searching the Identity of the Arabic Theater in Egypt and Syria — Theory and Practice]. Damascus, 1999, 362 p. (in Arab.).
12. Al-māliḥ W. *Tārīkh al-masrah as-sūri wa dhikrayāti* [The History of Syrian Theater and my Memories]. Damascus, 1984, 367 p. (in Arab.).
13. Bulbul F. *Al-masrah as-sūri fī mi‘at ‘ām (1847–1946)* [The Syrian Theater during a Hundred Years (1847–1946)]. Damascus, 1997 390 p. (in Arab.).
14. Najem M. *Al-masrahīya fī al-‘adab al-‘arabi al-ḥadīth* [The Play in the Modern Arabic Literature]. Beirut, 1985, 511 p. (in Arab.).

УДК [069.02:7]-052
ББК 85.101.19
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-4-444-459

А.А. УШКАРЕВ

АУДИТОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ: АРГУМЕНТЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА

Александр Анатольевич Ушкарев,

Государственный институт искусствознания,
отдел общей теории искусства и культурной
политики,
старший научный сотрудник
Козицкий пер., д. 5, Москва, 125009, Россия

кандидат искусствоведения, доцент
E-mail: al_ush@mail.ru

Реферат. Диверсификация художественного предложения и растущая конкуренция на рынке культурных услуг ведут к тому, что качество художественного продукта (спектакля, концерта, выставочной экспозиции) воспринимается как все более относительное и теряет свое прежнее значение решающего аргумента потребительского выбора. Чем руководствуется человек в своем общении с искусством? Что является детерминантами его потребительского

поведения и есть ли в нем закономерности? От того, будут ли найдены ответы на эти и другие вопросы, зависит возможность преодоления коммуникационных барьеров и налаживания конструктивного диалога между культурными институтами и их потенциальной аудиторией. В статье рассматривается культурологический аспект этого взаимодействия — роль мотиваций и индивидуальных предпочтений в потреблении искусства, их влияние на культурную активность человека.

Материалом для статьи послужили результаты масштабного социологического исследования посетителей Государственной Третьяковской галереи, проведенного научным коллективом Государственного института искусствознания. Аудитория музея изучалась не только по традиционно описываемым социологами искусства объективным параметрам, но и по ряду трудноизмеримых содержательных признаков, далеко выходящих за пределы социально-демо-

графических описаний. Исследование позволило приблизиться к пониманию некоторых общих закономерностей потребительского поведения в искусстве, определить характер влияния на культурный выбор потребительских мотиваций и индивидуальных предпочтений. Доказано существование статистически значимой связи этих субъективных поведенческих детерминант с мерой культурного капитала личности. Использование методов математической статистики и эконометрики расширяет традиционные возможности социологии искусства и обеспечивает качественно новый уровень достоверности результатов.

Ключевые слова: аудитория искусства, посетители художественного музея, культурное потребление, потребительское поведение, мотивы, предпочтения, культурный капитал, социология искусства, эконометрический анализ.
Для цитирования: Ушкарев А.А. Аудитория художественного музея: аргументы потребительского выбора // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 444–459. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-444-459.

Утверждение рыночной парадигмы развития и связанный с этим пересмотр принципов государственной культурной политики вынуждает учреждения культуры и искусства все более полагаться на собственные ресурсы и возможности, ориентируя свою деятельность на удовлетворение запросов конечного потребителя — зрителя, слушателя, посетителя. Это стимулирует культурные институции модифицировать свой функционал и формат основной деятельности в соответствии с тенденциями времени и реально существующего спроса. А научные исследования аудитории искусства в связи с этим все чаще фокусируются на осмыслении путей преодоления коммуникационных барьеров, решении практических задач привлечения аудитории и в конечном счете направлены на решение проблем их социального функционирования. В связи с этим ученых и практиков интересует не столько «социально-культурный портрет» потребителя искусства, сколько

поиск и анализ факторов, оказывающих влияние на его культурную активность.

Развивающиеся сегодня на Западе и в России направления исследований показывают, что современное состояние музейной социологии характеризуется широким спектром интересов, а музейные посетители могут дифференцироваться различными способами [1; 2]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что отношения с аудиторией сложны, и не может быть легкого или универсального решения всех проблем. Сохраняются попытки объяснять поведение посетителей априорно присущими людям характеристиками, низводящими аудиторию до уровня однородной массы. Это воспринимается как редукционистский и довольно ограниченный подход, затрудняющий постижение существенных закономерностей потребительского поведения. Ученые все чаще задаются вопросом, можно ли объяснять такие сложные явления, как отношение человека к искусству или художественный вкус такими простыми причинами, как пол, возраст или образование? Высказывается мнение, что влияние социально-демографических характеристик на отношение человека к искусству, на объем и характер культурного потребления — это миф, который дает ложное чувство объяснения, лишь затрудняя понимание истинных причин культурного поведения [3]. В некоторых случаях подобный подход приводит к разочарованиям или сомнениям в научной обоснованности и значимости результатов эмпирических исследований [4].

Одно из альтернативных объяснений культурной активности строится на том, что наряду с социально-демографическими и экономическими факторами огромную роль в контактах человека с искусством играют ценностные ориентации и социально-психологические особенности личности. Утверждение этого взгляда привело к созданию целого семейства ценностно-ориентированных систем социально-психологической сегментации [5–7], которые должны, по мысли создателей, обеспечивать разностороннее понимание потребительских настроений, ценностей и образа жизни. Успешные попытки измерения социально-психологических особенностей личности позволили уточнить и конкретизировать понимание ауди-

тории искусства. Впрочем, это ненамного приблизило научное сообщество к пониманию механизмов и закономерностей потребительского поведения. Как показал относительно недавний датский Национальный опрос посетителей музеев 2012 г., в котором использовалась сегментация по «Компасу Гэллапа», типичный пользователь датского музея — женщина-датчанка, позднего среднего возраста, хорошо образованная и, используя терминологию Гэллапа, диспропорционально «современная/социально-ориентированная» [8]. Таким образом, предложенный подход, дополняя портрет посетителя психологическими чертами, лишь расширил список устойчивых структурных диспропорций, отличающих аудиторию искусства от населения в целом.

С другой стороны, крепнет понимание того, что посетители музеев — люди с собственным жизненным опытом, воспринимающие музеи в контексте этого опыта и согласно ему получающие индивидуальные впечатления от посещения. Сегодня многие ученые убеждены, что смысл досугового и культурного поведения человека, его отношения к искусству следует искать не в характеристиках личности и даже не в конкретных проявлениях культурной активности, а в том, какие цели в наибольшей мере в ней реализуются, какие функции искусства востребуются человеком. Очевидно, что потребительский выбор инициирован не столько желанием увидеть или сделать что-то конкретное, сколько стремлением человека удовлетворить определенную потребность, мотивацию. Отстаивая эту позицию, Дж. Фальк и Л. Диркинг утверждают, что индивидуальные мотивы посещения музея тесно связаны с потребностью посетителя в самоидентификации [9]. Однако, как пессимистично констатирует К. Джонс, исследования посетителей не очень-то продвинулись с 1990-х гг., когда было опубликовано первое издание их книги [10, р. 540]. И все же, несмотря на пессимизм оппонентов, некоторые музеи — не обязательно художественные — довольно успешно продолжают социологические опыты по сегментации своей аудитории, используя предложенный Дж. Фальком подход, иногда дополняя его элементами ценностной сегментации [7; 11].

Существует и альтернативная точка зрения. Она состоит в том, что, напротив, сама мотивация полностью определяется традиционными драйверами потребительского поведения, например культурным капиталом [12]. Тем не менее вопрос о том, как мотивация или величина культурного капитала влияют на частоту посещения музея и объемы культурного потребления в целом, неочевиден и редко поднимается в ходе эмпирических исследований. Причина этого состоит в том, что подобные задачи не могут быть решены традиционными описательными методами и требуют более точных и надежных аналитических инструментов. Таким инструментом для решения сложных исследовательских задач в последнее время все чаще становятся эконометрические методы. Их применение в социальных исследованиях оправдано тем, что они дают возможность количественно определить нечто непосредственно не измеряемое, исходя из других доступных измерению переменных. Но, хотя эконометрика становится все более популярной среди социологов, на сегодняшний день существует не так много опубликованных работ, исследующих роль мотивации в культурном потреблении с использованием эконометрических методов [13–17].

Одним из успешных примеров использования аналитических возможностей эконометрического анализа для оценки влияния типа мотивации на число посещений музея стал опыт, предпринятый в 2014 г. группой исследователей из итальянского Свободного университета Болцано. Используя данные опроса посетителей музея Витториале (Vittoriale) — известного итальянского туристического центра, расположенного на побережье озера Гарда, они доказали, что мотивация оказывает большое влияние на посещаемость музея [12]. Многомерный анализ соответствий (МСА) позволил разделить массу мотивов посещения музея на две группы — по терминологии авторов, «легкое» и «тяжелое» потребление. Первая группа объединяет преимущественно рекреационные мотивы, связанные с отдыхом и теми занятиями, которым люди обычно предаются во время отпуска. Вторая группа включает более интеллектуальные мотивы. Авторы обратили внимание, что «легкое» потребление свойственно глав-

ным образом случайным посетителям и при прочих равных условиях оказывается существенным фактором, отрицательно влияющим на посещаемость музея. В отличие от «легкого» «тяжелое» потребление, будучи зависимым от культурного капитала¹, имеет значительное положительное влияние на посещаемость.

Проведенное нами исследование аудитории Государственной Третьяковской галереи (ГТГ) подтвердило исключительную роль культурного капитала как одного из важнейших драйверов потребления искусства [18]. Впрочем, это не исключает существования и других детерминант культурного потребления, таких как мотивы и некоторые другие переменные (например, источники информации), включающие возможный эффект мотивации. Немалую роль в характере общения человека с искусством играют и особенности вкуса, которые находят свое выражение в индивидуальных предпочтениях.

В качестве подтверждения этих гипотез представляем некоторые итоги масштабного социологического исследования посетителей ГТГ, которое стало составной частью программы изучения аудитории искусства, на протяжении ряда лет реализуемой Государственным институтом искусствознания (ГИИ)². В соответствии с программой исследования [19] в ходе 13 анкетных опросов посетителей³, проведенных в 2016 г. на постоянных экспозициях и пяти выставках ГТГ⁴ по случайной квотированной выборке, было собрано 3 715 пригодных к обработке анкет — самый общий «срез»

типичной повседневной публики музея. Опросы обеспечили уникальный массив социологической информации, достаточный для формулирования статистически значимых выводов и обобщений. Это полностью подтверждается критериями определения размеров выборки, соотношения «процента ошибки выборки» и ее объема, используемыми в социологических исследованиях с неопределенной генеральной совокупностью [20]. И хотя результаты исследования публики ГТГ, строго говоря, не могут быть распространены на все художественные музеи в силу уникальности объекта, они вскрывают некоторые общие закономерности культурного потребления и полностью вписываются в широкий контекст мировой практики исследований аудитории искусства.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ГТГ

Опросы посетителей ГТГ показали, что в зависимости от типа посещения и музейные завсегдатаи, и те, кто ходит в музей редко, называют его главный содержательный мотив: интерес к постоянной экспозиции либо желание посмотреть конкретную выставку (табл. 1).

Наиболее определенная мотивация у посетителей выставок: большая часть из них пришла посмотреть именно конкретную выставку (58,1%) при наличии артикулированного интереса также и к постоянной экспозиции. Желание провести свободное время в музее в качестве причины посещения назвали 23,2% посетителей. 16,1% респондентов пришли для того, чтобы посетить значимое культурное событие, что может свидетельствовать о наличии статусной составляющей в мотивации этих посетителей. При этом среди посетителей выставок оказалось заметно меньше тех, кто руководствовался в основном рекреационными мотивами или попал в музей случайно.

У посетителей постоянных экспозиций спектр мотивов оказывается несколько более широким, но зато менее содержательным: наряду с интересом к экспозициям, очень по-

¹ В данном случае в качестве аппроксимации культурного капитала выступал показатель начитанности респондентов.

² В проведении исследования принимали участие научные сотрудники отдела общей теории искусства и культурной политики ГИИ: Г.Г. Гедовиус, Е.А. Дудкина, Т.В. Петрушина, И.В. Пуликова, д-р филос. наук А.Я. Рубинштейн, Е.К. Соколова, канд. искусствоведения А.А. Ушкарев (руководитель) и канд. искусствоведения Г.М. Юсупова.

³ Опрашивались индивидуальные посетители в возрасте от 16 лет.

⁴ Постоянные экспозиции: основное здание в Лаврушинском пер., д. 10; Инженерный корпус в Лаврушинском пер., д. 12; залы на Крымском валу, д. 10. Выставки: «Материалы и техники гравюры. Ксилография»; иконописи Симона Ушакова; художников Г. Коржева, Г. Якулова, а также В. Серова.

Таблица 1

Структура мотивов посетителей ГТГ (в % к числу ответивших)

МОТИВЫ ПОСЕЩЕНИЯ	ПОСТОЯННЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ	ВЫСТАВКИ
Интерес к постоянной экспозиции	56,9	49,7
Интерес к конкретной выставке	22,1	58,1
Привести детей	8,1	11,5
Посетить значимое культурное событие	17,9	16,1
Провести свободное время в музее	36,5	23,2
Не было особых причин	4,5	2,3
Иные мотивы	5,8	5,7

пулярным оказывается желание просто провести свободное время в музее (более трети ответивших). Этот мотив можно считать культурно-досуговым или квазихудожественным, поскольку свободное время в музее все-таки протекает в общении с искусством. Но главное, на постоянных экспозициях вдвое больше, чем на выставках, оказывается доля посетителей, которые пришли случайно, не имея на то особых причин. К роли случайных посещений мы еще вернемся, но сейчас заметим, что их тоже надо признать нормальной и даже необходимой практикой. Именно из числа случайных посетителей рекрутируются потребители, составляющие актуальную аудиторию искусства, особенно, если они не были приобщены к искусству родителями или в результате организованных школьных посещений.

Тот факт, что посетители выставок и посетители постоянных экспозиций составляют различные сегменты музейной аудитории, хорошо известен практикам музейного дела. Выставочная публика, как правило, отличается не только более высоким уровнем образования, но и культурной осведомленностью и в целом оказывается более подготовленной к восприятию искусства, нежели посетители постоянных экспозиций. В поисках содержательного объяснения этого факта мы сравнили аудитории

постоянных экспозиций и выставок по целому ряду параметров.

Первый интересный факт был выявлен в сопоставлении мотиваций двух типов музейной публики: аудитория выставок по своим поведенческим характеристикам оказалась в значительной мере сходной с широкой московской «общекультурной» публикой, характеристики и особенности поведения которой были всесторонне изучены и описаны нами в ходе многолетних исследований театрального рынка [21–25]. Посетители выставок, как правило, интересуются изобразительным искусством наряду с другими видами искусства. Среди них больше тех, кто имеет широкий спектр культурных интересов и стремится по возможности посещать значимые культурные события любых видов. Посещение художественной выставки для такой разносторонне образованной публики имеет и важный коммуникативный аспект, поскольку в посещении выставок присутствует «момент общения людей не только с искусством, но и друг с другом» [26].

Выставочная публика — вообще достаточно разносторонняя и осведомленная в культурном отношении. Вместе с тем наряду с первичной содержательной мотивацией ее более высокий образовательный уровень и социальный статус способствуют проявлению элементов культурно-престижного поведения, отмечаемого

П. Бурдые в качестве сопутствующего эффекта образования [27]. Многие престижно мотивированные посетители, иногда даже не обладая артикулированными интересами в области изобразительного искусства, не могли пропустить выдающееся событие. Широта культурных интересов такого рода публики не оставляет шансов для углубленного освоения искусства, превращая ее в армию формальных потребителей. «Разбавляя» содержательно-ориентированную публику выставок, большая группа таких престижно-мотивированных потребителей, для искусства хоть и не посторонних, но достаточно нейтральных, заметно смещает и общие качественные параметры выставочной аудитории.

В формировании культурно-престижных мотиваций немалую роль играет деятельность СМИ, а также целенаправленные усилия маркетологов ГТГ. Репортажи в светской хронике о выставках как о значимых культурных событиях (например, упоминания об интересе, проявленном к выставке Валентина Серова со стороны высших руководителей государства) порождают широкий общественный резонанс и подстегивают азарт московского бомонда — той самой широко образованной культурно-престижной публики, которую в большом количестве фиксировали наши опросы на подобных мероприятиях. Неслучайно и то, что пик посещаемости выставки В. Серова пришелся на последний период ее работы, заставив руководство ГТГ неоднократно переносить дату закрытия. Это событие представляет, на наш взгляд, не только культурный, но и очень показательный маркетинговый феномен.

Аудитория посетителей постоянных экспозиций, в отличие от выставочной, хотя в целом кажется менее подготовленной и искушенной, все же более специфична, так как больше ориентирована не на широкий культурный контекст, а именно на изобразительное искусство. Дальнейший анализ показал, что в составе аудитории постоянных экспозиций оказывается относительно больше не только случайных посетителей, в том числе приезжих, но и учащейся молодежи, и профессионалов, а также людей, занимающихся любительским творчеством в области изобразительного искусства. Эта публика — очень разная и по-разному мотивированная: случайная, приобщающаяся и «специальная».

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ ВЫБОРЕ

Расчеты показали, что особенности потребительского поведения и мотивации посетителей не связаны с их социально-демографическими характеристиками и определяются сущностными различиями:

- ♦ наличием или отсутствием культурных традиций в родительской семье;
- ♦ возрастом приобщения к искусству и частотой контактов с ним;
- ♦ характером культурной активности;
- ♦ признаками художественного развития или уровня художественной подготовленности.

Именно эта вся совокупность измеряемых параметров определяет наше понимание и методику расчета меры культурного капитала как накапливаемого ресурса в виде комплекса социальных, культурных и компетентностных характеристик человека [18]. Однако, несмотря на содержательность и высокую объясняющую способность интегрального показателя меры культурного капитала, его связь с мотивационной составляющей потребительского выбора не очевидна.

Для того чтобы аргументированно ответить на вопрос о характере влияния посетительских мотиваций на характер и интенсивность потребления искусства, необходимо было операционализировать совокупность мотивов, предложенных респондентам в качестве ответов на вопрос анкеты, и привести ее в соответствие с некими обобщенными типами. Границы типов мотивации нельзя, конечно, считать безусловными. Разные мотивы посещения музея не противоречат друг другу и могут сочетаться. Один и тот же по сути мотив может быть по-разному определен вербально, но при этом сходные или даже идентичные по форме определения могут выражать совершенно разные мотивы. С целью избежать неоднозначности в трактовке мы предлагали респондентам предварительно сформулированные варианты ответа на вопрос о причинах посещения ГТГ. Тем самым, оценивая посетительскую мотивацию по нескольким фиксированным категориям, мы допускали известное упрощение. Но со-

Таблица 2

Типы мотивации посетителей основного здания ГТГ
Повернутая матрица компонентов *

МОТИВЫ ПОСЕЩЕНИЯ	КОМПОНЕНТЫ		
	1	2	3
Интерес к основной экспозиции	0,540	-0,593	
Интерес к конкретной выставке	0,432		
Привести детей			
Посетить значимое культурное событие		0,906	
Провести свободное время в музее	-0,814		
Не было особых причин			0,949

Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера
*Вращение сошлось за 5 итераций.

циальные измерения качественных параметров всегда связаны с неизбежным упрощением, однако на статистически значимых массивах подобные допущения могут быть оправданы.

Операция снижения размерности и типологизации мотивов была выполнена в программной среде IBM SPSS Statistics⁵ при помощи процедуры факторного анализа. Это позволило организовать перечисленные мотивы в несколько факторов, которые, по сути, представляют собой переменные, исходно присутствующие в массиве данных в латентном состоянии. При проведении этой процедуры были соблюдены все условия и ограничения, подробно описанные в специальной литературе [28–31].

Анализ выполнялся не только по отношению к совокупной аудитории ГТГ, но и по отношению к посетителям трех экспозиционных площадок ГТГ в отдельности (основное здание, Лаврушинский пер., д. 10; Инженерный корпус, Лаврушинский пер., д. 12; здание на Крымском валу, д. 10), а также для двух типов посеще-

⁵ От англ. Statistical Package for Social Sciences (статистический пакет для общественных наук) — компьютерная программа для статистической обработки данных, одна из лидеров рынка коммерческих статистических продуктов, предназначенных для проведения прикладных исследований в области общественных наук. — *Примеч. ред.*

ний (постоянных экспозиций и выставок). При этом анализ показал, что мотивации каждого конкретного посетительского сегмента имеют свои особенности и иерархию значимости, которые объясняются специализацией площадок и связаны с отмеченными выше особенностями потребительского поведения разных сегментов публики. В качестве примера приведем результат расчета компонентов мотивации посетителей основного здания ГТГ, полученных в результате факторного анализа (табл. 2).

Выделенные факторы объясняют около 60% совокупной дисперсии, выборка признана пригодной для факторного анализа, а критерий сферичности Бартлетта подтверждает статистическую достоверность результата. Но чтобы обрести смысловое значение, выделенные компоненты требуют вербальной содержательной интерпретации. Именно здесь исследования обычно наталкиваются на существенные трудности, так как ни один формализованный аналитический метод не предоставляет критериев и инструментов для содержательной трактовки социальных явлений. Не случайно содержательная интерпретация далеко не очевидных результатов моделирования считается главной проблемой применения факторного анализа в социологических исследованиях, и даже при

использовании специализированных программных продуктов продолжает оставаться сложной исследовательской задачей.

Определяя типы мотивации, мы исходили из того, что интерпретация факторов непосредственно связана с факторными нагрузками: те переменные, с которыми фактор коррелирует сильнее всего, отражают его основной содержательный смысл. Например, желание посетить значимое культурное событие при отсутствии интереса к представленным коллекциям, а также других причин посещения, мы трактуем как проявление статусной мотивации. Но если это желание сопутствует более весомому интересу к конкретной выставке или постоянной экспозиции, оно может быть интерпретировано как элемент содержательной мотивации. Тщательный содержательный анализ полученных компонентов по целому семейству результатов факторизации позволил дать наиболее универсальное определение типов мотивации, в той или иной мере присутствующих во всех сегментах аудитории ГТГ.

1 тип. Содержательная мотивация. В первую очередь связана с интересом к конкретным коллекциям музея, а также с культурно-просветительскими или социально-коммуникативными мотивами.

2 тип. Статусная (культурно-престижная) мотивация. В нашем случае выражалась в стремлении посетить значимое культурное событие при отсутствии содержательного интереса к представленным коллекциям.

3 тип. Рекреационная мотивация. Посещение музея исключительно с целью проведения свободного времени, отдыха. К этому типу отнесены также посещения при отсутствии артикулированных причин.

Дальнейший анализ должен был показать характер влияния преобладающего типа мотивации на интенсивность общения респондента с искусством. Понятно, что в ГТГ ходят не только жители Москвы, но и приезжие — туристы, отдыхающие, командировочные. И даже в том случае, когда приезжие мотивированы содержательно, это слабо влияет на посещаемость ГТГ, поскольку их возможности повторных посещений ограничены временем пребывания в столице. Поэтому чтобы исключить влияние фактора доступности посещения для разных контингентов посетителей, в качест-

ве зависимой переменной была принята не частота посещения ГТГ (которая может зависеть от места жительства потенциального посетителя), а *интенсивность культурного потребления* в целом, под которой подразумевается суммарная за год частота посещения респондентом художественных музеев, театров, а также концертов классической музыки. Такие посещения доступны всем респондентам практически в равной мере, независимо от их места жительства. При этом мы принимаем допущение, что тип мотивации, выявленный у респондента при посещении ГТГ, в тенденции воспроизводится и при других его контактах с искусством.

Анализ состоял в построении модели регрессионной зависимости интенсивности культурного потребления от трех независимых переменных (типов мотивации) и оценки их статистической значимости⁶:

$$y = b_0 + b_1x_1 + b_2x_2 + b_3x_3 + \zeta,$$

где y — интенсивность культурного потребления; x_1-x_3 — типы мотивации (независимые переменные); b_0 — константа, b_1-b_3 — соответствующие коэффициенты уравнения регрессии; ζ — остаток. Результаты регрессионного анализа по трем экспозиционным площадкам ГТГ приведены в табл. 3.

В большинстве случаев анализ подтвердил существование статистически значимой связи между типом мотивации и интенсивностью потребления искусства⁷. Главный вывод состоит в том, что при прочих равных условиях рекреационная мотивация посетителя (ориентация на проведение в музее свободного времени или отсутствие мотива, случайное посещение) оказывается существенным фактором, отрицательно влияющим на интенсивность потребления искусства. Достаточно высокий модуль коэффициента рекреационных мотиваций, по сути, означает, что посещаемость учреждений искусства в большой

⁶ В регрессионной модели участвуют только те регрессоры, статистическая значимость которых подтверждена на уровне 99 или 95%.

⁷ Достоверность результатов подтверждается статистикой остатков по регрессионным моделям (среднее значение = 0,000; студентизированный остаток = 0,000; расстояние Кука = 0,000).

Таблица 3

Статистические оценки регрессионной зависимости интенсивности культурного потребления посетителей ГТГ от типа их мотивации

ТИПЫ МОТИВАЦИИ		ГТГ В ЦЕЛОМ		ОСНОВНОЕ ЗДАНИЕ		ИНЖЕНЕРНЫЙ КОРПУС		КРЫМСКИЙ ВАЛ	
		Коэффициент <i>b</i>	Значимость <i>p</i>	Коэффициент <i>b</i>	Значимость <i>p</i>	Коэффициент <i>b</i>	Значимость <i>p</i>	Коэффициент <i>b</i>	Значимость <i>p</i>
1		2	3	4	5	6	7	8	9
0	(Константа)	9,348	0,000	6,269	0,000	12,160	0,000	11,253	0,000
1	Содержательная	1,064	0,000	0,675	0,018	1,780	0,039	0,718	0,017
2	Статусная	0,091	0,663	-0,682	0,016	0,232	0,785	0,687	0,022
3	Рекреационная	-2,184	0,000	-0,556	0,049	-1,644	0,054	-1,457	0,000

Таблица 4

Связь типа потребительской мотивации с культурным капиталом

РО СПИРМЕНА		РЕКРЕАЦИОННАЯ МОТИВАЦИЯ	СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ	СТАТУСНАЯ МОТИВАЦИЯ
Культурный капитал	Коэффициент корреляции	-0,120**	0,187**	-0,008
	Значимость (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,751
	N	1472	1472	1472

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

мере определяется теми посетителями, чей интерес к искусству не является постоянной потребностью, а носит лишь разовый, эпизодический или случайный характер, формируя регулярное случайное потребление. Такой тип потребления может исходить и со стороны приезжих — командировочных, отдыхающих и туристов, чей интерес бывает связан с желанием «просто провести время», которого в чужом городе иногда оказывается нежиз-

данно много при отсутствии альтернатив. Мотивация таких посетителей часто формируется агентами туристического бизнеса, путеводителями и списками обязательных достопримечательностей, которые следует посетить. Таким образом, статус ГТГ как выдающейся культурной достопримечательности Москвы и России в целом становится одним из важнейших аргументов культурного выбора для широкого круга редких или случайных посетителей [32].

Влияние статусной мотивации на интенсивность культурного потребления неоднозначно. Так, тенденция положительного влияния статусных мотиваций на потребление искусства была отмечена у посетителей экспозиций ГТГ на Крымском валу (таблица 3, строка 2, столбцы 8–9). Это можно объяснить тем, что именно на Крымском валу проходили наиболее значимые культурные события ГТГ, включая знаменитую выставку Валентина Серова, которые привлекли статусно мотивированный московский бомонд. Статусная мотивация культурного потребления для данных посетителей оказывается столь же сильна, как и содержательная, и она действительно в данном случае способствует более частым контактам этой аудитории с искусством.

А вот для посетителей основного здания ГТГ в Лаврушинском переулке характерен совершенно иной тип отношения к искусству: единственным положительным драйвером их культурного потребления выступает содержательная мотивация. При этом рекреационные и статусные мотивы посещения также присутствуют, но они в данном случае оказывают на интенсивность потребления искусства значимое отрицательное влияние (см. табл. 3: b = соответственно -0,556 и -0,682 при достаточной статистической значимости). Приобщающиеся и развивающиеся посетители, учащаяся молодежь, родители с детьми, любители изобразительного искусства и профессионалы, которые посещают основную экспозицию ГТГ, в своих контактах с искусством руководствуются в основном содержательным интересом.

При таком разнонаправленном действии статусных мотивов на потребительское поведение разных сегментов публики ГТГ и недостаточной статистической значимости коэффициента регрессии b (таблица 3, строка 2, столбец 3) не представляется возможным сделать однозначный вывод о характере влияния статусных мотивов на потребление искусства для аудитории музея в целом.

Содержательная же мотивация, проявляемая при посещении ГТГ (интерес к конкретным экспозициям), в отличие от рекреационной, напротив, имеет выраженную положительную связь не только с посещаемостью ГТГ, но и с интенсивностью культурного потребления

в целом. В попытке понять истоки потребительского поведения мы проверили высказанное ранее предположение о связи типа мотивации с мерой культурного капитала личности [18]. Расчет корреляции по Спирмену⁸ подтвердил наличие положительной статистически значимой связи культурного капитала и содержательных мотиваций. При этом связь культурного капитала с рекреационными мотивами также статистически значима, но отрицательна (табл. 4).

Доказанный факт связи, возможно, и не дает основания утверждать, что тип мотивации определяется культурным капиталом, но позволяет с большой долей вероятности предположить, что мера содержательности мотивов обращения человека к искусству в тенденции связана с мерой его культурного капитала как важнейшим драйвером потребительского поведения. А сам культурный капитал при этом может рассматриваться как один из существенных источников содержательных мотиваций в общении человека с искусством и важнейшая детерминанта его потребительского поведения.

МОТИВАЦИИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Художественные предпочтения посетителей ГТГ, которые мы рассматриваем главным образом как функцию вкуса, фиксировались в ходе опросов при помощи специально разработанного инструментария⁹ как факт знакомства и/или интереса респондентов к тем или иным направлениям изобразительного искусства. Предметом анализа на первом этапе явились диспропорции в распределении ответов респондентов и их причины.

Общей тенденцией для аудитории постоянных экспозиций и посетителей выставок можно считать то, что большая часть респондентов до-

⁸ Для переменных, принадлежащих к порядковой или интервальной шкале, обычно рассчитывается ранговая корреляция по Спирмену или Кендаллу.

⁹ Составленная экспертами ГТГ таблица-опросник, отражающая художественное предложение музея по 12 основным разделам его экспозиций.

статочно высоко оценивает степень своего знакомства с основными разделами изобразительного искусства, представленными в коллекции ГТГ. Опросы зафиксировали и тот факт, что степень знакомства респондентов с разделами коллекции ГТГ в большинстве случаев превышает уровень интереса к ним. Исключение составляет наименее популярное в широкой публике современное искусство: графика XX в. и искусство новейших течений, искусство второй половины XX в. (андеграунд), где интерес превалирует над знанием.

Анализ художественных предпочтений вновь подчеркнул различия между посетителями постоянных экспозиций и публикой выставок, дополняя интеллектуально-культурный портрет этих двух важнейших посетительских сегментов новыми красками. Так, представители выставочной аудитории демонстрируют более высокий уровень знакомства с изобразительным искусством, что неудивительно, учитывая установленный нами факт, что посетители выставок обладают в целом более высокой мерой культурного капитала [18]. Интерес посетителей постоянных экспозиций по всем без исключения разделам коллекции ГТГ превышает интерес более искушенных в искусстве посетителей выставок. Причем можно отметить, что в тенденции интерес стремится компенсировать незнание: в тех разделах экспозиций, где посетители проявили наименьший уровень познаний, интерес оказывается выражен более явно. Тем не менее в чем-то тенденции в распределении ответов посетителей постоянных экспозиций и выставок сходны: наиболее знакомой представителям обоих типов музейной аудитории оказывается русская живопись XIX в. и рубежа XIX–XX вв., несколько меньше — авангард и соцреализм. А наименее известна посетителям графика XVIII–XX вв., искусство второй половины XX в. (андеграунд) и искусство новейших течений.

Формулируя гипотезу о высоком значении культурного капитала в культурном потреблении, мы исходили из того, что его накопление как результат образования и культурной активности увеличивает способность человека воспринимать символическое содержание искусства. Результаты регрессионного анали-

за посещаемости ГТГ подтвердили эту гипотезу, хотя они неочевидны и требуют пояснения. Согласно полученным коэффициентам регрессионной зависимости, знакомство с отечественным искусством второй половины XX в. (андеграунд), равно как с графикой XX в. и со скульптурой XVIII — начала XX в., является статистически значимым фактором, положительно влияющим на частоту посещения галереи. В интерпретации этих фактов мы опираемся на известный тезис П. Бурдьё, что произведение искусства имеет смысл и представляет интерес только для того, кто обладает культурной компетентностью, т. е. знает код, необходимый для дешифровки художественного сообщения [33]. Соответственно, выявленные факты можно трактовать так: знакомство с относительно малоизвестными широкой публике направлениями в изобразительном искусстве требует определенной подготовленности и уже как бы априори предполагает знакомство респондента с большинством других, более популярных разделов, являясь признаком художественной компетентности посетителя и индикатором высокой меры его культурного капитала, развитию которого способствуют в том числе стаж общения с изобразительным искусством и опыт посещения художественных музеев.

В отличие от художественно компетентных носителей вкуса, представители посетительских групп, не обладающих достаточным опытом общения с искусством, склонны к эстетизации объектов, представленных в бытовой эстетике календарей и открыток, дешевых заменителей недоступных для них художественных объектов и практик [33]. Неподготовленные в культурном отношении посетители публично декларируют в основном интерес к популярным образцам, к тому, о чем все мы имеем хотя бы минимальное представление еще со школьной скамьи — например к художникам «Родной речи». «Одна из причин, почему менее образованные читатели или зрители в наших обществах так склонны требовать реалистического изображения, заключается в том, что, будучи лишенными специфических категорий восприятия, они не могут применять к произведениям высокой культуры никакой другой код кроме того, который дает им воз-

можность восприятия объектов повседневного окружения как значимых» [34, с. 432]. Вот почему предпочтение живописи второй половины XIX в. (совокупная аудитория) или рубежа XIX–XX вв. (Инженерный корпус), декларируемое любителями популярной классики, свидетельствует, как правило, о невысоком уровне интереса к изобразительному искусству. Подобные предпочтения являются детерминантой, отрицательно влияющей на посещаемость, и при прочих равных условиях носители интереса к популярной классике посещают залы ГТГ реже [32].

Опираясь, с одной стороны, на идею П. Бурдые о роли художественного вкуса в культурном потреблении, а с другой — на результаты эмпирического исследования, можно сделать вывод, что предпочтение популярных образцов искусства, воспитываемое широким контекстом бытовой культуры, далеко не всегда является свидетельством содержательного интереса и аргументом для приобщения к высокому искусству. Истоком отмеченных культурно-поведенческих различий посетителей музея, как показал анализ, становятся не врожденные способности непосредственного и свободного восприятия искусства, которые являются не более чем иллюзией [33], а развиваемые и накапливаемые интеллектуально-культурные ресурсы личности.

Важным аргументом потребительского выбора становится также мотивирующая роль источников информации о культурных мероприятиях. В ходе ряда социологических исследований, проведенных научным коллективом ГИИ, было установлено, что для аудитории искусства существует два принципиально различных типа источников информации: основные (мотивирующие) и дополнительные (уточняющие и конкретизирующие) [24]. Для широкой культурной публики основным мотивационным каналом распространения информации о культурных событиях обычно является «сарафанное радио»: советы друзей, знакомых, коллег или родственников. Вторичная информация создается стихийно формально независимыми референтными группами и содержит определенный оценочный момент. А вот к первичным источникам информации, предоставля-

емой непосредственно производителем или поставщиком культурных услуг по своим каналам, широкая публика обычно обращается в последнюю очередь, лишь для уточнения и конкретизации ранее полученных сведений, которые по сути дела уже возбудили интерес и сформировали мотивы посещения.

Данная ситуация — общая для аудитории искусства. В целом эти наблюдения справедливы и по отношению к публике художественных выставок. Структура их информационного поля оказывается сходной с присущей широкой культурной публике с той лишь разницей, что одним из главных источников информации, наряду с советами друзей и знакомых, для них является пресса, ТВ и радио. Существенное же своеобразие аудитории посетителей постоянных экспозиций (особенно основного здания ГТГ) состоит в ином соотношении значимости информационных каналов: пресса, ТВ, радио и — что самое главное — сайт ГТГ (т. е. каналы первичной информации) для посетителей постоянных экспозиций являются столь же значимыми, как и мнения референтных групп. Это подтверждает ранее высказанную мысль о большей «специальности» публики постоянных экспозиций и ее сфокусированности на изобразительном искусстве.

Еще один вывод, непосредственно связанный с предыдущим и также имеющий практическое значение, состоит в том, что предпочтение посетителями музея тех или иных источников информации о выставках и мероприятиях ГТГ имеет хотя и слабую, но статистически значимую связь с мерой их культурного капитала: чем она выше, тем меньше в своем культурном выборе респондент ориентируется на референтные группы и их мнения, т. е. на источники вторичной информации, а предпочитает находить информацию из первых рук. Теоретически это подтверждает мнение, что именно культурный капитал часто является источником потребительской мотивации. С практической точки зрения эти особенности информационных предпочтений музейной аудитории дают шанс музею с большей эффективностью использовать информационные технологии в маркетинге с опорой на избирательный коммуникативный потенциал тех или иных информационных каналов.

Список источников

1. Ушкарев А.А. Аудитория художественных музеев: история и методология изучения за рубежом // Культура и искусство. 2017. № 6. С. 63–77.
2. Ушкарев А.А. Аудитория художественных музеев: история и методология изучения в России // Культура и искусство. 2017. № 7. С. 36–49.
3. Falk J.H. Understanding Museum Visitors' Motivations and Learning [Электронный ресурс]. URL: https://slks.dk/fileadmin/user_upload/dokumenter/KS/institutioner/museer/Indsatsomraader/Brugerundersogelse/Artikler/John_Falk_Understanding_museum_visitors_motivations_and_learning.pdf (дата обращения: 26.06.2018).
4. Scott C., Dodd J., Sandell R. Cultural Value. User Value of Museums and Galleries: A Critical View of the Literature [Электронный ресурс] // University of Leicester, Research Center for Museums and Galleries, 2014. URL: <http://www2.le.ac.uk/departments/museumstudies/rcmg/publications/cultural-value-of-museums> (дата обращения: 26.06.2018).
5. Gallup Kompas [Электронный ресурс] // Kantar Gallup. URL: <http://www.gallup.dk/services/gallup-kompas> (дата обращения: 02.02.2018).
6. Motivaction. Research and Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.motivaction.nl/> (дата обращения: 26.06.2018).
7. Museums: Knowledge, Democracy and Transformation. Copenhagen : Danish Agency for Culture, 2014, 260 p.
8. Jensen J.T., Lundgaard I.B. Knowledge, Democracy and Transformation // Museums: Knowledge, Democracy, Transformation. Copenhagen : Danish Agency for Culture, 2013. P. 8–67.
9. Falk J.H., Dierking L.D. The Museum Experience Revisited. Walnut Creek, CA : Left Coast Press, 2013, 416 p.
10. Jones C. Enhancing Our Understanding of Museum Audiences: Visitor Studies in the Twenty-first Century // Museum & Society. 2015. Vol. 13, № 4. P. 539–544.
11. Solomon M.R., Bamossy G., Askegaard S., Hogg M.K. Mentality-model van Motivaction // Consumentengedrag. Deel 5 : Cultuur en Europese levensstijlen,. Amsterdam : Pearson Benelux, 2013. P. 317–319.
12. Brida J.G., Dalle-Nogare C., Scuderi R. How Often to a Museum? Motivations matter [Электронный ресурс] // Bozen Economics & Management Paper Series. 2014. № 16. URL: <http://pro1.unibz.it/projects/economics/repec/bemps16.pdf> (дата обращения: 28.06.2018).
13. Brida J.G., Meleddu M., Pulina M. Factors Influencing the Intention to Revisit a Cultural Attraction: The Case Study of the Museum of Modern and Contemporary Art in Rovereto // Journal of Cultural Heritage. 2012. Vol. 13, № 2. P. 167–174.
14. Brida J.G., Disegna M., Scuderi R. The Behaviour of Repeat Visitors to Museums : Review and Empirical Findings // Quality and Quantity : International Journal of Methodology. 2014. Vol. 48, № 5. P. 2817–2840.
15. Frateschi C., Lazzaro E., Palma Martos L. A comparative Econometric Analysis of Museum Attendance by Locals and Foreigners: the Case of Padua and Seville // Estudios de Economia Aplicada, 2009. Vol. 27, № 1. P. 175–196.
16. Gil S.M., Ritchie J.R.B. Understanding the Museum Image Formation Process — a Comparison between Residents and Tourists // Journal of Travel Research. 2009. № 4. P. 480–493.
17. Jeong J.-H., Lee K.-H. The Physical Environment in Museums and its Effects on Visitors' Satisfaction // Building and Environment. 2006. Vol. 41, № 7. P. 963–969.
18. Ушкарев А.А. Культурный капитал как драйвер потребления искусства // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 2. С. 178–187. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-178-187.
19. Ушкарев А.А. Аудитория посетителей Государственной Третьяковской галереи : Программа социологического исследования. Москва : Гос. ин-т искусствознания, 2015. 48 с.
20. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования : пер. с англ. / [вступ. ст. А.К. Соколова]. Москва : Весь мир, 1997. 542 с.
21. Художественная жизнь современного общества : в 4 т. Т. 3. Искусство в контексте социальной экономики / отв. ред. А.Я. Рубинштейн. Санкт-Петербург : Дмитрий Булаин, 1998. 351 с.
22. Экономические основы культурной деятельности. Индивидуальные предпочтения и общественный интерес : в 3 т. Т. 1. Рынок культурных услуг. Публика театра 90-х годов / отв. ред. А.Я. Рубинштейн, Ю.У. Фохт-Бабушкин. Санкт-Петербург, 2002. 634 с.
23. Культура России, 2000-е годы. Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. 863 с.

24. Рубинштейн А.Я. Публика концертов «Март-марафона»: опыт социологического исследования. Москва : Ин-т экономики РАН. 2014. 79 с.
25. Ушкарев А.А. Современный опыт социологических исследований театральной публики // Культура в фокусе научных исследований. По материалам конференции памяти Б.Ю. Сорокина : сборник научных статей. Москва : Гос. ин-т искусствознания, 2017. С. 63–88.
26. Художественные выставки [Электронный ресурс]. URL: https://yunc.org/Художественные_выставки (дата обращения 26.06. 2018).
27. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge : Cambridge University Press, 1977. P. 171–183.
28. Наследов А. SPSS 19: Профессиональный статистический анализ данных. Москва [и др.] : Питер. 2011. 399 с.
29. Пацюрковский В.В., Пацюрковская В.В. SPSS для социологов : учеб. пособие. Москва : Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения РАН, 2005. 432 с.
30. Социологические методы в современной исследовательской практике : сб. статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского / отв. ред. и вступ. ст. О.А. Оберемко. Москва : НИУ ВШЭ. 2011. 558 с.
31. Зангиева И.К., Ротмистров А.Н. Сравнительный анализ способов проведения факторного анализа на порядковых переменных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 29–46.
32. Ушкарев А.А. Третьяковская галерея: детерминанты посещаемости // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 5. С. 558–568. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-5-558-568.
33. Bourdieu P. Distinction: A social critique of the judgement of taste / transl. by R. Nice. Cambridge : Harvard University Press, 1984. P. 404–429.
34. Шапинская Е.Н., Кагарлицкая С.Я. Пьер Бурдьё: художественный вкус и культурный капитал // Массовая культура и массовое искусство : «За» и «против». Москва : Гуманитарий, 2003. С. 431–453.

Art Museum Audience: The Arguments of Consumer Choice

Aleksandr A. Ushkarev

State Institute for Art Studies, 5, Kozitsky Lane,
Moscow, 125009, Russia
E-mail: al_ush@mail.ru

Abstract. *Diversification of artistic supply and growing competition in the market of cultural services lead to the fact that the quality of artistic product (performance, concert, exhibition) is perceived as increasingly relative and loses its former importance as a decisive argument of consumer choice. What guides people in their communication with art? What are the determinants of their consumer behavior and are there any patterns in it? The chance of overcoming communication barriers and establishing a constructive dialogue between cultural institutions and their potential audience depends on whether the answers to these and other ques-*

tions will be found. The article deals with the cultural aspect of this interaction — the role of motivation and individual preferences in art consumption, their influence on people's cultural activity. The article is based on the results of a large-scale sociological study of visitors to the State Tretyakov Gallery, conducted by a research group from the State Institute of Art Studies. The museum's audience was studied not only by the objective parameters traditionally described by art sociologists, but also by a number of difficult-to-measure content features that go far beyond socio-demographic descriptions. The study allows us to get closer to understanding some general patterns of consumer behavior in art, to determine the nature of consumer motivations and individual preferences' influence on cultural choice. The article proves the existence of a statistically significant connection between these subjective behavioral determinants and the measure of personal cultural capital. The use of methods of mathematical statistics and econometrics expands the traditional potential of sociology of art and provides a qualitatively new level of reliability of results.

Key words: art audience, art museum visitors, cultural consumption, consumer behavior, motives, preferences, cultural capital, sociology of art, econometric analysis.

Citation: Ushkarev A.A. Art Museum Audience: The Arguments of Consumer Choice, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 444–459. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-444-459.

References

1. Ushkarev A.A. Art Museums Audience: The History and Methodology of Study Abroad, *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art], 2017, no. 6, pp. 63–77 (in Russ.).
2. Ushkarev A.A. Art Museums Audience: The History and Methodology of Study in Russia, *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art], 2017, no. 7, pp. 36–49 (in Russ.).
3. Falk J.H. *Understanding Museum Visitors' Motivations and Learning*. Available at: https://slks.dk/fileadmin/user_upload/dokumenter/KS/institutioner/museer/Indsatsomraader/Brugerundersogelse/Artikler/John_Falk_Understanding_museum_visitors__motivations_and_learning.pdf (accessed 26.06.2018).
4. Scott C., Dodd J., Sandell R. Cultural Value. User Value of Museums and Galleries: A Critical View of the Literature, *University of Leicester, Research Center for Museums and Galleries*, 2014. Available at: <http://www2.le.ac.uk/departments/museum-studies/rcmg/publications/cultural-value-of-museums> (accessed 26.06.2018).
5. Gallup Kompas, *Kantar Gallup*. Available at: <http://www.gallup.dk/services/gallup-kompas> (accessed 02.02.2018).
6. *Motivaction. Research and Strategy*. Available at: <https://www.motivaction.nl/> (accessed 26.06.2018).
7. *Museums: Knowledge, Democracy and Transformation*. Copenhagen, Danish Agency for Culture Publ., 2014, 260 p.
8. Jensen J.T., Lundgaard I.B. Knowledge, Democracy and Transformation, *Museums: Knowledge, Democracy, Transformation*. Copenhagen, Danish Agency for Culture Publ., 2013, pp. 8–67.
9. Falk J.H., Dierking L.D. *The Museum Experience Revisited*. Walnut Creek, CA, Left Coast Press Publ., 2013, 416 p.
10. Jones C. Enhancing Our Understanding of Museum Audiences: Visitor Studies in the Twenty-first Century, *Museum & Society*, 2015, vol. 13, no. 4, pp. 539–544.
11. Solomon M.R., Bamossy G., Askegaard S., Hogg M.K. Mentality-model van Motivaction, *Consumentengedrag. Deel 5: Cultuur en Europese levensstijlen*. Amsterdam, Pearson Benelux Publ., 2013, pp. 317–319.
12. Brida J.G., Dalle-Nogare C., Scuderi R. How Often to a Museum? Motivations Matter, *Bozen Economics & Management Paper Series*, 2014, no. 16. Available at: <http://pro1.unibz.it/projects/economics/repec/bemps16.pdf> (accessed 28.06.2018).
13. Brida J.G., Meleddu M., Pulina M. Factors Influencing the Intention to Revisit a Cultural Attraction: The Case Study of the Museum of Modern and Contemporary Art in Rovereto, *Journal of Cultural Heritage*, 2012, vol. 13, no. 2, pp. 167–174.
14. Brida J.G., Disegna M., Scuderi R. The Behaviour of Repeat Visitors to Museums: Review and Empirical Findings, *Quality and Quantity: International Journal of Methodology*, 2014, vol. 48, no. 5, pp. 2817–2840.
15. Frateschi C., Lazzaro E., Palma Martos L. A Comparative Econometric Analysis of Museum Attendance by Locals and Foreigners: the Case of Padua and Seville, *Estudios de Economia Aplicada*, 2009, vol. 27, no. 1, pp. 175–196.
16. Gil S.M., Ritchie J.R.B. Understanding the Museum Image Formation Process – a Comparison between Residents and Tourists, *Journal of Travel Research*, 2009, no. 4, pp. 480–493.
17. Jeong J.-H., Lee K.-H. The Physical Environment in Museums and its Effects on Visitors' Satisfaction, *Building and Environment*, 2006, vol. 41, no. 7, pp. 963–969.
18. Ushkarev A.A. Cultural Capital as a Driver of Art Consumption, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2018, vol. 15, no. 2, pp. 178–187 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-178-187.
19. Ushkarev A.A. *Auditoriya posetitelei Gosudarstvennoi Tret'yakovskoi galerei: Programma sotsiologicheskogo issledovaniya* [The Audience of Visitors to the State Tretyakov Gallery: Sociological Study Program]. Moscow, Gosudarstvennyi Institut Iskusstvoznaniya Publ., 2015, 48 p.
20. Manheim J.B., Rich R.C. *Research Methods in Political Science*. Moscow, Ves' Mir Publ., 1997, 542 p. (in Russ.).

21. Rubinshtein A.Ya. (ed.) *Khudozhestvennaya zhizn' sovremennogo obshchestva: v 4 t. T. 3. Iskustvo v kontekste sotsial'noi ekonomii* [The Artistic Life of Modern Society: in 4 volumes. Volume 3. Art in the Context of Social Economy]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998, 351 p.
22. Rubinshtein A.Ya., Fokht-Babushkin Yu.U. (eds). *Ekonomicheskie osnovy kul'turnoi deyatel'nosti. Individual'nye predpochteniya i obshchestvennyi interes: v 3 t. T. 1. Rynok kul'turnykh uslug. Publika teatra 90-kh godov* [Economic Foundations of Cultural Activity. Individual Preferences and Public Interest: in 3 volumes. Volume 1. Cultural Services Market: The Audience of the Theater of the 90s]. St. Petersburg, 2002, 634 p.
23. *Kul'tura Rossii, 2000-e gody* [Russian Culture, the 2000s]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2012, 863 p.
24. Rubinshtein A.Ya. *Publika kontsertov "Motsart-marafona": opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [The Audience of "Mozart Marathon" Concerts: A Sociological Study Experience]. Moscow, Institut Ekonomiki RAN Publ., 2014, 79 p.
25. Ushkarev A.A. Modern Experience of Theatre Audience Sociological Study, *Kul'tura v fokuse nauchnykh issledovaniy. Po materialam konferentsii pamyati B.Yu. Sorochkina: sbornik nauchnykh statei* [Culture in the Focus of Scientific Research. On the Materials of the Conference in Memory of B.Yu. Sorochkin: collected articles]. Moscow, Gosudarstvennyi Institut Iskustvoznaniya Publ., 2017, pp. 63–88 (in Russ.).
26. *Khudozhestvennye vystavki* [Art Exhibitions]. Available at: https://yunc.org/%D0%A5%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B8 (accessed 26.06. 2018).
27. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1977, pp. 171–183.
28. Nasledov A. *SPSS 19: Professional'nyi statisticheskii analiz dannykh* [SPSS 19: Professional Statistical Analysis of Data]. Moscow, Piter Publ., 2011, 399 p.
29. Patsiorkovsky V.V., Patsiorkovskaya V.V. *SPSS dlya sotsiologov: ucheb. posobie* [SPSS for Sociologists: tutorial]. Moscow, Institut Sotsial'no-Ekonomicheskikh Problem Narodonaseleniya RAN Publ., 2005, 432 p.
30. Oberemko O.A. (ed.) *Sotsiologicheskie metody v sovremennoi issledovatel'skoi praktike: sb. statei, posvyashchenniy pamyati pervogo dekana fakul'teta sotsiologii NIU VSHe A.O. Kryshchanovskogo* [Sociological Methods in the Modern Research Practice: Collected Articles Dedicated to the Memory of the First Dean of the Faculty of Sociology of the A.O. Kryshchanovsky National Research University Higher School of Economics]. Moscow, NIU VSHe Publ., 2011, 558 p.
31. Zangieva I.K., Rotmistrov A.N. Factor Analysis of Ordinal Variables: A Comparative Study, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2018, no. 3, pp. 29–46 (in Russ.).
32. Ushkarev A.A. Tretyakov Gallery: Determinants of Attendance, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2017, vol. 14, no. 5, pp. 558–568 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-5-558-568.
33. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1984, pp. 404–429.
34. Shapinskaya E.N., Kagarlitskaya S.Ya. Pierre Bourdieu: Artistic Taste and Cultural Capital, *Massovaya kul'tura i massovoe iskustvo: "Za" i "protiv"* [Mass Culture and Mass Art: "Pros" and "Cons"]. Moscow, Gumanitarii Publ., 2003, pp. 431–453 (in Russ.).

Л.А. ШОГЕНОВА

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЭТИКЕТА В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ТРАДИЦИОННЫЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ляна Ахмедовна Шогенова,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кафедра ЮНЕСКО,
аспирант
Вернадского просп., д. 84, Москва, 119571, Россия
E-mail: shogenova.igsu@yandex.ru

Реферат. В статье рассматриваются основы китайского этикета, которые включены в ядро традиционной культуры и составляют неотъемлемую часть системы бизнес-коммуникаций — гуаньси (система межличностных отношений) и мяньцзы (концепция «лица»). Оба концепта являются базисными для понимания особенностей культуры социальной коммуникации китайцев, куда входят как современные формальные официальные компоненты, так и традиционные неформальные. По нашему мнению, китайской деловой культуре удастся сохранить все те ценности, которые были присущи китайскому обществу в течение тысячелетий, несмотря на системное, усиливающееся давление глобализации.

В то время когда Китайская Народная Республика находится на пути открытости для внешнего мира, деловой этикет приобретает все большее значение, главным образом это

касается международных отношений. Модель «учитель — ученик» становится актуальной не только с точки зрения воспроизводства традиций, но и для поиска путей гармонизации с новыми моделями обучения, идущими от европейских и азиатских государств. Автор исходит из положения о том, что западные и восточные культуры противоположны, и то, что для жителя Китая является нормой, для европейца может быть серьезным нарушением правил приличия. При контролируемом сохранении традиций в Китае распространяются образовательные технологии обучения нормам европейского делового этикета, что рассматривается как путь интеграции в мировое общество.

Учитывая усиливающееся влияние процессов глобализации и широкое распространение западных тенденций, китайская деловая культура продолжает сохранять все те ценности и традиции, которыми она обладает на протяжении многих лет, гармонизируя их с современными бизнес-технологиями.

Ключевые слова: Китай, китайская культура, корпоративная культура, стили управления, деловой этикет, социальные коммуникации, азиатская модель управления.

Для цитирования: Шогенова Л.А. Особенности социальной коммуникации и этикета в китайской культуре: традиционные основы и современ-

ность // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 460–467. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-460-467.

Китайская Народная Республика (КНР, Китай) — современная и динамично развивающаяся мировая держава. Довольно часто человеку, который не имеет представления о восточной культуре, трудно определить систему ключевых ориентиров для понимания этой страны и ее деловой культуры, бизнес-этики и манер делового общения. Определение деловой культуры включает нормы и ценности взаимной выгоды и доверия, уверенность в партнерах при выполнении тех или иных договоренностей, культуру ведения переговоров, а также отношение работников к труду и их взаимоотношения [1]. С деловой культурой связано такое понятие, как «деловой этикет», который подразумевает манеры поведения и правила общения и взаимодействия с деловыми партнерами.

Китай можно отнести к реактивному типу деловых культур по классификации английского социолога и полиглота Дональда Льюиса, который замечает, что китайцы интровертны и предпочитают слушать, а только потом делать [2, р. 791]. Опираясь на классификации нидерландского социолога Гирта Хофстеде, очевидно, что Китай, как и другие восточные страны, относится к коллективной культуре с большой дистанцией власти, а также с признаками мужественности культуры [3, р. 218]. Эдвард Холл, американский антрополог и кросс-культурный исследователь, относит Китай к разряду высококонтекстных культур, которые в силу традиции и исторического развития мало меняются со временем, поэтому при взаимодействии с окружающим миром один и тот же стимул всегда вызывает одинаковую реакцию [4, с. 70].

Корпоративная культура Китая базируется прежде всего на этике. Люди в Поднебесной склонны верить, что моральные поступки индивида способны определить его судьбу. Труды Конфуция были основой китайского образования на протяжении примерно двух тысяч лет, а

их глубокое познание считалось необходимым условием для работы в сфере государственной службы. Конфуций, который жил в эпоху гражданских войн, считал одними из главных задач общества воспитание человека, совершенствование нравственности и освоение сложного ритуала человеческих отношений [5]. Философ выделял пять главных типов человеческих отношений:

- ◆ между управляющим и управляемым;
- ◆ мужем и женой;
- ◆ родителями и детьми;
- ◆ старшими и младшими братьями;
- ◆ между друзьями [6, с. 220].

За исключением последнего, все указанные типы отношений, по сути, строго иерархичны. Управляемым — женам, детям, младшим братьям — рекомендовалось повиноваться и проявлять лояльность, получая взамен благожелательность и щедрость своих управляющих — мужей, родителей, старших братьев. Строгое соблюдение данной иерархии приводит к социальной гармонии, является противоядием от насилия и гражданской войны. Государство, по мысли философа, — это большая семья, где каждый занимает положенное ему место.

КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Психологи определяют стереотип как предвзятое или упрощенное обобщение всей цепочки объектов или людей (т. е. предрассудок) без учета различия. Стереотипы основаны на идее идеального типа или абстрактного знания и могут даже служить в качестве рамок научных теорий, где они используются как эвристика, для того чтобы приблизиться к научным выводам.

С целью разговора или написания статей о культуре нужно обобщить некоторые культурные характеристики рассматриваемых нами народов, поскольку мы обсуждаем поведение и ценности групп людей, а не отдельных лиц, которые передаются на коллективном уровне из поколения в поколение. Изучение культур — это социальная наука. Обобщения или стереотипы — исходят из совокупности фак-

тов, опыта и истории. Сначала они могут казаться слишком очевидными. Цель — проникнуть глубже и проанализировать их в полной мере [7, р. 168].

Во-первых, в Китае социальная структура является формальной и иерархической. Вам известно, где вы вписываетесь в структуру, соблюдаете определенные правила, а в США, например, социальная структура намного свободнее.

Во-вторых, китайцы больше привержены коллективизму, чем индивидуализму. США стали известны своим толчком к индивидуализму, который послужил источником конфликтов с другими культурами. Человек из Китая склонен смотреть, как его действия влияют на целое, а не на то, как они влияют на него лично. Люди более охотно отказываются от собственного и жертвуют ради большего блага.

В-третьих, брак до 28–29 лет в Китае считается ранним. Американская культура гораздо лояльнее в этом отношении [8, с. 4].

В-четвертых, на Западе дети учатся читать в основном с помощью латинских букв, слова являются определенной их последовательностью. Китайские дети учатся запоминать тысячи живописных иероглифов, которые являются картинками. В итоге китайцы лучше видят ситуацию (картину мира) в целом, тогда как представители западной культуры легче фокусируются на деталях. Китайское мышление характеризуется более глобальным подходом в восприятии и оценке информации.

К тому же столкновение культур может негативно влиять на работу, когда оно мешает ее выполнению. Большинство американцев очень ответственно относятся ко времени, когда речь заходит о встречах и сроках. Если собрание должно было начаться в 2:00, тогда все стороны должны присутствовать в установленное время.

В-пятых, китайцы не рассматривают время как абсолютное, а скорее как предложенное. То же самое можно применить и к крайним срокам. Если в пятницу ожидается отчет, американец понимает, что отчет будет получен до конца рабочего дня. Китаец же, в свою очередь, не переживает, если отчет появится несколько дней спустя [9, с. 155].

Следует особо отметить осторожность китайцев по отношению к иностранцам.

Она сформировалась в результате длительной истории страны, изобилующей войнами. Можно сказать, что китайцы имеют чистосердечные обязательства по отношению только к двум вещам: своей семье и банковскому счету. Указанные особенности в совокупности составляют основу основ китайского менталитета. Китайская культура ведения бизнеса и, в частности, специфика ведения переговорного процесса — это уже производные. Большинство западных бизнесменов находят эти особенности таинственными, непостижимыми, приводящими в замешательство. Довольно часто они оценивают китайских предпринимателей как неэффективных, уклончивых и нечестных, тогда как китайцы считают западных коллег, и в частности американцев, агрессивными, обезличенными и легко возбудимыми. Такие отличия имеют глубокие культурные корни. Если же американцы игнорируют их на любом этапе переговорного процесса, то сделка легко может сорваться [10, р. 280].

«Общение» для китайцев определяется как западное понятие. Каждый китаец с детства приучен держать свое мнение при себе и сдерживать недовольство ради согласия в коллективе — никаких обсуждений и споров, а простое «безмолвное постижение» смысла происходящего. Открытый обмен мнениями и тем более противодействие начальнику — вещи совершенно немыслимые в китайской среде [11, с. 201].

Приведем несколько типичных принципов корпоративного общения в Китае:

1. Действие намного важнее истины.
2. Речи должны быть расплывчатыми и неопределенными, поскольку это дает некоторое преимущество в будущем.
3. Необходимо прежде всего заставить партнера раскрыть свои намерения, а самому не раскрываться.
4. Во время переговоров оставлять за собой поле для самостоятельного маневра.
5. Заключив сделку, не торопиться исполнять прописанное, а «действовать по обстоятельствам» [11, с. 154].

Как видно из этих принципов, западные традиции делового взаимодействия предполагают, напротив, нацеленность на диалог,

определенность, открытость позиции, взаимный обмен мнениями, ожидание понимания, даже — эмпатии и др.

ОТНОШЕНИЯ ГУАНЬСИ (GUANXI)

Китайцы придают особое значение системе личных социальных связей, в которую входят друзья, родственники и близкие знакомых. Хотя роль этих связей в стране немного поблекла в условиях большой мобильности населения и вестернизации некоторых бизнес-практик, тем не менее они продолжают оставаться важной социальной силой.

Гуаньси (кит. 关系 — *guanxi*) переводится как социальные отношения/социальные связи [5]. Китайский термин «гуаньси» иногда может быть равнозначен терминам «сеть», «связь». Элементы обменов, основанные на гуаньси, имеют давнюю традицию в бизнесе Китая и в китайских сообществах. Хорошие гуаньси могут быть ключом, необходимым для открытия дверей, в противном случае — их закрытия.

Гуаньси могут быть созданы и установлены разными способами и должны предлагаться добровольно. Позитивные гуаньси способны свести к минимуму естественные или искусственные препятствия при ведении бизнеса в Китае. Со временем это может помочь в поддержании и развитии необходимого количества гуаньси для ведения бизнеса на разных уровнях. Помните, что хорошие гуаньси могут значить гораздо больше, нежели просто переход от заднего ряда к фронтовому. Те, кто участвует в гуаньси, обязаны возвращать гуаньси, если они измеряются по количеству предыдущих связей (т. е. гуаньси) [12, с. 328].

В Китае принято делить людей на две подгруппы: тех, кому доверяешь и можешь положиться, и на чужаков, которых стоит избегать. Тесные гуаньси являются характерной чертой для большинства азиатских обществ, которые, в отличие от европейских, являются группо-ориентированными. Большинство авторов связывают это с конфуцианством, имеющим широкое распространение в стране. «Данная система ценностей определила значение семьи за рамки ее функциональной роли

как естественной единицы. «В отличие от западных культур конфуцианское государство составляют не индивидуумы сами по себе, а именно их взаимосвязи и взаимозависимости. Конфуцианская философия предписывает морально-социальные роли каждому индивиду как звену социальной сети, скрепленной принципом сыновней почтительности» [13]. Термин «страна» (гоцзя) в Китае переводится как «национальная семья», в то время как «группа» (дацзя) — «большая семья». Таким образом, даже рабочий коллектив рассматривается в Китае в качестве символической семьи [14, с. 322].

Для большинства китайцев, воспитывающихся в социалистической стране, гуаньси считаются само собой разумеющейся частью повседневной жизни. «Гуаньси суюе» (кит. 关系学 — *guanxixue*, «искусство гуаньси», «гуансиология») являются тем необходимым, что должен освоить каждый, для того чтобы поддерживать свои связи в обществе, выполнять обязательства перед родственниками, друзьями, начальниками и знакомыми, а также для повышения своих шансов в жизни, приобретения труднодоступного товара и решения проблем с бюрократией [15, с. 300].

Гуаньси связаны с построением своей сети тесных социальных связей, основанных на обязательствах и взаимопомощи. Связи используют для получения доступа ко всему: цветные телевизоры, редкие лекарства, билеты на поезд, прием у хорошего врача, устройство ребенка в престижную школу, получение сырья для завода. Считается, что этот феномен получил широкое развитие после первоначального энтузиазма революционеров 1950-х гг., когда универсальные социалистические ценности начали угасать, и особенно в период хаоса и дефицита Культурной революции в 1960–1970-х годах. Исследования показывают, что во многих деревнях феномен гуаньси принимает другую форму [16, с. 152]. Здесь меньше случаев явного прагматичного использования гуаньси, вместо этого доминирует тотальность обмена и круговорота подарков и взаимопомощи в рамках повседневных жизненных ритуалов (называемых жэньцин — 人情, *renqing*, «человеческие чувства») между семьями, с упором на правильное общественное поведение и базовые социальные обязательства [17, р. 219].

«ЛИЦО» КАК БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ

Рассмотрим концепцию «лица». Лицо играет важную роль в меж- и внутрикорпоративной коммуникации, деловых переговорах, развитии и поддержании отношений. В Китае иерархия компаний гораздо важнее, чем во многих западных странах. Лидеры и менеджеры не только размещаются на более высоком пьедестале, но отличие между разными уровнями управления намного четче и яснее. Большинство китайских руководителей и менеджеров ожидают уважения со стороны своих подчиненных и во многих случаях соответственно полагают, что им будут подчиняться без каких-либо вопросов независимо от рациональности или справедливости поручения. Неповиновение воле китайского лидера или менеджера не дает им ощутимого необходимого престижа, которого они (и другие) считают заслуженным. Действительно, выживание в китайской компании зависит от знания своего места, и лицо играет очень важную роль в облегчении этой функции. Понятие «лицо» (мяньцзы, кит. — 面子), а также «потерять лицо» — это то, с чем в России и на Западе мало знакомы. «Сохранить лицо» является невероятно важным, так как честь, репутация и уважение настолько важны в китайских социальных/политических/деловых кругах, что они могут буквально помочь совершить или разорвать сделку. Если вы приезжаете в Китай для бизнеса или какой-либо подобной деятельности, важно уметь «сохранить лицо» и знать, что вы можете столкнуться с этим в своей повседневной жизни [18, с. 52].

Таким образом, концепцию «лица» можно разделить на две части: «потерять лицо» и «предоставить лицо». «Потеря лица» — проявление слабости или критика кого-либо на публике может нанести ущерб репутации, и критикующие сами могут «потерять лицо». Если вам удалось получить всеобщее одобрение, значит вы «добавили лицо» (буквально «вырастили еще одно лицо» — 长脸) и себе, и вашему патрону, и всей организации. Если же вы публично опозоритесь, то не только вы лично, но

и все ваши коллеги не будут знать, куда «положить свое лицо», т. е. сгорят от стыда.

У китайцев считается нормой с уважением относиться к чувствам друзей и их репутации, т. е. «давать друг другу лицо» (给面子, 给脸). Если же друг почему-то «отвернул лицо и не узнал вас» (翻脸不认人), то это означает конец дружеских отношений. Провинившемуся вы можете на первый раз «оставить лицо» (留面子), пообещав в следующий раз не церемониться. Если же вы снова проявите излишнюю мягкость, то опасность «потерять лицо» нависнет уже над вами [18, с. 61].

«Лицо» является базовым архетипом поведения китайцев. Это отмечали и отмечают все: иностранцы, подолгу жившие в Китае, сами китайцы, культурологи, политологи, историки и востоковеды. «Лицо» — это понятие столь же очевидно осязаемое, сколь и неуловимое именно в силу своей вездесущности и своего «всеприсутствия».

Действительно, концепцию «лица» сложно принять иностранцам, но нет необходимости отчаиваться. Прежде всего, иностранцы не всегда должны придерживаться тех же самых требовательных стандартов уважения и престижа, что и местные жители. Приток западной культуры во многие крупные китайские прибрежные города (и другие более развитые районы) наряду с большим количеством местных китайцев, имеющих опыт работы с западными людьми, привел к более гибким интерпретациям деловой и социальной этики. Кроме того, китайская культура сама по себе имеет как либеральные, так и консервативные интерпретации даже до модернизации Китая. Очень консервативные китайские менеджеры и руководители требуют уважения к ним всегда, но есть и жители, у которых менее формальное отношение и они сосредоточены на получении результатов больше, чем на уважении [19].

Некоторые жители Запада протестуют против того, чтобы «играть в игру», в то время как пребывая в Китае или будучи гостем любой другой страны, важно помнить, что когда вы находитесь в чьем-то доме, следует вежливо соблюдать правила хозяев или вас могут попросить уйти. По крайней мере, являются ценными даже небольшие жесты почтения, демонстрирующие что вы понимаете важность «лица» (готовы

приложить усилия для постижения китайской культуры) и настроены на долгосрочную перспективу в отношениях с китайцами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство стран всегда относились к азиатской культуре как к уникальной, но немногие знают о том, какую эту исключительная культура играет важную роль и в деловых отношениях. Когда дело касается Азии, особенно Китая, существуют два культурных и социологических фактора, которые имеют решающее значение для обеспечения успеха переговоров, а именно: *мяньцзы* — *mianzi* 面子 (слава и лицо) и *гуаньси* — *guanxi* 关系 (отношения и связь).

Обе эти концепции глубоко укоренены в китайской культуре и несут потенциальные последствия для инвесторов, поэтому важно понять, как эти два элемента вступают в игру при рассмотрении деловых операций [19].

В современном мире традиционные китайские ценности проявляются во всех сферах жизни. Основные ценности китайцев в обществе и в отношениях с деловыми партнерами — это наличие связей и хороших отношений с людьми, желательно имеющими высокое положение в обществе, *гуаньси*, т. е. хорошие отношения и связи. Также является очень важным сохранение своего «лица» — поддержание социального статуса среди окружающих, которое позволяет добиваться успехов в жизни и карьере и уважения к себе.

В настоящий момент, когда Китай в полной мере становится открытым для внешнего мира, деловой этикет приобрел большое значение, особенно в контексте международных отношений [20, р. 139]. В данном случае модель «учитель — ученик» становится актуальной не только для сохранения традиций древности, но и для постижения нового, соответственно обучения у западных стран. Наши культуры абсолютно противоположны, то, что для китайца является нормой, для европейца может быть строгим нарушением приличия. В Китае проводятся попытки своеобразного обучения европейским нормам, это необходимо для лучшей интеграции в мировое сообщество [21, р. 30].

Однако, несмотря на влияние западных тенденций и процессов глобализации, китайская деловая культура сохраняет все те ценности, которые были присущи китайскому обществу в течение многих лет. Игнорирование особенностей традиционной культуры при ведении бизнеса с китайцами и выстраивание коммуникаций без учета особенностей делового этикета затрудняет развитие успешного сотрудничества.

В конце статьи хочется привести строки из книги знаменитого филолога-китаиста В.М. Алексеева «В старом Китае»: «Изучая Восток, европеец делает это, не учась у него. И в этом, по-моему, и лежит основа нашего многовекового непонимания и незнания Китая: мы от него ничему не хотим учиться, относимся к нему, как к недоразвитому ребенку. Мы думаем, что нам нечему учиться, а на самом деле — не умеем. Мы явно недооцениваем китайскую культуру, относясь к ней только как к объекту исследования. Китай не только объект, Китай еще и учитель» [22, с. 500].

Список источников

1. 全球化视野下的中俄文化. 中国文化发展 = [Развитие российской культуры в Китае]. Beijing : Economic Management Press, 2018. С. 159—160.
2. Shoji N., Anne N., Seppo T. Communication Style and Cultural Features in High // Low Context Communication Cultures: A Case Study of Finland, Japan and India. 2008. № 3. P. 783—796.
3. Hofstede G.H. Cultures and organizations: software of the mind. Mc Graw Hill, 2015. 279 p.
4. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учебное пособие. Москва : КноРус, 2015. 254 с.
5. Сергеев Д. «По ту сторону баррикад» в переговорах с китайцами. 08.07.2011 [Электронный ресурс] // Магазета : издание о Китае и китайском языке. URL: <https://magazeta.com/2011/07/ro-tu-storonu-barrikad/> (дата обращения: 03.03.2018).
6. Маслов А.А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. Москва : Алетей, 2005. 376 с.
7. Xun W.Ch. The problem of mind in Confucianism // Asian Philosophy. 2016. № 26. P. 166—181.
8. Каретина Г.С. Конфуцианство в процессе модернизации Китая // Известия Восточного института. 2015. № 2 (26). С. 3—9.

9. Шогенова Л.А., Астафьева О.Н., Венцель С.В. Влияние глобализации на культуру Китая // Государственное и муниципальное управление : ученые записки СКАГС. 2017. № 4. С. 151–155.
10. Rosker J.S. Is Confucianism a religion? Modern Confucian theories on the ethical nature of classical discourses // Asian Philosophy. 2017. Vol. 27. P. 279–291.
11. Чен М.-Дж. Китайский бизнес изнутри: практическое пособие по выстраиванию деловых отношений с китайскими партнерами / [пер. с англ. Н.Г. Печерицы]. Москва : Эксмо, 2009. 282 с.
12. Белозерцева Я.И. Деловой этикет в Китае // Языки. Культуры. Перевод. 2015. № 1. С. 327–333.
13. Mianzi and Guanxi — the keys to learning Chinese business etiquette. URL: <https://www.marketmechina.com/mianzi-guanxi-keys-learning-chinese-business-etiquette/> (дата обращения: 11.06.2018).
14. Шогенова Л.А. Статус конфуцианства за пределами Китая // Современный ученый. 2017. № 7. С. 321–322.
15. 案例份折, 跨文化商务交流. 北京: 对外经济贸易大学出版社 = [Аньли Фэньчжэ. Кросс-культурные бизнес-коммуникации: случаи и анализ]. Пекин : Дуйвай цзиньцзи маои дасюэ чубньшэ, 2007. 310 с.
16. Конфуций. Луньюй: изречения. Москва : Эксмо, 2008. 464 с.
17. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA : Sage Publ. 1980. 359 p.
18. Маслов А.А. Наблюдая за китайцами : скрытые правила поведения. Москва : Рипол классик, 2010. 282 с.
19. Ивченко Т. «Лицо» китайца [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2014. № 1 (58). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/lico-kitayca> (дата обращения: 12.07.2018).
20. Xing Y., Razaque A. Modernization of Confucianism: An Ethnographic Observation of Cultural Promoting Community // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2017. Vol. 8. Iss. 2. P. 137–146.
21. Yang F., Tamney J.B. Nationalism, Globalization, and Chinese Traditions in the Twenty-First Century // Confucianism and Spiritual Traditions in Modern China and Beyond / eds.: F. Yang, J.B. Tamney. Boston ; Leiden, 2012. P. 1–33.
22. Алексеев В.М. В старом Китае. Москва : Восточная литература, 2012. 509 с.

Features of the Social Communication and Etiquette in Chinese Culture: The Traditional Basics and Modernity

Lyana A. Shogenova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russia
E-mail: shogenova.igsu@yandex.ru

Abstract. *The article discusses the basics of Chinese etiquette, which are included in the core of traditional culture and are an integral part of the system of business communications — guanxi (a system of interpersonal relations) and mianzi (a concept of “face”). Both of the concepts are the basics for understanding the features of the Chinese social com-*

munication culture, which includes both modern formal components and traditional informal ones. In our view, the Chinese business culture has managed to preserve all the values that have been inherent in Chinese society for millennia, despite the systemic, increasing pressure of globalization.

In the period when the People's Republic of China is on the path of openness to the outside world, business etiquette is getting increasingly important, mainly in international relations. The teacher-student model becomes relevant not only from the point of view of traditions reproduction, but also for finding the ways to harmonize with new learning models coming from European and Asian states. The author assumes that Western and Eastern cultures are opposite, and something normal for a resident of China, can be a serious violation of the rules of decency for a European. With the controlled preservation of traditions in China, educational technologies of teaching the norms of European business etiquette are widespread, which is considered as a way of integration into the world community.

Taking into account the increasing influence of globalization processes and the wide spread of Western trends, the Chinese business culture continues to preserve all the values and traditions that it has had over the years, harmonizing them with modern business technologies.

Key words: China, Chinese culture, corporate culture, management styles, business etiquette, social communications, Asian management model.

Citation: Shogenova L.A. Features of the Social Communication and Etiquette in Chinese Culture: The Traditional Basics and Modernity, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 460–467. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-460-467.

References

1. *Development of Russian Culture in China*. Beijing, Economic Management Press Publ., 2018, pp. 159–160 (in Chinese).
2. Shoji N., Anne N., Seppo T. Communication Style and Cultural Features in High, Low Context Communication Cultures: A Case Study of Finland, Japan and India, 2008, no. 3, pp. 783–796.
3. Hofstede G.H. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*, Mc Graw Hill Publ., 2015, 279 p.
4. Sadokhin A.P. *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoi kommunikatsii: uchebnoe posobie* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication: textbook]. Moscow, KnoRus Publ., 2015, 254 p.
5. Sergeev D. Another Side in Negotiations with Chinese People, 08.07.2011, *Magazeta: izdanie o Kitae i kitaiskom yazyke* [Magazeta: Publication about China and Chinese Language]. Available at: <https://magazeta.com/2011/07/po-tu-storonu-barrikad/> (accessed 03.03.2018) (in Russ.).
6. Maslov A.A. *Kitai: kolokol'tsa v pyli. Stranstviya maga i intellektuala* [China: Bells in the Dust. Wanderings of the Magician and Intellectual]. Moscow, Aleteiya Publ., 2005, 376 p.
7. Xun W.Ch. The Problem of Mind in Confucianism, *Asian Philosophy*, 2016, no. 26, pp. 166–181.
8. Karetina G.S. Confucianism in the Process of Modernization of China, *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies], 2015, no. 2 (26), pp. 3–9 (in Russ.).
9. Shogenova L.A., Astafyeva O.N., Ventsel S.V. The Influence of Globalization on the Culture of China, *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe uprav-*
10. *lenie: uchenye zapiski SKAGS* [State and Municipal Administration: Scientific Notes of the North Caucasus Academy of Public Service], 2017, no. 4, pp. 151–155 (in Russ.).
10. Rosker J.S. Is Confucianism a Religion? Modern Confucian Theories on the Ethical Nature of Classical Discourses, *Asian Philosophy*, 2017, vol. 27, pp. 279–291.
11. Chen M.-J. *Kitaiskii biznes iznutri: prakticheskoe posobie po vystraivaniyu delovykh otnoshenii s kitaiskimi partnerami* [Inside Chinese Business: A Guide for Managers]. Moscow, Eksmo Publ., 2009, 282 p.
12. Belozertseva Ya.I. Business Etiquette in China, *Yazyki. Kul'tury. Perevod* [Languages. Cultures. Translation], 2015, no. 1, pp. 327–333 (in Russ.).
13. *Mianzi and Guanxi — the Keys to Learning Chinese Business Etiquette*. Available at: <https://www.marketmechina.com/mianzi-guanxi-keys-learning-chinese-business-etiquette/> (accessed 11.06.2018).
14. Shogenova L.A. The Status of Confucianism outside of China, *Sovremennyye uchenyi* [Modern Scientist], 2017, no. 7, pp. 321–322 (in Russ.).
15. *Cross-Cultural Business Communications: Cases and Analysis*. Beijing, Duivai Tszin'tsz Maoi Dasyue Chubn'she Publ., 2007, 310 p. (in Chinese).
16. Confucius. *Lun'yui: izrecheniya* [Analects: Aphorisms]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, 464 p.
17. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA, Sage Publ., 1980, 359 p.
18. Maslov A.A. *Nablyudaya za kitaitami: skrytye pravila povedeniya* [Watching the Chinese: Hidden Rules of Behavior]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2010, 282 p.
19. Ivchenko T. "Face" of the Chinese, *Otechestvennye zapiski* [Patriotic Notes], 2014, no. 1 (58). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/lico-kitayca> (accessed 12.07.2018) (in Russ.).
20. Xing Y., Razaque A. Modernization of Confucianism: An Ethnographic Observation of Cultural Promoting Community, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2017, vol. 8, issue 2, pp. 137–146.
21. Yang F., Tamney J.B. Nationalism, Globalization, and Chinese Traditions in the Twenty-First Century, *Confucianism and Spiritual Traditions in Modern China and Beyond*. Boston, Leiden, 2012, pp. 1–33.
22. Alekseev V.M. *V starom Kitae* [In Old China]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2012, 509 p.

УДК 78.07.(09):75
ББК 85.311
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-4-468-478

Е.В. ПАНКИНА

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИКОНОГРАФИЯ ЧАСТНЫХ ПОКОЕВ STUDIOLO И GROTTA ИЗАБЕЛЛЫ Д'ЭСТЕ

Елена Валериевна Панкина,
Новосибирская государственная консерватория
им. М.И. Глинки,
ректорат,
проректор по учебной работе
Советская ул., д. 31, Новосибирск, 630099, Россия
кандидат искусствоведения, доцент
E-mail: 2miker@mail.ru

Реферат. Статья посвящена анализу отдельных компонентов исторического интерьера *studiolo* и *grotta* мантуанской маркизы Изабеллы д'Эсте (1474–1539). Декоративные элементы её личных покоев в «Герцогском дворце» рассматриваются в имагологическом аспекте как формы личностной и вместе с тем статусной репрезентации супруги правителя государства, а также как отражение некоторых сторон поведенческого норматива ренессансной знатной дамы. Впервые обращение к художественному оформлению мантуанских *studiolo* (частного

кабинета) и *grotta* (примыкающего помещения для хранения предметов искусства и редкостей) сопряжено с вычленением музыкальных образов и музыкальной символики, имевших особое значение в автомифологизации Изабеллы д'Эсте и отражавших ее личную глубокую увлеченность музыкальным искусством.

В результате анализа содержательной стороны аллегорической картины Лоренцо Косты-старшего «Аллегория двора Изабеллы д'Эсте» (1504–1506) акцентируется приближенность к фигуре Изабеллы д'Эсте музицирующих на «небесных» лютне и цитре персонажей, а в качестве основного смыслового посыла обозначается обретение вечной жизни Изабеллой д'Эсте как центра гармоничного мира мудрости и художественного творчества. Изображения музыкальных инструментов на деревянных интарсиях рассматриваются в связи с собственной музыкальной практикой маркизы и ее окружения, подтверждающейся многочисленными документами мантуанского архива Гонзага. Включение в декор инципита шансон

Окегема «*Prenez sur moi votre exemple amoureux*» («Возьмите меня примером любви») впервые получает расширенную трактовку в качестве непрямого смыслового посыла. Фигуры Эвтерпы и Эрато с их обычными атрибутами — флейтой и лирой, напротив, вполне традиционны и ожидаемы в данном контексте на придверных мраморных медальонах. Энигматическое изображение музыкальных знаков (альтовый ключ, метрические обозначения и паузы), включенное в потолочные импрезы, трактуется в символическом аспекте. В завершение делается вывод о целеполагании включения музыкального декора в оформление *studiolo* и *grotta* как указания на статус Изабеллы д'Эсте — правительницы художественного мира, в котором музыка занимает главное положение.

Ключевые слова: Изабелла д'Эсте, *studiolo*, *grotta*, музыкальная иконография, музыкальная культура Мантуи, Ренессанс.

Для цитирования: Панкина Е.В. Музыкальная иконография частных покоев *studiolo* и *grotta* Изабеллы д'Эсте // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 468–478. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-468-478.

Конструирование идеального образа ренессансного носителя власти в качестве основополагающих его сторон, обеспечивающих в совокупности реализацию необходимых функций, приводит к выделению воителя (политика), светского человека (совершенного дворянина) и мецената. Двор — средоточие власти — является одновременно центром современной светской культуры и наиболее возвышенных и сложных светских развлечений. Исследования форм репрезентации власти, в том числе визуальных и слуховых, ее культуротворческих инициатив, взаимодействия с творцами литературы и искусства привели к обновлению в области методологии и методики научной работы, к вычленению таких направлений, как изучение способов установления диалога власти и общества в области художественного творчества, разновидностей и конкретных воплощений политической репрезентации, в особенности в их има-

гологическом аспекте. Выделение потестарной имагологии в специальную отрасль исторического знания [1] дает возможность контекстной интерпретации отдельных компонентов образа власти в опоре на такие практические методы, как определение и анализ специфических топов политического театра и политической иконографии, функциональным продолжением которой становится создаваемая при непосредственном участии или по указанию правителя художественная продукция.

Художественная сторона правления маркиза Мантуи Франческо II Гонзага (1466–1519) и его супруги Изабеллы д'Эсте (1474–1539) является собой образец осознанно выстраиваемой концепции «мусического» двора. Сам посыл не является оригинальным: обобщенное представление об идеальном культуротворческом дворе выливалось в ренессансной Италии в самые разные, притом сопоставимые по уровню достижения. Оригинальность мантуанских маркизов, в особенности Изабеллы д'Эсте, заключается в исключительной последовательности и интенсивности меценатства, сопряженного с личным творчеством¹. Маркиза может считаться протagonистом художественной жизни Мантуи и первой супругой итальянского ренессансного правителя, преодолевшей некоторые традиционные для положения знатной дамы ограничения в отношении активности во внешнем мире.

Настойчивый труд на протяжении почти полувека над формированием выдающегося светского двора обусловлен как индивидуальными склонностями Изабеллы д'Эсте, так и требованиями репрезентации власти. Последний фактор действовал в условиях относительно ограниченного в финансовом и военном отношении маркграфства, боровшегося за сохранение автономии, и более низкого ранга правителей, чем их ближайших родственников — герцогов Феррары, Милана и Урбино (в данном отношении брак Изабеллы

¹ «Ее способности, если верить современным данным, были выдающимися не в том простом отношении, что она была умеренно опытным музыкантом-любителем, а в степени ее достижений и в центральной роли музыки в ее жизни. Письма — ее собственные и других людей — ясно свидетельствуют о том, что музыка быстро стала для нее *idée fixe*, и, когда она освоила это искусство, неотъемлемой частью ее имиджа» [2, р. 12].

д'Эсте был своего рода мезальянсом). Стремление воссоздать и по возможности превзойти двор отца и престижную феррарскую капеллу (с которой конкурировали только миланская и папская и в которой в разные годы служили Якоб Обрехт, Жоскен Дебре, Антуан Брюмель), соединенное с формированием легенды об универсально одаренной и сведущей мантуанской маркизе объясняет некоторую противоречивость отзывов современников об Изабелле д'Эсте².

Характерное для эпохи стремление к славе не всеми гуманистами считалось подобающим даме. Так, Леонардо Бруни и Гварино да Верона полагали, что женщина обязана добиваться славы, причем в сфере гуманитарного образования и занятий (*studia humanitatis*). Эрмолао Барбаро, напротив, следуя Плутарху, утверждал, что лучшая похвала женщине — если о ней ничего не говорят, чем говорят хорошо [4, с. 46]. Часто демонстрируемая Изабеллой д'Эсте самостоятельность и независимость от мужа не соответствовали требованиям, предъявляемым к поведению супруги государя. Сошлемся, например, на суждение неаполитанского аристократа, политика Диомеда Карафы (1406?–1487) из его трактата «Об обязанностях царя и доброго правителя» («*De regis et boni principis officiis*», посв. Элеоноре Арагонской — матери Изабеллы д'Эсте, 1473–1477, изд. Неаполь, 1668), и «Памятки светлейшей королеве Венгрии» («*Memoriale a la serenissima regina d'Ungheria*», посв. сестре Элеоноре Беатрисе Арагонской): дама должна поддерживать все начинания супруга, проявлять абсолютное послушание, действовать без собственного мнения, музицировать только с согласия отца или мужа [5, р. 37].

Прижизненная мифологизация Изабеллы д'Эсте не вызывает сомнений, причем именно как автомифологизация. Она «проговаривается» в письмах и театрализованных эпизодах жизни. Природа феномена маркизы представляется двоякой, определяющейся, с одной стороны, органичной для нее концепцией

воспитания дамы-аристократки, всецело соответствующей функциям и ожидаемому облику супруги правителя. То, что сама Изабелла д'Эсте оценивала музыкальные навыки именно с такой позиции, демонстрирует ее письмо от 11 декабря 1517 г., адресованное маркизе Монферратской в период заключения брака между их детьми — Федерико II Гонзага и Марией Палеолог: Изабелла д'Эсте хвалит маркизу за образование дочери, которая научилась «играть на лютне, потому что эта добродетель весьма подобает даме в наше время» [2, р. 10]. С другой стороны, уникальность позиции Изабеллы д'Эсте заключается в личной инициативе независимой от супруга государыни-мecenата, государыни-творца, воплощенной «десятой музы» [6, р. 200]³.

Еще один существенный фактор творческих инициатив Изабеллы д'Эсте, значение которого возрастало со временем, обусловлен особенностями ее положения в Мантуе. Маркиза постоянно отстранялась мужем от вопросов управления и смогла реализовать свои политические амбиции только во время его венецианского плена (8 августа 1509 — 14 июля 1510). Это резко контрастировало, например, с феррарской ситуацией того же времени, когда брат Изабеллы д'Эсте, Альфонсо д'Эсте поручал Лукреции Борджа управление на время своих отъездов. Таким образом, лидерство в светской интеллектуальной и художественной

³ Среди достаточно многочисленных исследований, в которых положение Изабеллы в истории ренессансного меценатства рассматривается в гендерном аспекте, выделим работу искусствоведа Р.М. Сан Хуан, отмечающей недостаточность представлений о культуротворческой деятельности дам эпохи Ренессанса как фактор, не позволяющий объективизировать комплекс противоречивых суждений об Изабелле д'Эсте: «письма, как и другие формы социальной и культурной деятельности Изабеллы д'Эсте, должны рассматриваться в сложном переплетении параметров и ограничений, которые ставят придворную даму в сложное и проблемное отношение к культурной репрезентации. К сожалению, в условиях, когда женский патронаж эпохи Возрождения продолжает быть в значительной степени неисследованным, ее случай остается слишком большим исключением. Казалось бы, аспекты коллекционерской деятельности Изабеллы д'Эсте были необычными среди придворных дам и открыли для нее определенные возможности, но только более полное учитывание моделей патронажа будет направлять обсуждение проблемы художественного коллекционирования как стратегии развития для женщин эпохи Возрождения» [7, р. 76].

² О мнениях относительно личности и деяний Изабеллы д'Эсте, в том числе в контексте современных исследований женского меценатства в эпоху Возрождения, см.: [3, с. 82–85].

жизни двора компенсировало недостаточность реального статуса маркизы в семье и государстве и придавало ей особое институциональное значение, «музыкальный суверенитет» [8]⁴. Дополнительный оттенок исключительной активности маркизы, обусловленной, прежде всего, объективной весомостью придворной культуры, придавало многолетнее соперничество Изабеллы д'Эсте с Лукрецией Борджа — супругой брата и платонической возлюбленной маркиза Мантуанского⁵.

Так, проявлением институционального значения музицирования стали действия Изабеллы д'Эсте на частном приеме в честь французского посла, устроенном ею в Ферраре 5 февраля 1502 года, в период празднования бракосочетания Альфонсо д'Эсте и Лукреции Борджа. Она исполнила с собственным сопровождением, играя на лютне, два сонета и капитоло (*capitolo* — жанр строфической песни, созданной терцинами), явно стремясь противопоставить себя более блестящей, но менее одаренной и музыкально образованной Лукреции Борджа. Об этом сохранилась дневниковая запись феррарского историка Бернардино Дзамботти:

«И между тем славнейшая мадонна маркиза Мантуанская пригласила его [Альфонсо д'Эсте] на ужин с его синьорой [Лукреция Борджа]; и, не имея возможности отказаться, она согласилась [быть на] пиру, который был торжественнейшим. Она сидела за столом между вышеназванной синьорой маркизой и славнейшей герцогиней Урбинской, дамой изящнейшей. И на ужине, со включением многих любовных речей и нежных и привлекательных жестов, сказанная синьора маркиза с лютней в руках спела разные канцонетты с величайшей мелодичностью и утонченностью, каковые послужили оказанию большой заботы и чести сказанному синьору Послу [Филипп Берт]» [10, р. 327].

⁴ Новые исторические свидетельства неоднозначных взаимоотношений Изабеллы д'Эсте и Франческо II Гонзага, в которых сочетались признание и неприязнь, поддержка и состязание, объединение власти, усилий и средств и их автономизация представлены в монографии С. Д. П. Кокрем [9].

⁵ Родство семей носило традиционный характер; дополнительным обстоятельством в положении Лукреции было то, что Альфонсо первым браком был связан с сестрой Франческо Гонзага.

Среди нескольких известных эпизодов этого соперничества выделим сообщение Филиппа Берта — французского посла, присутствовавшего на упомянутой свадьбе. В отчете о приеме Изабеллой д'Эсте Лукреции Борджа он отметил, что маркиза встретила невесту на ступенях лестницы феррарского дворца, будучи одетой в великолепную гамурру (самога) из золотой парчи, расшитую музыкальными эмблемами в манере «загадочных канонов» [5, р. 40; 11, р. 205]⁶. Лукрецию Борджа сопровождала герцогиня Урбинская Елизавета Гонзага в черном платье, расшитом знаками зодиака. Поскольку сама ситуация включена в культуру придворной репрезентации, политического ритуала, одежды центральных ее фигур являются частью «иконографии» власти, в данном случае духовной, олицетворяют связь небесного и земного. Наряды дам могли указывать на ряд пересекающихся мифологически-эзотерических прообразов — Урания (муза и Афродита), Музыка как аполлоническое и мусическое искусство, или, согласно Фичино, Гармония. Музыкальная символика гамурры Изабеллы д'Эсте органична для Афродиты-Венеры в ее небесной ипостаси (например, описание богини в «*Liber astrologiae*» Георгия Зотора Запапа Фендула: «Она связана с музыкой и любовью к вину. Поэтому на миниатюре она, подобно придворной даме, играет на псалтири, а рядом с ней висит арфа» [12, с. 440–441]). Таким образом, встреча Изабеллы д'Эсте и Елизаветы Гонзага символизирует совершенную духовную гармонию семьи, в которую вступает Лукреция Борджа.

Музыкальные знаки на наряде Изабеллы д'Эсте не носят исключительный характер, поскольку они фрагментарно помещались в геральдику рода Гонзага, появлялись во внутренних покоях дворца, создавая вполне определенный имидж мантуанского двора. Ноты, музыкальные инструменты, собиравшиеся маркизой на протяжении всей жизни, многочисленные предметы искусства ставят Изабеллу д'Эсте в один ряд с самыми страстными

⁶ См. также письмо Элеоноры Орсини дель Бальцо к Франческо Гонзага от 2 февраля 1502 г. (ASM-G, b. 1238, fol. 355-356) (ASM-G — Archivio di Stato di Mantova — Archivio Gonzaga, Мантуанский Государственный архив — архив дома Гонзага).



Рис. 1. Лоренцо Коста-старший. «Аллегория двора Изабеллы д'Эсте» (1504—1506)

и компетентными коллекционерами ее эпохи. Об этом свидетельствует рукописный каталог («Robbe»⁷), составленный придворным нотариусом Одоардо Стивини в 1542 г., т. е. через три года после смерти маркизы [13]. Каталог содержит 236 наименований, относящихся к студиоло Изабеллы д'Эсте, в том числе работы Мантеньи, Джулио Романо, Микеланджело, Корреджо и Перуджино. Завоеванный Изабеллой д'Эсте статус «первой дамы мира» («la prima donna del mondo», по выражению Никколо да Корреджо, возникшему в ходе спора при дворе Лодовико Моро о прославленных женщинах, появляется также в письме мантуанского военного на службе маркиза Алессандро де Баезио (Alessandro

de Baesio), адресованном Изабелле д'Эсте от 24 ноября 1494 г.⁸ Этот статус оказался особенно важным в период фактического развода с мужем, когда маркиза несколько лет (1512—1519) прожила в Риме, сумев и там оказаться в центре культурных процессов.

Квинтэссенцией визуальной автомифологизации Изабеллы д'Эсте стало оформление ее

⁷ ASM-G, D. XII.6.

⁸ Предупреждая Изабеллу д'Эсте о прибытии Клары ди Монпансье (Кьяра Гонзага, сестра маркиза Мантуанского), Баезио сообщал, что, беседуя с «госпожой Кьярой о некоторых итальянских дамах, где были мессир Никколо да Корреджо и другие почтенные господа, он [Корреджо] сказал, что Ваша Светлость была первой в мире дамой» («nanzì Madama Ciara, dove era Messer Nicolò da Corezo et altri omeni de bene, d'alcune donne de Italia, el fu dito che la Signoria Vostra era la prima donna del mondo») [8].

личных покоев — studiolo (частного кабинета) и grotta (примыкающего к studiolo помещения для хранения предметов искусства и редкостей), которые создавались длительный период (1491–1515, 1520). В них сконцентрирована различная музыкальная символика. Ключ к пониманию ее личности в определенной степени дает живопись, размещавшаяся в studiolo, поскольку она сама направляла процесс мистификации и мифологизации своих изображений.

В отражении своей персоны на картинах studiolo маркиза предпочла реалистическому изображению аллегорию (работы Андреа Мантеньи «Парнас» (1497–1498), на котором Изабелла предстает в облике Урании, и «Минерва изгоняет Пороки из сада Добродетели» (1502) с Минервой-Изабеллой⁹). Среди аллегорико-эмблематических картин, безусловно, выделяется «Аллегория двора Изабеллы д'Эсте» работы Лоренцо Косты-старшего (рис. 1). Ее содержательный посыл обычно трактуется как устойчивость мира Изабеллы д'Эсте, защищенного от неведомого пространства (горизонт прикрыт рощей и холмами) и опасностей в виде отдаленной битвы. Действительно, правая часть, включающая пасторальную идиллию в верхнем сегменте, и морская коса с не вполне ясной мирной сценой у корабля слева представляют идеальный мир. Сцена сражения же воспринимается как маргинальная, а по местоположению в театрализованном, постановочном пространстве картины — «место ада». Гармоничный мир не целостен — на средней оси есть ощутимая граница между рощей и морем, маркируемая обернувшимся мудрецом и виелистом. Центральная группа находится в надежном замкнутом охвате «квадрата» персонажей — аллегорических фигур Упорства и Невинности с волом и агнцем и мифологических воинов-стражей на переднем плане (Аполлон (или Кадм) и Диана). К самой же Изабелле д'Эсте приближены смотрящий в небеса виелист, молодая дама с цитрой и четыре мудреца (среди них Пифагор с монохордом)¹⁰. В компо-

зиции наблюдается пространственно-временной монтаж, который выдающийся отечественный искусствовед И.Е. Данилова отмечает в итальянской религиозной живописи XV в. — отсутствие коммуникации между персонажами, помещение в пространство «истории» за пределы первого плана случайных фигур, временная несовместимость персонажей [15, с. 79]. Иконографическая рассредоточенность персонажей проявляется в том, что никто из них не смотрит на центральную фигуру композиции, которая смиренно склоняет голову, принимая венец, но выделяется позой, объемом и цветом. Сцена коронования строго симметрична, в точке схождения направленных в перспективу линий находятся Венера и Эрот, венчающий лавром Изабеллу д'Эсте. Картина Лоренцо Косты-старшего и зрительна, и умозрительна, и нарративна, и иконографична, поскольку в качестве центрального элемента содержит сцену глорификации Изабеллы, вхождения ее в вечность.

Присутствие на интарсиях grotta (рис. 2) музыкальных инструментов, словно небрежно оставленных, вываливающихся из раскрытых дверей, призвано создать ощущение образа жизни, в котором музицирование является повседневным и привычным занятием. Некоторые инструменты непосредственно связаны с музыкальной практикой Изабеллы д'Эсте.

Прежде всего это лютня: потребность в пении с ее сопровождением стала одним из основных факторов стимулирования маркизой развития придворного фроттольного репертуара и многочисленных заказов инструментов. В первую очередь они делались Лоренцо Гуснаско да Павии — мастером музыкальных инструментов, работавшим в Венеции, миланцем по происхождению, а также монахом мантуанской францисканской обители Пьетро Дарделли — мастером по изготовлению ребекков, лютней и виол. Объем заказов и повышенное внимание Изабеллы д'Эсте к ведущим придворным певцам-лютнистам Бартоломео Тромбончино и Маркетто Каре, частые подтверждения ее собственной игры на лютне идеально соот-

⁹ В облике Минервы Изабелла д'Эсте помещена в композицию «Аллегории Добродетели» Антонио да Корреджо (ок. 1530/1531).

¹⁰ В интерпретации американского искусствоведа С. Кемпбелла, трактующего картину как сцену коронации поэтессы (возможно, Сапфо), это Каллимах, Проперций,

Овидий и Тибулл [6, р. 200–203]. О трактовках содержательного плана картины см.: [14, S. 118–119, 121–122].



Рис. 2. Антонио и Паоло ди Мола. Деревянные интарсии (1506)

ветствуют облику музицирующей аристократки, совершенной *donna di palazzo*.

Другой инструмент, представленный на интарсии и освоенный Изабеллой д'Эсте в детстве, — клавикорд — упоминается в документах значительно реже, что, по-видимому, связано с потребностью в меньшем количестве инструментов. Штат музыкантов маркизы постоянно включал клавириста [16, с. 18]. При этом в документах, относящихся к мантуанской музыкальной практике, нет сведений о случаях ее собственной игры на клавишных инструментах, хотя имеется сообщение мантуанского дворянина Альфонсо Фачино к сыну маркизы Федерико Гонзага о том, что его матери очень нравится хорошая игра на клавикорде¹¹. Маркиза явно считала клавикорд необходимым для своего окружения, так как поддержала обучение игре на нем своего старшего сына¹².

Чаще всего в документах упоминаются виолы, что естественно, принимая во внимание

широкое распространение консорта виол¹³ и аристократический статус инструмента. Основной целью собирания Изабеллой д'Эсте коллекции виол было собственное музицирование. Так, в одном из писем она рассказывает о своих успехах в обучении игре на новом для нее инструменте, предполагая стать не слушателем, а участницей консорта:

¹³ Английский музыковед Й. Вудфилд, прослеживая процесс распространения щипковой и смычковой виуэлы (*vihuela de mano* и *vihuela de arco*) в Италии вследствие испанского влияния, резко возросшего в понтификат Каликста III и Александра VI, приводит фрагменты письма феррарского канцлера Бернардино Просперо к Изабелле д'Эсте от 6 марта 1493 года. В нем, описывая музыкальное представление в честь рождения наследника Лодовико Моро, он сообщает о неких испанских инструменталистах, посланных из Рима Асканио Сфорца, которые играли на «виолах больших, почти как я» («*virole grande quasi come mi*»), хотя «их игра была скорее нежной, чем искусной» («*il sonare suo è più presto dolce che de multa arte*») [17, с. 81]. Й. Вудфилд полагает, что речь идет о новых для итальянского корреспондента удлинненных валенсийских виолах. Он пишет также о причинах и свидетельствах глубокого увлечения членами семьи д'Эсте различными видами виолы [17, р. 87–92] и о множестве заказов, запросов и упоминаний в переписке Изабеллы д'Эсте «*viola spagnola*», «*viola a la spagnola*», «*virole over lire*», «*viola grande*», «*vyoloni de archetto*» [17, р. 93–94].

¹¹ Письмо Альфонсо Фачино к Федерико Гонзага (ASM-G, b. 2485, fasc. XI, cc. 313–314).

¹² Письмо Стацио Гадио к Изабелле д'Эсте от 6 марта 1511 г. (ASM-G, b. 1077, cc. 305–306).



Рис. 3. Джан Кристофоро Романо. Мраморные медальоны (1496)

«Мы начали изучать виолу и надеемся, что учимся достаточно хорошо, потому что только за те два дня, что мы работали, мы начали полагать, что, когда прибудем в Феррару, будем способны играть тенор Дону Альфонсо, нашему брату»¹⁴.

Ни один инструмент из обихода мантуанских маркизов не сохранился. Более того, по письмам и платежным документам подчас невозможно установить, о какой именно разновидности идет речь. В особенности это относится к духовым инструментам, практически отсутствовавшим в музыкальном окружении Изабеллы д'Эсте как не отвечавшим облику и практике музицирования дамы: пифары (игрецы на духовых инструментах) на мантуанской службе подчинялись маркизу Франческо, обеспечивая праздничную и военную музыку. Набор на интарсиях инструментов, хотя и немногочисленных, но пригодных не только для замкнутого помещения, но и для открытого пространства, свидетельствует об универсальной музыкальной компетентности владелицы studiolo.

Вырезанный в нижней части интарсии с городским видом инципита шансон «Prenez sur

moi votre exemple amoureux» с подписью Окегема в данном контексте трактован как смысловой посыл вне дальнейшего содержания песни: «Возьмите меня примером любви (к музыке, искусству, знанию. — Е. П.)».

На среднем ярусе иконографии музыкальный смысловой ряд продолжают два из четырех придверных мраморных медальонов, на которых представлены Эвтерпа с флейтой и Эрато с лирой (рис. 3).

На самом высоком уровне пространства — в импрезах резного потолка размещены метрические обозначения и паузы, напоминающие о скоротечности земного времени и святости трудов в тишине (рис. 4). Помимо очевидной символики альтового ключа (альт — голос Изабеллы д'Эсте), а также полноты обозначений мензур, зеркальное последование сокращающихся и возрастающих пауз, завершающееся бесконечной репризой, может быть понято как пожелание вечной тишины¹⁵.

¹⁴ 14 мая 1499 года (ASM-G, b. 2993, libro 10, c. 15).

¹⁵ М. Борн предполагает связь символики этого изображения с неоплатонизмом Фичино, а именно со значением медитации, которое могла стремиться подчеркнуть Изабелла д'Эсте [18, р. 115]. Мы полагаем, что, если возможно установить связь с трудами Фичино, то, скорее,



Рис. 4. Антонио и Паоло ди Мола.
Фрагмент потолочного декора (1507)

Возможно также соотнесение символически трактованных музыкальных знаков в личном пространстве Изабеллы д'Эсте с ее нарядом на феррарской свадьбе 1502 года. Отсутствие точных сведений об элементах декора последнего не позволяет, к сожалению, сделать выводы о постоянстве или изменении музыкальных идей, которые маркиза считала нужным ассоциировать со своей персоной.

Содержательная программа studiolo отражает целеполагание деятельности Изабеллы д'Эсте — не столько вдохновлять, сколько направлять, формировать культуру, в том числе личным участием. Музыкальная практика знатной дамы рассматривается и как часть идеала жизни созерцательной — *vita contemplativa* (в противоположность жизни деятельной — *vita activa*; понятия Колуччо Салютати), открывающей единственную возможность подлинного бессмертия: «Те, кто всецело предается деятельности, несомненно, приносят пользу, но лишь в настоящем и ненадолго. Напротив, те, кто постигает таинственную природу вещей, приносят пользу на века. Дела умирают вместе с людьми; мысли побеждают столетия, остаются бессмертными и торжествуют над вечностью» (Кристофоро Ландино, «Диспуты в Камальдоли» («*Disputationes Camaldulenses*»), 1473) [19, с. 117].

Бесконечное повторение имени, инициалов, девиза и визуального символа Изабеллы д'Эсте в настенной и потолочной отделке

с его переводом «Поймандра», в котором многократно раскрывается смысл тишины.

ясно указывает на ее положение правительницы художественного мира, которому посвящены studiolo и grotta. В то же время даже с учетом иных сложных смысловых планов, развернутых в живописи и декоре, помимо рассмотренных, музыка явно занимает главное положение в «трудах в досуге» (*otium*) мантуанской маркизы.

Список источников

1. Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред.: М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. Санкт-Петербург : Алетей, 2010. С. 5–37.
2. Prizer W. Una «virtù molto conveniente a madonne»: Isabella d'Este as a musician // The Journal of Musicology. 1999. Vol. XVII. P. 10–49.
3. Алешин П.А. Семья д'Эсте — покровители искусства и коллекционеры : дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 2016. 348 с.
4. Рябова Т.Б. Женщина в итальянском гуманизме XV века : дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1994. 237 с.
5. Caraci Vela M. La dama di palazzo e il «nobile ornamento». L'esercizio della musica come spazio di libertà e di cultura // Costumi educativi nelle corti europee (XIV–XVIII secolo). Pavia : Pavia University Press, 2010. P. 31–42.
6. Campbell S.J. The Cabinet of Eros: Renaissance Mythological Painting and the Studiolo of Isabella d'Este. New Haven ; London : Yale University Press, 2004. 402 p.
7. San Juan R.M. The Court Lady's Dilemma: Isabella d'Este and Art Collecting in the Renaissance // Oxford Art Journal. Oxford : Oxford University Press, 1991. Vol. 14, № 1. P. 67–78.
8. Meine S. Hofmusik als Herrschaftsraum: Das Beispiel der Isabella d'Este Gonzaga // zeitenblicke : online journal für die Geschichtswissenschaften. 8 (2009). № 2. [30.06.2009]. URL: http://www.zeitenblicke.de/2009/2/meine/index_html (дата обращения: 08.10.2017).
9. Cockram S.D.P. Isabella d'Este and Francesco Gonzaga: Power Sharing at the Italian Renaissance Court. London ; New York : Routledge, 2016. 274 p.
10. Zambotti B. Diario ferrarese dall' anno 1476 sino al 1504 / A cura di G. Pardi. Bologna : Nicola Zanichelli, 1937. Rerum italicarum scriptores: T. XXIV, p. VII. 500 p.

11. *Cartwright J.* Isabella d'Este, marchioness of Mantua 1474–1539 : 2 v. A study of the Renaissance. London : John Murray, 1903. V. I. 395 p.
12. *Воскобойников О.С.* «Мудрость короля рождается на небесах» // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / отв. ред. Н.А. Хачатурян. Москва : Наука, 2004. С. 411–454.
13. *Il codice Stivini: inventario della collezione di Isabella d'Este nello Studiolo e nella Grotta in Corte vecchia nel Palazzo ducale di Mantova.* Modena : Il Bulino, 1995. 46 p.
14. *Romelli T.* Bewegendes Sammeln: Das *studiolo* von Isabella d'Este und das *petit cabinet* von Margarete von Österreich im bildungstheoretischen Vergleich : Inauguraldiss. <...> Dr. phil. Berlin : Humboldt-Universität, 2008. 248 S.
15. *Данилова И.Е.* О категории времени // От Средних веков к Возрождению. Сложение художественной системы картины кватроченто. Москва : Искусство, 1975. С. 63–80.
16. *Prizer W.F.* Isabella d'Este and Lucrezia Borgia as Patrons of Music: The Frottola at Mantua and Ferrara // *Journal of the American Musicological Society.* 1985. Vol. 38. № 1. P. 1–33.
17. *Woodfield I.* The Early History of the Viol. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 266 p.
18. *Bourne M.* Renaissance Husbands and Wives as Patrons of Art: The Camerini of Isabella d'Este and Francesco II Gonzaga // *Beyond Isabella: Secular Women Patrons of Art in Renaissance Italy* / Ed. by Sh.E. Reiss, D.G. Wilkins. Kirksville : Truman State University Press, 2001. Vol. 54. P. 93–123.
19. *Гарэн Э.* Платонизм и достоинство человека // Проблемы итальянского Возрождения. Москва : Прогресс, 1986. С. 110–148.

The Musical Iconography of the Private Chambers of Studiolo and Grotta of Isabella d'Este

Elena V. Pankina

Glinka Novosibirsk State Conservatoire, 31, Sovetskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russia
E-mail: 2mikep@mail.ru

Abstract. *The article is dedicated to the analysis of certain components of the historical interior of the studiolo and grotta of Isabella d'Este, Marquise of Mantua (1474–1539). The article considers, in the imagological aspect, the decorative elements of her private chambers in the "Palazzo Ducale" as a form of personal and, at the same time, status representation of the wife of the ruler of the state and as a reflection of some aspects of the behavioral standard of the Renaissance noble lady. For the first time, the artistic design of the Mantuan studiolo (private studio) and grotta (adjoining storage room for art and rarities) is examined through extraction of musical imagery and musical symbolism, which had a special importance in authomythologization of Isabella d'Este and reflected her deep personal passion for music.*

Analyzing the contextual part of the allegorical painting by Lorenzo Costa the Elder (1504–1506) "Allegory of the Court of Isabella d'Este", the article focuses on the proximity of the characters playing the "heavenly" lute and zither to the figure of Isabella d'Este. And the attainment of eternal life by Isabella, as the center of the harmonious world of wisdom and art, is considered to be the main conceptual message. The depictions of the musical instruments on the wooden intarsia are regarded in connection with the music practice of the Marquise and people around her, which is evidenced by numerous documents of the Mantuan Archive of Gonzaga. The incipit of the chanson by Ockeghem "Prenez sur moi votre exemple amoureux", included in the decor, for the first time receives an extended interpretation as an indirect semantic message. The figures of Euterpe and Erato, with their usual flute and lyre, are, on the contrary, quite traditional and expected in this context on the doorway marble medallions. The ceiling impreses, with the enigmatic image of musical signs (viola key, metric designations and pauses), have a symbolic meaning. The article concludes that the purpose of inclusion of the musical decor in the design of studiolo and grotta is to indicate the status of Isabella d'Este as a ruler of the artistic world where music takes the main part.

Key words: Isabella d'Este, studiolo, grotto, musical iconography, musical culture of Mantua, Renaissance.

Citation: Pankina E.V. The Musical Iconography of the Private Chambers of Studiolo and Grotta of Isabella d'Este, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 468–478. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-468-478.

References

1. Boitsov M.A. What Is the Imagology of Power? *Vlast' i obraz: ocherki potestarnoi imagologii* [Power and Image: Essays on the Imagology of Power]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2010, pp. 5–37 (in Russ.).
2. Prizer W. Una “virtù molto conveniente a madonne”: Isabella d'Este as a Musician, *The Journal of Musicology*, 1999, vol. XVII, pp. 10–49.
3. Aleshin P.A. *Sem'ya d'Este – pokroviteli iskusstva i kollektionery* [The d'Este Family – Patrons of Art and Collectors], Cand. art. diss. Moscow, 2016, 348 p.
4. Ryabova T.B. *Zhenshchina v ital'yanskom gumanizme XV veka* [Woman in the Italian Humanism of the 15th Century], Cand. hist. sci. diss. Nizhny Novgorod, 1994, 237 p.
5. Caraci Vela M. La dama di palazzo e il “nobile ornamento”. L'esercizio della musica come spazio di libertà e di cultura, *Costumi educativi nelle corti europee (XIV–XVIII secolo)*. Pavia, Pavia University Press Publ., 2010, pp. 31–42.
6. Campbell S.J. *The Cabinet of Eros: Renaissance Mythological Painting and the Studiolo of Isabella d'Este*. New Haven, London, Yale University Press Publ., 2004, 402 p.
7. San Juan R.M. The Court Lady's Dilemma: Isabella d'Este and Art Collecting in the Renaissance, *Oxford Art Journal*. Oxford, Oxford University Press Publ., 1991, vol. 14, no. 1, pp. 67–78.
8. Meine S. Hofmusik als Herrschaftsraum: Das Beispiel der Isabella d'Este Gonzaga, *Zeitenblicke: online journal für die Geschichtswissenschaften*, 8 (2009), no. 2. Available at: http://www.zeitenblicke.de/2009/2/meine/index_html (accessed 08.10.2017).
9. Cockram S.D.P. *Isabella d'Este and Francesco Gonzaga: Power Sharing at the Italian Renaissance Court*. London, New York, Routledge Publ., 2016, 274 p.
10. Zambotti B. *Diario ferrarese dall' anno 1476 sino al 1504*. Bologna, Nicola Zanichelli Publ., 1937, *Rerum italicarum scriptores*: vol. XXIV, p. VII, 500 p.
11. Cartwright J. *Isabella d'Este, marchioness of Mantua 1474–1539: 2 v. A Study of the Renaissance*. London, John Murray Publ., 1903, vol. I, 395 p.
12. Voskoboinikov O.S. “The King's Wisdom Is Born in Heaven”, *Korolevskii dvor v politicheskoi kul'ture srednevekovoi Evropy* [Royal Court in the Political Culture of Medieval Europe]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 411–454 (in Russ.).
13. *Il codice Stivini: inventario della collezione di Isabella d'Este nello Studiolo e nella Grotta in Corte vecchia nel Palazzo ducale di Mantova*. Modena, Il Bulino Publ., 1995, 46 p.
14. Romelli T. *Bewegendes Sammeln: Das studiolo von Isabella d'Este und das petit cabinet von Margarete von Österreich im bildungstheoretischen Vergleich: Inauguraldiss. <...> Dr. phil.* Berlin, Humboldt-Universität Publ., 2008, 248 p.
15. Danilova I.E. On the Category of Time, *Ot Srednikh vekov k Vozrozhdeniyu. Slozhenie khudozhestvennoi sistemy kartiny kvatrochento* [From the Middle Ages to the Renaissance. Building the Artistic System of the Quattrocento Painting]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, pp. 63–80 (in Russ.).
16. Prizer W.F. Isabella d'Este and Lucrezia Borgia as Patrons of Music: The Frottola at Mantua and Ferrara, *Journal of the American Musicological Society*, 1985, vol. 38, no. 1, pp. 1–33.
17. Woodfield I. *The Early History of the Viol*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1984, 266 p.
18. Bourne M. Renaissance Husbands and Wives as Patrons of Art: The Camerini of Isabella d'Este and Francesco II Gonzaga, *Beyond Isabella: Secular Women Patrons of Art in Renaissance Italy*. Kirksville, Truman State University Press Publ., 2001, vol. 54, pp. 93–123.
19. Garin E. The Platonism and the Human Dignity, *Problemy ital'yanskogo Vozrozhdeniya* [Problems of the Italian Renaissance]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 110–148 (in Russ.).

НАУЧНОЕ ЦИТИРОВАНИЕ: РИНЦ, WEB OF SCIENCE, SCOPUS

Журнал «Обсерватория культуры» уделяет значительное внимание качеству научного цитирования в публикуемых статьях. В помощь авторам редакция рекомендует обучающие ресурсы (в онлайн- и офлайн-режимах).



Российская государственная библиотека проводит регулярные лекции по научному цитированию, на которых дается общее представление о наукометрических показателях. Пользователей обучают оптимальным подходам к работе с базами данных научного цитирования Web of Science, Scopus, РИНЦ.

Участие бесплатное, вход по читательскому билету. Подробности и расписание лекций на сайте Российской государственной библиотеки <https://www.rsl.ru/ru/events/afisha/>

Web of Science



Компания **Clarivate Analytics** проводит вебинары (на русском языке) по базовым и расширенным возможностям **Web of Science** и других информационных ресурсов Clarivate Analytics (ResearcherID, Publons, EndNote и др.).

Предусмотрены различные серии:

- ◆ Информационные инструменты для авторов научных публикаций;
- ◆ Информационные инструменты для анализа научной деятельности;
- ◆ Практические рекомендации по публикации в международных журналах.

Видеозаписи прошедших вебинаров доступны на канале YouTube: <https://www.youtube.com/user/WOKtrainingsRussian/>

http://info.clarivate.com/rcis_webinars_schedule



ELSEVIER
Scopus

Издательство **Elsevier** предоставляет подробные материалы (на русском языке) о крупнейшей в мире единой реферативной базе данных **Scopus** (<http://www.scopus.com/>), которая индексирует более 21 тыс. наименований научно-технических и медицинских журналов примерно 5 тыс. международных издательств. Сегодня данные из Scopus признаны Минобрнауки РФ в качестве критериев общероссийской системы оценки эффективности деятельности высших учебных заведений. Описание возможностей базы данных, списки российских журналов, индексируемых в Scopus, информация по управлению авторскими профилями и профилями организаций представлены на сайте «**Elsevier в России**».

<http://www.elsevierscience.ru/products/scopus>

УДК 821.161.1(09)
ББК 83.3(2=411.2)53-8Розанов В.В.2ю14
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-4-480-489

А.В. ЛОМОНОСОВ

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ КОНТРАПУНКТ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.В. РОЗАНОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ)

Алексей Васильевич Ломоносов,
Российская государственная библиотека,
Центр исследования проблем развития библиотек
в информационном обществе,
сектор изучения особо ценных фондов,
научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия
кандидат исторических наук
E-mail: lomonosov-1962@yandex.ru

Реферат. В статье представлены категории заявленной темы (контрапункт, диалогизм). Рассмотрена точка зрения на метод философ-

ской монологизации в творчестве В.В. Розанова. В отличие от предыдущих моих исследований в статье смещен акцент рассмотрения творческого метода В.В. Розанова в сторону публикаций писем корреспондентов последнего. Автор присоединяется к ученым, считающим полифонизм основным методом поэтики произведений В.В. Розанова. Рассмотрены принципиальные положения использованного мыслителем диалогического метода работы с текстами писем. Отмечена новизна примененного писателем эпистолярно-диалогического жанра в отечественной литературе в ходе публикации писем выдающихся деятелей русской культуры В.С. Соловьева, С.А. Рачинского, Н.Н. Стра-

хова, хранящихся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Приоритетным можно считать использование В.В. Розановым примечаний и комментариев к письмам корреспондентов, положившее начало его уникальному полемическому стилю, переросшему в итоге в непревзойденный авторский жанр «опавших листьев». Отмечено, что именно В.В. Розанов сумел превратить жанр примечания из вспомогательного в главный компонент содержания книжного произведения. Помимо широко известных эпистолярных публикаций в серии «Литературные изгнанники», в статье обращено внимание на использование В.В. Розановым писем духовенства в ходе религиозно-философских дискуссий начала XX в. по вопросам модернизации церкви. Была подтверждена точка зрения о диалогическом методе, использованном В.В. Розановым при создании текстов своих публикаций, на примере его работы с письмами в уникальном жанре «Литературные изгнанники» и в ранних полемических произведениях. Показано, что процесс литературного творения неизменно отражает у В.В. Розанова дискурсивный характер самого образа его мышления и открывает читателю создателя новых форм самовыражения в литературном творчестве.

Ключевые слова: В.В. Розанов, контрапункт, диалогизм, корреспонденты, эпистолярно-диалогичный жанр, примечания к письмам.

Для цитирования: Ломоносов А.В. Эпистолярный контрапункт в полемических произведениях В.В. Розанова (по материалам отдела рукописей Российской государственной библиотеки) // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 480–489. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-480-489.

Необходимо вначале определить с главными категориями заявленной темы. «Контрапункт» — это музыкаведческий термин, означающий вид сочетания различных мелодий в разных голосах, основанный на гармоническом равноправии голосов. Он был переосмыслен М.М. Бахтиным, «придавшим

ему более широкое философско-эстетическое значение, характеризующее не только стиль литературного романа, но и метод познания, концепцию мира и человека, способ отношений между людьми, мировоззрениями и культурами». Наряду с термином «контрапункт», мыслитель использовал и другие синонимы из данного лексического ряда: полифония, диалог, полемика, дискуссия, спор и т. д. [1, с. 435]. Таково определение современной философской энциклопедии.

Переосмыслению музыкальной терминологии философ и культуролог М.М. Бахтин, как известно, посвятил свою знаменитую работу «Проблемы поэтики Достоевского» (1929). В ней мы сталкиваемся с первым противоречием. Сам автор причислял В.В. Розанова, наряду с А.Л. Волынским, Д.С. Мережковским и Л. Шестовым, к исследователям творчества Ф.М. Достоевского, следовавшим традиционным методам философской монологизации, который пытается «втиснуть показанную художником множественность сознаний в системно-монологические рамки единого мировоззрения» [2, с. 5].

Смею предположить, что в своем утверждении монологического метода в исследованиях В.В. Розанова создатель теории диалогизма в литературном мире М.М. Бахтин опирался на самые ранние работы мыслителя. Прежде всего, речь идет о «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» 1891 г., в которой автор и правда не выходит за рамки традиционного монологического метода писателей-прозаиков [3].

Частично возникшую проблему снял А.А. Кожин, утверждающий что сам подход к стилистике повествования в произведениях В.В. Розанова опирается, прежде всего, «на выразительные возможности монологического слова, а воспринимается читателем как диалогичное, но при этом исходящее от лица автора» [4, с. 1420]. Диалогизм творческого метода В.В. Розанова доказывается исследователем исходя из самых известных розановских творений «Уединенного» и других произведений в том же литературном формате, оставляя за скобками другие публикации мыслителя. Прежде всего, мы имеем в виду его публикации писем к себе с обширными авторскими ком-



В.В. Розанов во время преподавания
в гимназии г. Ельца 5 июня 1889 г.
Фото. ОР РГБ. Ф. 349. К. 10. Ед. хр. 20. Л. 2 об.

ментариями, хотя именно оригинальные розановские комментарии и привели во многом к непревзойденному по сей день построению книги «Уединенное». Если в литературоведении со временем утверждается словосочетание «жанр “Уединенного”», то до четкого определения эпистолярно-диалогичной литературы В.В. Розанова еще сравнительно далеко. Тем более, что «в “чистом виде” жанр воплощается редко уже потому, что ему трудно существовать в состоянии постоянного самоопределения» [5, с. 98].

Учитывая вышесказанное, большинство современных исследователей творчества В.В. Розанова видят в нем продолжателя полифонической линии, столь ярко представлен-

ной в творчестве его самого любимого автора Ф.М. Достоевского. Диапазон исследований этих ученых достаточно широк: от американских филологов 1970-х гг. [6] до современных отечественных философов.

Философ А.А. Грякалов в последней монографии настаивает, что именно «Розанов создает особый ход мысли, одновременно дискурсивный — *письмо*, и экзистенциальный — *жизнь*. Внимание Розанова смещается от понимания бытия к бытию как пониманию — эти идеи сближают позицию Розанова <...> с философией диалога М.М. Бахтина» [7].

Можно полностью присоединиться к позиции А.А. Грякалова и белгородской исследовательницы С.М. Климовой, утверждавшей, что «книга М. Бахтина “Проблемы поэтики Достоевского” позволяет одновременно проникнуть и в поэтику В. Розанова, во многом повторившего диалогику Ф.М. Достоевского» [8].

Профессору Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, философу М.А. Маслину методы работы В.В. Розанова над текстом даже напомнили современное живое «интерактивное общение» в электронных сетях [9, с. 107]. К такому умозаключению исследователь пришел в ходе изучения жанровых особенностей розановской прозы в задуманной мыслителем в 1910-х гг. серии книг под общим названием «Литературные изгнанники».

В.В. Розанов высказал желание развить публикацию писем к себе до серийного книжного формата «Литературных изгнанников», и даже сделал наброски будущего плана издания [10, с. 496]. При жизни составителя свет увидел, к сожалению, лишь первый том из названного собрания. Отчасти его замыслы нашли воплощение только в недавнее время с помощью современных литературоведов.

Это стало возможным во многом благодаря тому, что мыслителем еще при жизни был собран и бережно передан на общественное хранение тщательно подобранный архив писем своих корреспондентов. Он задумывался составителем в виде книжной серии «Литературные изгнанники». Целые комплексы подобного рода корреспонденции нашли свое пристанище в фондохранилище отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) и получили отражение в предыдущих

наших исследованиях [11; 12]. Этот эпистолярный В.В. Розанов начал передавать в Румянцевский музей еще при жизни, сам задав начальную структуру систематизации собственного архива.

Печатавшиеся в наши дни письма его корреспондентов уже были пополнены ответными письмами В.В. Розанова. В его собрании сочинений филолог В.А. Фатеев опубликовал [13] полный корпус писем С.А. Рачинского В.В. Розанову из ОР РГБ [14] и ответных писем, хранящихся в ОР РНБ [15]. Редактор-составитель собрания сочинений А.Н. Николюкин представил в полном виде переписку В.В. Розанова с Н.Н. Страховым [16] (чьи письма также хранятся в ОР РГБ) [17].

В предисловии к первой публикации писем своей корреспондентки Веры Мордвиновой-Шульц В.В. Розанов раскрыл принципиальные положения своего творческого метода, перекликающегося с бахтинским диалогизмом и опирающегося на использование писем:

«“Письмо” есть, в сущности, древнейшая и прекраснейшая форма литературных произведений, — естественная, простая, искренняя и которая может обнять всякое решительное содержание. Не невероятно, что самая “письменность”, т. е. литература, возникла именно из “писем”. Разумеется, письмо особенно хорошо такое, которое не предназначалось для печатания, которое есть просто частное письмо» [13, с. 614].

Наши литературоведы уже обратили внимание на факт особенно пристального интереса В.В. Розанова к публикации писем великих творцов отечественной культуры. В первую очередь это относится к В.С. Соловьеву (1853–1900), С.А. Рачинскому (1833–1902), Н.Н. Страхову (1828–1896), А.С. Суворину (1834–1912) и Ю.Н. Говорухе-Отроку (1850–1896).

В.В. Розанов особо подчеркивал значимость этого сравнительно нового эпистолярно-диалогического дискурса в литературном процессе, поскольку только письма выдающегося человека дают возможность зафиксировать его духовный портрет и душевное состояние в конкретный момент, без какого-либо редакторского участия. Как он сам выразился на первых подступах к новой форме многоголосной эпистолярной прозы по поводу В.С. Соловье-

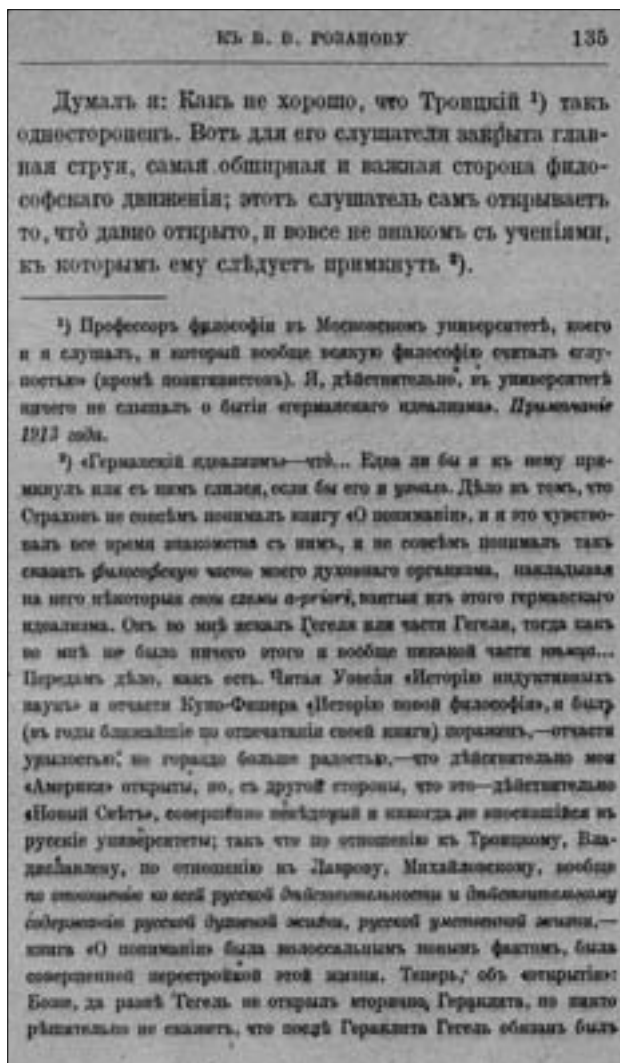


В.В. Розанов. Фото с дарственной надписью дочери Вере на паспарту. Санкт-Петербург. 1913. ОР РГБ. Ф. 249. К. 10. Ед. хр. 23. Л. 1.

ва: «Письма <...> дают “живую фотографию” философа в его будничной домашней обстановке <...> мысли — иногда глубочайшей философской содержательности, — чередуются с остротами то над собой, то над ближними» [18, с. 385].

Действительно, если задуматься, письмо предполагает придать литературную форму мысли, чувству и сиюминутному душевному состоянию автора. Соответственно, оно направлено на восприятие другого и, подобно дневнику, предполагает иного читателя.

Помимо признания писем в качестве ведущего инструмента своего творческого литературного метода, В.В. Розанов широко использовал в публикациях примечания и комментарии к письмам корреспондентов. В совокупности с текстами писем они и образуют его уникальный полемичный стиль в публицистических работах и непревзойденный уровень комментатора эпистолярных текстов.



Страница книги В.В. Розанова «Литературные изгнанники». Санкт-Петербург. 1913.

К примечаниям в письмах своих корреспондентов В.В. Розанов прибегал в качестве полемического приема при использовании диалогического метода при публикации писем деятелей отечественной культуры. Согласно теории М.М. Бахтина, «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом)» [19, с. 384], в результате чего неизбежно складываются полифонические формы мышления, созданные в новой литературной стилистике, в розановском случае — в эпистолярно-диалогической.

Например, старший наставник В.В. Розанова при вступлении его на литературное поприще С.А. Рачинский, в отличие от своего подопечного, строго следовал православным

догматам христианства и вел достаточно аскетический образ жизни. Это позднее отмечал и сам В.В. Розанов, осознав в 1915 г. целую «пропасть», отделявшую его от С.А. Рачинского: «пропасть возраста, пропасть сословная, пропасть образования» [20, с. 478]. Основное же отличие он видел именно в разнице темпераментов: «Я — весь неустроенный, хаотичный, с “ни да, ни нет”, боязливый, испуганный, смятенный, с “дрожанием” за мамочку, за Танюшку, “до которых ему, в сущности, не было дела”. Он — церковен, соблюдал все посты, и чтобы “вступить в распрю с Церковью” — это ему и на ум не могло придти» [20, с. 478–479].

Комментатор писем С.А. Рачинского, напротив, в годы резкой полемики с церковными публицистами, вступил, что называется, в широкую распрю, пытаясь отстоять легитимность своего брака в глазах церкви. Эта коллизия создавала необходимый нерв драматичности отношений автора писем С.А. Рачинского и адресата и комментатора публикуемых писем В.В. Розанова.

Помимо этого, используя значительный временной интервал между получением письма и написанием комментария, В.В. Розанов нередко использовал полемические приемы для превращения прошедшей давно дискуссии в решение актуальных для него задач в современном мире.

Публикуя в 1913 г. книгу «Литературные изгнанники», мыслитель впервые применил диалоговый принцип комментариев не в обычно-вспомогательном значении, «а основным компонентом, образующим структуру книги. Говоря языком современного литературоведения, книга Розанова стала одним из ярких примеров интертекста с его диалогичностью и вариативностью» [21, с. 418].

Мыслитель совершенно сознательно применил форму, которая уводит достаточно далеко от сентиментальных «обманов и Ричардсона и Руссо», строивших текст на плавном изложении переписки двух сторон. Розанов отказался от публикации своих ответных писем, на что исследователи уже давно обратили внимание. При этом оказалось, что отсутствие текстов писем самого В.В. Розанова в представленном им новом литературном жанре «совсем не ослабляет,

а скорее усиливает диалогичность между корреспондентами» [22, с. 125]. В этой связи констромской филолог Н.К. Кашина назвала оригинальную розановскую форму «Литературных изгнанников» уже «не только филологическим романом в письмах, но и романом в комментариях (или в примечаниях)» [23, с. 42].

Помимо светских мыслителей вроде С.А. Рачинского, В.В. Розанов широко использовал в своей журнальной и газетной публицистике письма духовенства и богословов в качестве новых форм литературных дискуссий. Полемист привлекал их мнения, обращенные к нему в эпистолярной форме, как весомую аргументацию в процессе религиозно-философских дискуссий интеллигенции с иерархами церкви по вопросам о назревших к тому времени церковных реформах. Согласно А.А. Грякалову, в данном случае мыслитель «создает параллельное — *совместное* — письмо: тексты (“письма”) других авторов <...> допускают авторскую множественность» [24, с. 21]. Примером такой множественности может служить частое использование публицистом анонимных текстов из писем к себе богослова Н.Н. Глубоковского, одно из которых в статье «Наши церковные дела» («Новое время». 1906. 26 мая) даже повлияло на перемену политического курса газеты «Новое время» в вопросе о восстановлении патриаршества в России. С резкого отрицания газета постепенно перешла к поддержке идеи восстановления патриаршего престола в Русской православной церкви.

Говоря о комплексе писем, широко использованных В.В. Розановым в религиозно-философских журнальных полемиках, нельзя миновать обширного пласта писем протоиерея Александра Петровича Устьянского (1854–1922), которого некоторые называют «первым российским “обновленцем”» [25, с. 83]. Он был чуть ли не единственным протоиереем, полностью принявшим метафизические теории творцов неохристианства в ходе религиозно-философских собраний. С 1898 г. в цикле его полемических печатных материалов «Брак и христианство (Моя переписка с православным священником)»¹ В.В. Розанов публиковал

письма протоиерея со своими обширными замечаниями и комментариями.

Немалое число писем собрал В.В. Розанов и от богослова, профессора Харьковского университета Иоанна Иоанновича Филевского (1865–1925?). Горячие дискуссии с ним в стенах Религиозно-философских собраний нашли свое закономерное продолжение и в периодической печати. В.В. Розанов нередко использовал письма законоучителя в полемических публикациях газеты «Новое время» и журнала «Новый путь»². В.В. Розанов признавался, что смотрел на него «как на первого в нашей духовной литературе лирического писателя по церковным вопросам или, точнее, философско-религиозно-церковным» [26].

Новаторские формы эпистолярных дискуссий носили для В.В. Розанова только начальные способы самовыражения в публицистической форме и постепенно приближали мыслителя к итогу оригинального, доступного на каком-то интуитивном уровне эпистолярно-диалогического творчества, обретшего в финале комментируемые собрания писем «Литературные изгнанники». О тщательной работе над текстами этого формата свидетельствует совместный труд современных литературоведов «В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев: материалы неизданной книги “Литературные изгнанники”. Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н. Леонтьеве. Комментарии» [27].

Стилистика В.В. Розанова — публикатора писем, создавала внутренний контрапункт драматического напряжения в процессе литературной полемики, возникающей в ходе примечаний к письмам корреспондентов. Эмоциональный накал, возникавший в процессе заочного эпистолярного диалога, лишний раз подтверждает многоплановую полифонию прозы мыслителя. Это еще раз указывает на В.В. Розанова не просто как на писателя и журналиста, но и как на незаурядного философа, для которого постановка проблемы имела уже характер диалога. Сам процесс литературно-

¹ См. газету «Русский труд». 1898. № 47. 21 нояб. С. 21–22; № 48. 28 нояб. С. 20–22; № 49. 5 дек. С. 20–21;

№ 50–51. 12 дек. С. 30–34; № 52. 23 дек. С. 18–22; Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. Санкт-Петербург, 1901. С. 91–136.

² Розанов В.В. Из переписки свящ. И. Филевского // Новый путь. 1903. № 4. С. 116–134.

го творения неизменно отражал у писателя дискурсивный характер его образа мышления, показывал читателю создателя новых форм самовыражения в книге.

Список источников

1. Силичев Д.А. Полифония // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина; сост. П.П. Апрышко. – Москва : Алгоритм, 2007. С. 435–436.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Augsburg : im Werden-Verlag, 2002. 167 с.
3. Розанов В.В. «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского // Русский вестник. 1891. № 1. С. 233–274; № 2. С. 226–264; № 3. С. 215–252; № 4. С. 251–275.
4. Кожин А.А. Диалогичность // Розановская энциклопедия. Москва : РОССПЭН, 2008. С. 1420–1421.
5. Федякин С.Р. Художественная проза Василия Розанова. Жанровые особенности. Москва : Литературный институт им. А.М. Горького, 2014. 102 с.
6. Crone A.L. Rozanov and the End of Literature: Polyphony and the Dissolution of Genre in «Solitaria» and «Fallen leaves». Würzburg : JAL-Verlag, 1978. 146 p.
7. Грякалов А.А. Василий Розанов. Санкт-Петербург : Наука, 2017. С. 97–98.
8. Климова С.М. Проблемы поэтики Достоевского—Розанова—Бахтина. Индивидуальная авторская мифология писателя как инвариант русской культуры // VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 года. Секция 8. Человек и культура в литературоведении XIX–XX вв. Санкт-Петербург : СПбГУП. С. 379–381.
9. Маслин М.А. Первый русский блоггер до эпохи Интернета. Еще раз о рукописности философии Василия Розанова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, вып. 2. С. 104–112.
10. Розанов В.В. Опавшие листья // О себе и жизни своей / сост., предисл., коммент. В.Г. Сукача. Москва : Московский рабочий, 1990. 876 с.
11. Ломоносов А.В. Эпистолярный архив В.В. Розанова в контексте книжной культуры России // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 736–746. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-736-746.
12. Ломоносов А.В. В.В. Розанов о «последних временах» в России в конце Первой мировой войны // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 2. С. 250–255. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-250-255.
13. Розанов В.В. Собрание сочинений : в 30 т. [Т. 29]. Литературные изгнанники. Кн. 2. П.А. Флоренский, С.А. Рачинский, Ю.Н. Говоруха-Отрок, В.А. Мордвинова / подгот. текста и коммент. А.Н. Николюкина, С.М. Половинкина, В.А. Фатеева. Москва : Республика ; Санкт-Петербург : Росток, 2010. 957 с.
14. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 249 (Архив В.В. Розанова). М. 4205. Ед. хр. 1–6.
15. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 631 (Архив С.А. Рачинского). Оп. 1. Ед. хр. 61–81.
16. Розанов В.В. Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым / подгот. текста А.Н. Николюкина и П.П. Апрышко // Собр. соч. : в 30 т. [Т. 13]. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва : Республика, 2001. С. 7–316.
17. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 249 (Архив В.В. Розанова). М. 3820. Ед. хр. 1–3.
18. Розанов В.В. Сборник писем Влад. Соловьева // Собр. соч. : в 30 т. [Т. 16]. Около народной души. Статьи 1906–1908 гг. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва : Республика, 2003. С. 384–385.
19. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979. 424 с.
20. Ломоносов А.В. Корреспонденты В.В. Розанова (Биобиблиографические комментарии к записям В.В. Розанова на письмах, хранящихся в НИОР РГБ) // Записки отдела рукописей. Москва, 2004. Вып. 52. С. 436–576.
21. Воронцова Т.В. Комментарии // Розанов В.В. Собр. соч. : в 30 т. [Т. 13]. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николюкина. Москва : Республика, 2001. С. 417–420.
22. Нонака Сусуму. Примечания к чужим письмам как способ медиальной диалогичности В. Розанова («Литературные изгнанники» и др.) // Acta Slavica Iaponica. Саппоро : Центр славянско-ев-

- разийских исследований Университета Хоккайдо, 2009. Т. 27. С. 125–138.
23. Кашина Н.К. Переписка писателей как прообраз филологического романа (По письмам В. Розанова) // Энтелехия. 2011. № 23. С. 39–46.
 24. Грякалов А.А. Письмо и субъективность: опыт В.В. Розанова // Мысль. 2013. Вып. 14. С. 18–24.
 25. Воронцова И.В. Протоиерей Александр Устьинский и «реформатор» Василий Розанов. История духовного суда над протоиереем Александром Устьинским, изложенная в переписке 1903 года // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2 : История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 36. С. 83–101.
 26. Розанов В.В. Младокатолическое движение // Собр. соч. : в 30 т. [Т. 15]. Русская государственность и общество. Москва : Республика, 2005. С. 143–147.
 27. В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев : материалы не-изданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н. Леонтьеве. Комментарии / [Ин-т мировой лит. Рос. акад. наук ; сост. Е.В. Иванова ; изд. подгот. : А.П. Дмитриев, В.Н. Дядичев, Е.В. Иванова, Г.Б. Кремнев, П.В. Палиевский]. Санкт-Петербург : Росток, 2014. 1182 с.

The Epistolary Counterpoint in V.V. Rozanov's Polemic Works (On the Materials of the Manuscripts Department of the Russian State Library)

Aleksey V. Lomonosov

Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia

E-mail: lomonosov-1962@yandex.ru

Abstract. *The article presents the categories of the declared topic (counterpoint, dialogism). It considers a viewpoint on the method of philosophical monologue in V.V. Rozanov's works. In contrast to previous studies, the article shifted the focus of consideration of the creative method of V.V. Rozanov towards publication of his correspondents' letters. The author joins the scientists who consider polyphonism to be the main method of poetics of V.V. Rozanov's works. The article deals with the principal ideas of the dialogic method used by the thinker to work with the texts of the letters. The article notes the novelty in Russian literature of the epistolary-dialogical genre used by the writer during the publication of letters of such prominent figures of Russian culture as V.S. Solovyov, S.A. Rachinsky, N.N. Strakhov, which are now stored in the Manuscripts Department of the Russian State Library. V.V. Rozanov's*

use of notes and comments to letters of his correspondents can be considered priority, marking the beginning of his unique polemic style, which eventually grew into the unsurpassed author's genre of "fallen leaves". It is noted that it was V.V. Rozanov who managed to turn the genre of notes from an auxiliary component of book's content into the main one. In addition to well-known epistolary publications in the series "Literary Exiles", the article draws attention to the fact that V.V. Rozanov uses letters of the clergy in the course of the religious and philosophical discussions of the early 20th century on modernization of the Church. The article confirmed the point of view that V.V. Rozanov used the dialogical method while creating the texts of his publications, by the example of his work with letters in the unique genre of "Literary Exiles" and in early polemical works. There is shown that the process of literary creation in V.V. Rozanov's works invariably reflects the discursive nature of his way of thinking and exhibits before the reader the creator of new forms of self-expression in literary creativity.

Key words: V.V. Rozanov, counterpoint, dialogism, correspondents, epistolary-dialogical genre, notes to letters.

Citation: Lomonosov A.V. The Epistolary Counterpoint in V.V. Rozanov's Polemic Works (On the Materials of the Manuscripts Department of the Russian State Library), *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 480–489. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-480-489.

References

1. Silichev D.A. Polyphony, *Russkaya filosofiya: Entsiklopediya* [Russian Philosophy: Encyclopedia]. Moscow, Algoritm Publ., 2007, pp. 435–436 (in Russ.).
2. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Augsburg, im Werden-Verlag, 2002, 167 p.
3. Rozanov V.V. "The Legend of the Grand Inquisitor" by F.M. Dostoevsky, *Russkii vestnik* [Russian Messenger], 1891, no. 1, pp. 233–274, no. 2, pp. 226–264, no. 3, pp. 215–252, no. 4, pp. 251–275 (in Russ.).
4. Kozhin A.A. Dialogics, *Rozanovskaya entsiklopediya* [Rozanov Encyclopedia], Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 1420–1421 (in Russ.).
5. Fedyakin S.R. *Khudozhestvennaya proza Vasiliiya Rozanova. Zhanrovye osobennosti* [Vasily Rozanov's Artistic Prose. Genre Features]. Moscow, Literaturnyi Institut im. A.M. Gor'kogo Publ., 2014, 102 p.
6. Crone A.L. *Rozanov and the End of Literature: Polyphony and the Dissolution of Genre in "Solitaria" and "Fallen Leaves"*. Würzburg, JAL-Verlag, 1978, 146 p.
7. Gryakalov A.A. *Vasily Rozanov*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, pp. 97–98.
8. Klimova S.M. Problems of the Poetics of Dostoevsky–Rozanov–Bakhtin. The Individual Author's Mythology of Writer as an Invariant of Russian Culture, *VIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 22–23 maya 2008 goda. Sektsiya 8. Che-loveki i kul'tura v literaturovedenii XIX–XX vv.* [The 8th International Likhachov Scientific Readings, of May 22–23, 2008. Section 8. Human and Culture in the Literary Studies of the 19th–20th Centuries]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., pp. 379–381 (in Russ.).
9. Maslin M.A. The First Russian Blogger. Once More on Epistolary Form of Vasily Rosanov's Philosophy, *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2017, vol. 18, issue 2, pp. 104–112 (in Russ.).
10. Rozanov V.V. *Fallen Leaves, O sebe i zhizni svoei* [On Myself and my Life]. Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., 1990, 876 p. (in Russ.).
11. Lomonosov A.V. V.V. Rozanov's Epistolary Archive in the Context of Russian Book Culture, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2017, vol. 14, no. 6, pp. 736–746 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-736-746.
12. Lomonosov A.V. V.V. Rozanov about "The Last Times" of Russia at the End of the First World War, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2018, vol. 15, no. 2, pp. 250–255 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-250-255.
13. Rozanov V.V. *Sobranie sochinenii: v 30 t. Literaturnye izgnanniki. Kn. 2. P.A. Florenskii, S.A. Rachinskii, Yu.N. Govorukha-Otrok, V.A. Mordvinova* [Collected Works: in 30 volumes. Literary Exiles. Book 2. P.A. Florensky, S.A. Rachinsky, Yu.N. Govorukha-Otrok, V.A. Mordvinova]. Moscow, Respublika Publ., St. Petersburg, Rostok Publ., 2010, 957 p.
14. *Manuscripts Department of the Russian State Library*, coll. 249 (Arkhiv V.V. Rozanova), aids 4205, item 1–6.
15. *Manuscripts Department of the National Library of Russia*, coll. 631 (Arkhiv S.A. Rachinskogo), aids 1, item 61–81.
16. Rozanov V.V. Correspondence of V.V. Rozanov with N.N. Strakhov, *Sobr. soch.: v 30 t. Literaturnye izgnanniki. N.N. Strakhov. K.N. Leont'ev* [Collected Works: in 30 volumes. Literary Exiles. N.N. Strakhov. K.N. Leontyev]. Moscow, Respublika Publ., 2001, pp. 7–316 (in Russ.).
17. OR RGB [Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 249 (Arkhiv V.V. Rozanova), aids 3820, item 1–3.
18. Rozanov V.V. Collected Letters of Vladimir Solovyov, *Sobr. soch.: v 30 t. Okolo narodnoi dushi. Stat'i 1906–1908 gg.* [Collected Works: in 30 volumes. Near the People's Soul. Articles of 1906–1908]. Moscow, Respublika Publ., 2003, pp. 384–385 (in Russ.).
19. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, 424 p.
20. Lomonosov A.V. V.V. Rozanov's Correspondents (Bibliographic Comments to the Records of V.V. Rozanov on the Letters Stored in the Manuscripts Department of the Russian State Library), *Zapiski otdela rukopisei* [Notes of the Manuscripts Department]. Moscow, 2004, issue 52, pp. 436–576 (in Russ.).
21. Vorontsova T.V. Comments, *Rozanov V.V. Sobr. soch.: v 30 t. Literaturnye izgnanniki. N.N. Strakhov. K.N. Leont'ev* [Rozanov V.V. Collected Works: in 30 volumes. Literary Exiles. N.N. Strakhov. K.N. Leontyev]. Moscow, Respublika Publ., 2001, pp. 417–420 (in Russ.).

22. Nonaka Susumu. Notes to Other People's Letters as a Method of Medial Dialogics of V. Rozanov ("Literary Exiles", etc.), *Acta Slavica Iaponica*. Sapporo, Tsentr Slavyansko-Evraziiskikh Issledovaniy Universiteta Khokkaido Publ., 2009, vol. 27, pp. 125–138 (in Russ.).
23. Kashina N.K. Correspondence of Writers as a Prototype of the Philological Novel (By V. Rozanov's Letters), *Entelekhiya* [Entelechia], 2011, no. 23, pp. 39–46 (in Russ.).
24. Gryakalov A.A. Letter and Subjectivity: V.V. Rozanov's Experience, *Mysl'* [Thought], 2013, issue 14, pp. 18–24 (in Russ.).
25. Vorontsova I.V. Archpriest Alexander Ustyinsky and "Reformer" Vasily Rozanov. The History of the Spiritual Trial of Archpriest Alexander Ustyinsky, Stated in the Correspondence of 1903, *Vestnik Pravoslavno-go Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church], 2010, issue 36, pp. 83–101 (in Russ.).
26. Rozanov V.V. The Young Catholic Movement, *Sobr. soch.: v 30 t. Russkaya gosudarstvennost' i obshchestvo* [Collected Works: in 30 volumes. Russian Statehood and Society]. Moscow, Respublika Publ., 2005, pp. 143–147 (in Russ.).
27. Ivanova E.V. (ed.) *V.V. Rozanov i K.N. Leont'ev: materialy neizdannoi knigi "Literaturnye izgnanniki". Perepiska. Neopublikovannnye teksty. Stat'i o K.N. Leont'ev. Kommentarii* [V.V. Rozanov and K.N. Leontyev: The Materials of an Unpublished Book "Literary Exiles". Correspondence. Unpublished Texts. Articles about K.N. Leontyev. Comments]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2014, 1182 p.

СБОР ЗАЯВОК НА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ТИРАЖИ КНИГ

Издательство «Пашков дом» объявляет сбор заявок на дополнительные тиражи книг:

- ◆ **Долгодрова Т.А.** Каталог переплетов Якоба Краузе и мастеров его круга. Ч. 2. 512 с. : ил. (Коллекции Российской государственной библиотеки).

В отделе редких книг РГБ хранится единое монолитное собрание переплетов самого прославленного немецкого переплетчика XVI века Якоба Краузе (1526/27—1585). Вторая часть каталога посвящена описанию 255 переплетов работы Якоба Краузе, его ученика Каспара Мойзера (1550—1593) и мастеров его круга.

- ◆ **Глинка Ф.Н.** Молись, душа! / [сост. и авт. послесл. В.П. Зверев]. 743 с. : ил. Впервые современный читатель сможет познакомиться в полном объеме с уникальными произведениями поэта, которые были изданы только в XIX в. и рассеялись по страницам русских литературных альманахов и журналов, а некоторые и совсем не были опубликованы.

- ◆ **Газета «Русь» 1880—1886 годов** : [коллективная монография] / [редкол.: В.Н. Аношкина и др.; сост. ч. 1 С.А. Мухина]. 582 с.

Первая часть издания представляет собой роспись газеты по годам издания, дающую полное представление о ее содержании. Во вторую часть вошли статьи специалистов о проблематике газетных публикаций, об издателе и редакторе газеты И.С. Аксакове и других активных участниках общественной жизни России той поры.

Справки и заказ изданий:

119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5
Российская государственная библиотека, Отдел книжных изданий
+7 (499) 557-04-70, доб. 25-72; Pashkov_Dom.Book@rsl.ru
http://store.rsl.ru/service/pashkov_dom

УДК 378.013:004
ББК 74.480.2
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-4-490-501

Е.Н. ГНАТИК

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ*

Екатерина Николаевна Гнатик,
Российский университет дружбы народов,
кафедра онтологии и теории познания,
профессор
Миклухо-Маклая ул., д. 6, Москва, 117198, Россия
доктор философских наук, профессор
E-mail: ekaterinagnatik@rambler.ru

Реферат. Статья посвящена анализу изменений, происходящих в настоящее время в сфере высшего образования в связи с активной информатизацией этой важнейшей составляющей человеческой культуры. Предпринята попытка продемонстрировать, что новые информационные технологии существенным образом трансформируют рамки традиционного образовательного процесса, создавая не только новые возможности, но и новые проблемы. Значимость образовательного процесса, его особенности

и перспективы в непрерывно меняющихся условиях информационного общества позволяют ставить информатизацию образования в ряд важнейших стратегических проблем государства. Одновременно информатизация является серьезным вызовом педагогической науке и системе образования в целом. Подчеркивается, что изучение специфики воздействия информационной культуры на эту важнейшую сферу человеческой деятельности сталкивается с множеством сложностей, одна из которых состоит в том, что образовательный процесс, как и иные процессы самоорганизации, содержит в себе элементы непредсказуемости. Показано, что широко распространенное мнение о возможностях информационных технологий резко усилить интеллектуальные возможности молодых людей и активизировать их творческий потенциал, повысить мотивацию к учебе, ее эффективность

* Работа выполнена в рамках Инициативного гранта РУДН № 100412-0-000 «Наука и миф».

и результативность является в значительной степени мифологизированным. Применение компьютерных технологий подвергает существовавшему преобразованию не только коммуникативную, но и мыслительную, мотивационную и эмоциональную сферы человека, формирует принципиально новую среду развития и функционирования психических процессов. Проведенный анализ научных исследований психологических последствий информатизации позволяет охарактеризовать компьютерные технологии как новую форму опосредования, существенным образом перестраивающую структуру и динамику человеческой деятельности. Отмечается, что механизмы формирования изменений и их последствия в настоящее время почти не изучены, при этом точно можно сказать одно: исторически сложившиеся стили жизни и формы взаимодействия людей подвергаются кардинальному преобразованию. Разработка концепций информатизации в системе образования должна осуществляться с учетом этих и других рисков.

Ключевые слова: культурное пространство образования, информационная культура, высшее образование, информационно-коммуникационные технологии, миф, образовательный процесс, интеллектуальные способности, технологическая трансформация психических функций.
Для цитирования: Гнатик Е.Н. Роль информационных технологий в культурном пространстве высшего образования: миф и реальность // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 490–501. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-490-501.

Новая глобальная культура оказывает существенное влияние на современную образовательную среду, ориентируя ее на соответствие стандартам информационной эпохи. Система образования в своем стремлении не просто должна отвечать темпам изменения социума, но обрести опережающий характер, находиться в активном поиске путей конструирования новых системных связей с различными сферами деятельности, все активнее внедряя высокотехнологичные методики.

Согласно официальным документам, информатизация образования — это «процесс, направленный на реализацию замысла повышения качества содержания образования, проведение исследований и разработок, внедрение, сопровождение и развитие, замену традиционных информационных технологий на более эффективные во всех видах деятельности в национальной системе образования России» [1, с. 5]. Декларируется, что обучение на базе информационных технологий нацелено на расширение круга учебно-познавательных задач, переход от эпизодического к систематическому управлению учебной деятельностью, изменение ее структуры и динамики.

Значимость образовательного процесса, его особенности, возможности и перспективы в непрерывно меняющихся условиях информационного общества позволяют ставить информатизацию образования в ряд важнейших стратегических проблем государства. Одновременно она является серьезным вызовом педагогической науке и системе образования в целом. Проблема информатизации образования носит междисциплинарный характер: с одной стороны, образование — предмет педагогики, а с другой — это важнейший процесс трансляции культуры. Для того, чтобы радужные перспективы не завершились неожиданным тупиком для общества и каждого человека в отдельности, необходим тщательный и объективный анализ происходящих изменений.

Технологии уже прочно встроены в систему образования, предоставляя новые возможности, источники информации, формат занятий и систему ожиданий. Применение мультимедийных обучающих курсов, тренажеров, вебинаров, телеконференций и других информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) вносит существенные изменения в содержание и организацию учебного процесса, а значит, влияет на качество подготовки специалистов, всю образовательную культуру. Происходит перестройка и развитие ориентировочной и операционально-технической сторон учебной деятельности, изменяются пространственные и временные границы взаимодействия участников процесса. В российских вузах активно внедряются системы управления обучением (Learning Management System, LMS) [2].

По сути, официально декларируется технократический подход к образованию. Эти тектонические сдвиги происходят в рамках Болонского процесса, нацеленного на унификацию образовательных стандартов и национальных систем образования. На основе применения компетентностного подхода, различных электронных образовательных ресурсов, систем тестирования, балльных рейтингов и т. п., а также использования строго регламентированной отчетной документации планируется включить отечественное образование в глобальную систему. По большому счету, ИКТ как новые посредники процесса коммуникации ориентированы на максимальную контролируемость, прогнозируемость и тотальную управляемость процессом образования.

Изучение специфики воздействия информационной культуры на эту важнейшую сферу человеческой деятельности сталкивается с множеством сложностей, одна из которых состоит в том, что образовательный процесс, как и иные процессы самоорганизации, содержит в себе элементы непредсказуемости. На сегодняшний день при обсуждении вопросов информатизации в большинстве научных публикаций отмечается, что использование ИКТ позволяет резко усилить интеллектуальные возможности человека и активизировать творческий потенциал, как правило, путем передачи компьютеру выполнения некоторых видов работ. Весьма распространено мнение, что «внедрение информационных технологий позволяет сделать учебный процесс более индивидуализированным, следовательно, более эффективным. Навыки работы на компьютере, умение искать нужную информацию в сети Интернет повышают мотивацию к учебе, ее результативность» [3]. Подчеркивается, что процессы информатизации играют ведущую роль в формировании информационного общества, основу которого составляют идеи, интеллект, знания [4]. На наш взгляд, данные утверждения являются в значительной степени мифологизированными в части их возможности увеличить эффективность образовательного процесса. Попробуем обосновать свою позицию.

В настоящее время накапливается все больше данных, свидетельствующих о том, что применение компьютерных технологий подвергает

существенному преобразованию не только коммуникативную, но и мыслительную, мотивационную и эмоциональную сферы человека [5, с. 15]. Речь идет в том числе о возможном изменении структурной организации функциональных систем, отвечающих за интеллектуальные способности активных пользователей интернет-ресурсов (а это практически все молодые люди до 30 лет). Нынешние студенты принадлежат к так называемому цифровому поколению, для которого характерны особый способ мировосприятия и возможность параллельного существования в реальном и цифровом мирах.

Электронные учебные ресурсы становятся очень важным, даже определяющим элементом в культурном пространстве образования. Новые информационные технологии существенным образом трансформируют рамки традиционного образовательного процесса, создавая не только новые возможности, но и новые проблемы. В рамках Болонского процесса была провозглашена стратегия рационализации высшего образования. Безусловно, рациональность должна проявляться не только во внешних формах организации, но и в формировании у учащихся рационального мышления. Однако результаты мониторинга интеллектуального развития школьников и студентов демонстрируют, что в настоящее время менее 20% молодых людей обладают полноценным понятийным мышлением [6]. Одна из причин этого кроется в том, что, значительно увеличивая объемы новых знаний, мультимедийные средства кардинально меняют характер их получения. Имеются основания полагать, что информатизация, стимулируя «наиболее удобные» для формализации виды деятельности, способствует постепенному угасанию «конкурирующих» способов познания. Так, легкий доступ к информации вытесняет самостоятельную выработку новых знаний с присущими ей рефлексией и сравнительным анализом. Информация подается, как правило, «в готовом виде», т. е. она уже тщательно обработана и оформлена. Как отмечают специалисты, «важно различать информацию (широкий набор фактов) и знания (результат рефлексии и когнитивной переработки, интеграции и оценки): в технологиях очень много первого и нередко слишком

мало второго... Опасность состоит в восприятии технологии не как инструмента, источника сырого материала, а как содержания и конечного продукта учебного процесса» [7]. Зафиксировано, что чем раньше происходит вовлечение в процессы использования Интернета, тем «в большей степени человек приучается поглощать заготовленные оценки, суждения и умозаключения. Молодой человек “заглатывает” переработанную (“неживую”) информацию, не требующую от него самостоятельного анализа и индивидуальной оценки» [8, с. 58].

Становясь заложниками цифрового мира, люди теряют способность думать, анализировать, самостоятельно принимать решения. Абсолютно обыденным стало использование современными студентами материалов, взятых с сайтов, в качестве конечного и квалифицированного источника информации. В итоге доступность и обилие в информационной среде «полуфабрикатов» знаний приводит к тому, что происходит «разрыв между знанием и опытом познания. <...> Опыт познания, заложенный в классической процедуре реферирования (работа с текстом, реконструкция содержания), сведен в данном случае на нет...» [9, с. 82]. В данной ситуации отсутствуют атрибуты трудоемкой специфической исследовательской деятельности, способствующие формированию необходимых навыков. Кроме того, интерактивность, яркость используемых в процессе обучения технологий нередко стимулирует ожидание развлечения вместо заинтересованности в получении знаний. Весьма высок риск привыкания к имитационному, игровому характеру деятельности. В итоге студент вовлечен в процесс, но не способен вынести из него что-либо новое и полезное для себя. Это очень напоминает тот самый постмодернистский симулякр — «нечто, не имеющее собственного содержания, но достаточно убедительно имитирующее те или иные актуализированные для конкретного субъекта сущности» [10, с. 68]. Такая деятельность не может способствовать освоению учебного материала и привести к позитивным результатам ни для развития личности обучаемого, ни для совершенствования учебного процесса.

Технологическая трансформация когнитивных и психических функций набирает оборо-

ты. Опыт, накопленный в течение последних нескольких лет, свидетельствует: интернет-ресурсы формируют принципиально новую среду развития и функционирования психических процессов. И несмотря на то, что количество эмпирических исследований в рамках данной проблематики пока недостаточно для формирования однозначных выводов, полученные результаты имеют теоретическое и прикладное значение, заслуживая самого серьезного внимания. Растет число научных публикаций, свидетельствующих, что активное использование студентами ИТ-устройств в учебной деятельности сказывается на показателях вербального интеллекта. Среди нежелательных воздействий на когнитивные способности чаще всего отмечаются: низкий уровень концентрации внимания, ухудшение памяти, неспособность к пониманию линейного текста и иерархических отношений. Зафиксировано, что обучающиеся, систематически использующие компьютер для выполнения учебных заданий и просмотра фильмов, демонстрируют более низкий уровень понятийного мышления и менее развитый навык чтения. Вывод специалистов гласит: «Применение ИТ-технологий в образовании в тех формах, в которых это происходит в настоящее время, как минимум не способствует развитию вербального интеллекта» [11, с. 143].

Тренировка мозга осуществляется по аналогии с тренировкой мышц, соответственно, чем больше умственных усилий человек совершает, тем выше его интеллектуальный уровень. Особенно важна тренировка мозга в детские и юношеские годы, так как именно тогда происходит формирование основ личности, базовое обучение и овладение профессиональными навыками. Практикующий немецкий психиатр М. Шпитцер утверждает, что «с помощью тщательно проведенных экспериментов удалось доказать, что включение вновь образовавшихся нервных клеток в сеть происходит благодаря именно тому виду деятельности, для которого они, собственно, и созданы: благодаря обучению. Однако для того чтобы новые нейроны успешно встроились в сеть, учиться надо отнюдь не чему-то простому: вновь образовавшиеся нервные клетки нуждаются в действительно серьезной нагрузке, в сложных задачах» [12, с. 53].

Традиционная система реализует словесно-логический метод обучения, а значит, существенно меньше, чем компьютерно-ориентированная система, опирается на наглядность учебного материала в образовательном процессе. Ориентация на возможности новых средств и ИКТ неизбежно ведет к визуализации содержания дисциплин [13, с. 508–509]. Результаты исследований свидетельствуют, что тенденция замены чтения или аудирования на просмотр картинок или клипов способствует формированию так называемого клипового сознания; процесс формирования визуальной доминанты мышления идет почти незаметно, и особенно ему подвержены дети и молодежь, не исключено, что изображение постепенно может стать центральным конструктом мышления современного человека [14, с. 150]. В результате потребность в систематическом знании заменяется фрагментарной информацией, порождая нежелание читать, неумение сосредоточиться, анализировать, обобщать, познавать мир и себя [15, с. 209].

Психологами выявлен негативный эффект практики перевода учебников для средней школы и вузов полностью в электронный формат, поскольку освоение текстов с большой «интеллектуальной нагрузкой» с их помощью затруднено [16, с. 123]. М. Шпитцер отмечает: «Раньше тексты читали, сегодня их бегло просматривают, то есть скачут по верхам. Раньше в тему вникали, сегодня вместо этого путешествуют по Интернету (то есть скользят по поверхности информации)» [12, с. 65]. Вывод учебного однозначен: «Чем более поверхностно я вникаю в суть поступившей информации, тем меньше синапсов будет активировано в моем головном мозге, следовательно, и запомню я ее плохо. Понимание этого крайне важно потому, что именно по этой причине цифровые средства массовой информации и коммуникации и Интернет отрицательно влияют на процесс обучения» [12, с. 64–65].

Изучение когнитивных особенностей пользователей ИКТ затрагивает также феномен «многозадачности». Как правило, активные интернет-пользователи демонстрируют высокие показатели в ходе решения множественных задач. Однако одновременное решение большого числа задач в течение длительного времени

приводит к повышенной истощаемости мозговых ресурсов, причиной которой служит высокая «стоимость», «ресурсоемкость» переключения между задачами. Результаты исследований свидетельствуют, что при этом «серьезно нарушается глубина переработки информации, хуже запоминается содержание деятельности, что может быть критично в условиях обучения» [17, с. 128]. М. Шпитцер, также изучавший эту проблему, подчеркивает, что «люди, постоянно выполняющие несколько дел одновременно, активно культивируют у себя два качества — поверхностность и неэффективность. Мнение, что можно хорошо перепрыгивать от задачи к задаче, и что это необходимо для эффективной переработки информации, результаты тестов полностью опровергают. ...Многозадачность — не то, к чему надо приучать молодое поколение. Гораздо более важный навык, которому следует научиться каждому, — умение сосредотачиваться на главном» [12, с. 203–204].

На основе психологического анализа также выявляется влияние технологий на изменения в процессах идентификации человека. В частности, специфическое воздействие на личность человека рассматривается в рамках проблемы, обозначенной как симультанная актуализация параллельных идентичностей [18]. Как известно, ИКТ предоставляют пользователям возможность поддерживать «много открытых окон», например, студенты могут одновременно выступать в нескольких ролях или быстро менять их (присутствовать на лекции и общаться в режиме онлайн с приятелями, управлять автомобилем и смотреть видеофильм и пр.). Таким образом, в любой момент один контекст может быть замещен другим. Специалисты утверждают, что это приводит к «нестабильности идентичностей, легкости в игнорировании противоречий между ними (иначе человек постоянно переживал бы внутренний конфликт)» [7]. «Многооконность», перегруженность различными, зачастую конфликтующими между собой источниками информации ведет к тому, что многие противоречия молодыми людьми просто отрицаются. Есть предположение, что «технологии упрощают формирование идентичности по одним механизмам и делают менее вероятной акту-

ализацию других. В частности, значительно чаще и легче процесс формирования идентичности проходит при доминировании аффективных процессов и снижении возможностей рефлексии и переработки информации» [7]. Пока трудно однозначно спрогнозировать, к чему это может привести, учитывая, что идентичность опосредует влияние новых технологий на установку и поведение.

Интернет неотвратимо становится доминирующей инфраструктурой знания. При этом активному пользователю нет острой необходимости запоминать пласты информации, так как она находится в постоянном доступе. Так называемый эффект Google весьма опасен для когнитивной сферы: «Использование интернет-ресурсов для получения информации способно воздействовать на сознание пользователя, оказывая влияние на его память как систему организации информации в целях предстоящей деятельности» [8, с. 69]. К такому же выводу приходит и М. Шпитцер: «Тот, кто хранит плоды своего умственного труда на цифровых носителях или на “облаке” в Интернете, наряду с уменьшением непосредственной нагрузки на головной мозг получает еще одну проблему. У этого человека полностью исчезает мотивация для запоминания новой информации» [12, с. 93]. Согласно исследованиям, постоянное пользование Интернетом ведет к изменению структуры памяти: люди запоминают не сами факты и данные, а то, как их найти во Всемирной паутине [19].

Вполне оправданы опасения относительно редукации и деперсонификации общения, связанные с постепенным угасанием роли эмоций в традиционном общении, происходящим под прямым и косвенным влиянием ИКТ. Специалисты полагают, что «увеличение времени, проводимого в онлайн-общении, приводит к снижению глубины и интенсивности непосредственного общения и взаимодействия с близкими, а также не позволяет устанавливать глубокие эмоциональные отношения в целом (поскольку онлайн они затруднены). Нюансы, связанные с выражением лица, тоном голоса, позой и жестами, перестают быть важными и теряются» [7]. Выявляются проблемы, связанные с чрезмерной индивидуализацией. Живое общение преподавателей

и учащихся между собой сводится к минимуму, будучи замененным общением в виде «диалога с компьютером», «это приводит к тому, что обучаемый, активно пользующийся живой речью, надолго замолкает при работе со средствами информатизации образования... <...> Обучаемый не получает достаточной практики диалогического общения, формирования и формулирования мысли на профессиональном языке» [4, с. 17]. Чрезмерное увлечение «виртуальным» обучением и тотальным тестированием снижает общекультурный и интеллектуальный уровень учащихся, не способствует развитию их познавательных способностей и в итоге ведет к снижению качества образования. Серьезную трудность для выпускников вузов нередко представляет переход от учебной информации «к самостоятельным профессиональным действиям, иначе говоря, от знаковой системы как формы представления знания на страницах учебника, экране дисплея и т. п. к системе практических действий, имеющих принципиально иную логику, нежели логика организации системы знаков» [4, с. 17].

Отечественные и зарубежные исследователи фиксируют, что серьезные проблемы современной образовательной культуры, связанные с информатизацией высшего образования, во многом есть следствие объективных тенденций общественного развития и современной духовной обстановки. Так, Р. Рапп-Вагнер подчеркивает разрушительное воздействие применения постмодернистских идей в педагогике, отмечая, что для них характерны атака на разум, отвержение субъекта, отрицание науки, разложение ценностей и релятивизм, разрыв с европейской духовной традицией и с проектами модерн [20, S. 353]. На наш взгляд, справедливую критическую оценку постмодернистской атмосфере в современном образовании дал А.П. Огурцов: «Постмодернистские идеологи образования выступают за радикальную реформу школы, за отказ от существующего консенсуса по целям и содержанию образования и воспитания, за индивидуализацию обучения и применение психотехнических средств для изменения сознания... за трактовку знания как субъективной конструкции, социально-психологические методы релятивизации ценностей» [21, с. 84].

Перемены в образовании (как теперь принято формулировать, в сфере реализации образовательных услуг) инициировали тенденцию существенной трансформации содержания труда педагога, а вместе с тем и переоценку отношений «студент — преподаватель». Постепенно переставая быть источником знаний и носителем воспитательных функций, преподаватель все в большей степени становится разработчиком технологий обучения. Активно развивается новое направление педагогической деятельности — создание электронных учебно-методических комплексов с последующим перемещением большей части работы со студентами в телекоммуникационную учебно-информационную систему. В настоящее время формирование ИКТ-компетентности педагогов является одной из важнейших задач в сфере образовательной культуры. Недостаточное владение ИКТ рассматривается как признак профессиональной непригодности преподавателя. Из-за разработки и постоянного обновления рабочих программ дисциплин, фондов оценочных средств, регулярных разнообразных отчетов у педагогов остается катастрофически мало времени и сил для качественной подготовки к занятиям, создания уникального интеллектуального продукта.

Информатизация учебного процесса трансформирует традиционные способы взаимодействия педагога с обучаемым, сужает пространство межличностного общения, которое теперь опосредовано компьютером. Это затрудняет решение познавательных, интеллектуальных, коммуникационных проблем, приводит к увеличению дистанции между субъектами образовательного процесса [13, с. 508—509]. Девальвируется педагогическое мастерство и авторитет преподавателя: «Человек-личность теперь не интересен... в силу чрезмерной формализации процесса и изменения сути высшего образования, формирующего не духовный мир молодых людей, готовых и способных к раскрытию своего потенциала в будущих профессиональных отношениях, а “правильных” потребителей с набором требований и компетенций» [6, с. 135—136]. Постепенно такая ситуация становится нормой, и уже не столь шокирующе воспринимается суждение о том, что «практика чтения лекций под запись соответ-

ствует условиям середины прошлого века. Сегодня студент может получить любой текст и даже отредактировать его по своему усмотрению, снабдить комментариями и пр. Преподаватель только сопровождает, консультирует и контролирует этот процесс, он становится в полном смысле Тьютором, поскольку непосредственный контакт с обучаемым все больше перетекает в виртуальный или дистанционный» [22].

Однако минимизация непосредственного общения студентов с преподавателями — традиционными трансляторами знаний — означает лишение молодого поколения мудрых наставников. Доступ к онлайн-курсам из различных университетов не может заменить собой контакт офлайн с преподавателем как индикатором культурных ценностей. Выпадение из сегодняшней образовательной цепочки педагога, превращение его в «консультанта», некоего репетитора, разрабатывающего оптимальный индивидуальный сценарий обучения, разрушительно для высшей школы: «Вне личного взаимодействия педагога и студента нет образования. Есть имитация какой-то деятельности, есть оплата за соответствующие услуги, есть в конце концов какой-то диплом, но нет образования» [10, с. 67].

Очевидно, что на современном этапе особую ценность приобретает такая интегральная профессионально значимая характеристика личности педагога, как стрессоустойчивость. Существенное возрастание нагрузки на преподавателя не может не сказываться на увеличении риска развития профессиональной деформации. Специалисты фиксируют, что преподаватели входят в группу риска в формировании синдрома эмоционального выгорания, поскольку их деятельность связана с большими нервно-психическими перегрузками, интенсивным общением с людьми, частым эмоциональным перенапряжением, физическим и умственным истощением. Речь идет как о физиологических факторах (повышенная нагрузка на зрительный и слуховой анализаторы, речевой аппарат и т. д.), так и о психологических (отсутствие свободы выбора объекта работы, постоянная необходимость «держаться в форме», не расслабляться, быть внимательным; частое переключение внимания, большое количество контактов, межличностные кон-

фликты и пр.) [23, с. 72–73]. Образовательные реалии таковы, что в отдельных ситуациях это является своеобразным пусковым механизмом для возникновения психосоматических заболеваний и невротических срывов [24]. Особое внимание ученых к исследованию проблемы, связанной с сохранением и поддержанием психоэмоционального здоровья педагогов и повышением их профессиональной эффективности [25–27], весьма значимо для современного общества, поскольку позволяет глубже понять причины различных профессиональных изменений, деструкций, эмоционального выгорания и спрогнозировать профессиональные риски.

В заключение отметим, что индустрия ИКТ порождает множество мифов, самый популярный из которых повествует об особой, стратегической роли ИКТ в деятельности любой организации. Очевидно, что активное внедрение данного мифа в общественное сознание исправно служит главной цели индустрии — получение конкурентного преимущества и сверхприбыли [28]. Еще раз подчеркнем: анализ исследований психологических последствий информатизации позволяет охарактеризовать ИКТ как новую форму опосредования, существенным образом перестраивающую структуру и динамику человеческой деятельности [5, с. 14]. Механизмы формирования изменений и их последствия в настоящее время почти не изучены. Пока точно можно сказать одно: исторически сложившиеся стили жизни и формы взаимодействия людей подвергаются кардинальному преобразованию. Серьезной проблемой может стать формирование чрезмерно рационализированного и дегуманизированного типа общественных отношений, поскольку за этим может последовать демонтаж традиционного общества [29].

Разработка концепций информатизации в системе образования должна осуществляться с учетом этих и других рисков. Безусловно, проблема информатизации сферы образования не может рассматриваться лишь как инструментально-технологическая или как проблема насыщения сферы образования средствами информатики и создания на их основе педагогических инструментов. Сегодня актуализируется вопрос о последствиях изменения целей образования, его принципиально новой ориентации на

проблемы информационной цивилизации. Необходимы систематические и неангажированные научные исследования с целью получения ответа на вопрос, действительно ли информационные технологии могут стать высокоэффективным средством поддержки педагогического процесса. И если ответ положительный, то что именно следует предпринять в этих целях уже сегодня. Действительно ли образовательная деятельность на основе интенсивно внедряемых ИКТ способствует повышению качества подготовки специалистов, обладающих прочными фундаментальными знаниями, готовых к решению новых нестандартных, сложных задач в условиях всевозрастающей изменчивости окружающего мира. И как декларируемые цели фундаментализации содержания образования согласуются с тем обстоятельством, что проект переустройства системы воспитания и образования осуществляется в рамках идеологии постмодернизма. На наш взгляд, средство не должно рассматриваться в качестве цели. В ходе активного внедрения ИКТ в образовательный процесс необходимо не забывать главное: истончение интеллектуального культурного слоя для любого социума чревато самыми драматическими последствиями.

Список источников

1. Концепция информатизации сферы образования Российской Федерации // Проблемы информатизации высшей школы. Бюллетень. Москва, 1998. № 3–4. 322 с.
2. Розанова Н.М. Преподавание в эпоху digital generation: обучение с использованием LMS // Terra economicus. 2012. Т. 10, № 4. С. 139–149.
3. Сакович С.И., Павлова Я.В. Информатизация образования [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 11(55). URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/11/59010> (дата обращения: 07.06.2018).
4. Григорьев С.Г., Гриншкун В.В. Информатизация образования. Фундаментальные основы : учеб. для студентов педагогических вузов и слушателей системы повышения квалификации педагогов. Москва, 2005. 241 с.
5. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вест-

- ник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1996. № 4. С. 14–20.
6. *Понизовкина И.Ф.* Перспективы или тупики современного «глобального» российского образования? // Человек и общество в контексте современности. Философские чтения памяти профессора П.К. Гречко : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Москва : РУДН, 2017. С. 127–137.
7. *Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш.* Технологии и идентичность: трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал. 2012. № 9(17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tehnologii-i-identichnost-transformatsiya-protseessov-identifikatsii-podvliyaniem-tehnicheskogo-progressa> (дата обращения: 07.06.2018).
8. *Черемошкина Л.В.* Влияние интернет-активности на мнемические способности субъекта // Психология : журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 3. С. 57–71.
9. *Галкин Д.В.* Проблемы образования в контексте информатизации: в поисках модели критической педагогики [Электронный ресурс] // Гуманитарная информатика. 2005. № 2. С. 81–88. URL: http://journals.tsu.ru/huminf/&journal_page=archive&id=1166&article_id=30499 (дата обращения: 07.05.2018).
10. *Запесоцкий А.* Симуляция образования или образование симуляции? // Высшее образование в России. 2005. № 7. С. 65–69.
11. *Березовская И.П., Новикова Е.С.* Современное образование: Проблема влияния ИТ-активности на вербальный интеллект [Электронный ресурс] // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (244). С. 140–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-obrazovanie-problema-vliyaniya-it-aktivnosti-na-verbalnyy-intellekt> (дата обращения: 07.05.2018).
12. *Шпитцер М.* Антимозг: цифровые технологии и мозг. Москва : АСТ, 2014. 288 с.
13. *Осипова С.И., Баранова И.А., Игнатова В.А.* Информатизация образования как объект педагогического анализа // Фундаментальные исследования. 2011. № 12–3. С. 506–510.
14. *Паниотова Т.С., Митрохина М.В.* Феномен мобилографии как новая форма репрезентации идентичности // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 146–156.
15. *Андреев И.Л.* Взаимосвязь сознания и поведения человека // Новое в науках о человеке / отв. ред. Г.Л. Белкина. Москва : ЛЕНАНД, 2015. С. 195–210.
16. *Тхостов А.Ш.* Трансформация высших психических функций в условиях информационного общества // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий) / отв. ред. Г.Л. Белкина. Москва : ЛЕНАНД, 2016. С. 120–132.
17. *Богачева Н.В.* Компьютерные игры и психологическая специфика когнитивной сферы геймеров // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2014. № 4. С. 120–130.
18. *Thomee S., Harenstam A., Hagberg M.* Mobile Phone Use and Stress, Sleep Disturbances, and Symptoms of Depression among Young Adults — a Prospective Cohort Study [Электронный ресурс] // BMC Public Health. 2011. V. 66. P. 66. URL: <http://www.biomedcentral.com/1471-2458/11/66> (дата обращения: 07.05.2018).
19. *Sparrow B., Liu J., Wegner D.* Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. 2011. Vol. 333, № 6043. P. 776–778.
20. *Rapp-Wagner R.* Postmoderne Denken und Pädagogik: eine kritische Analyse aus philosophisch-anthropologischer Perspektive. Bern ; Stuttgart ; Wien, 1997. S. 169–170.
21. *Огурцов А.П.* Антипедагогика: вызов постмодернизма // Высшее образование в России. 2002. № 5. С. 79–86.
22. *Гущин А.В., Львоградский Л.А.* Миссия педагогических вузов в условиях информатизации общества [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2016. № 1. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/140> (дата обращения: 07.05.2018).
23. *Седова И.В.* Психологические факторы эмоционального выгорания педагогов // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 72–76.
24. *Соболева Н.В.* Проблема совладающего поведения и стрессоустойчивости в условиях эффективной профессиональной деятельности педагогов // Молодой ученый. 2016. № 6. С. 707–710.

25. Водопьянова Н.Е. Дисфункции ценностно-смысловой регуляции как факторы риска синдрома выгорания и профессионального здоровья // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2011. № 4. С. 64–72.
26. Митина Л.М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. Москва : Нестор-История, 2014. 700 с.
27. Минияров В.М., Василевская Е.А. Формирование копинг-стратегий педагогов в состоянии эмоционального выгорания // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 1. С. 388–393.
28. Славин Б.Б. Информационные технологии и инновации // Инноватика и экспертиза. 2015. № 2(15). С. 28–37.
29. Родькин П.Е. Непреодолимый посредник: отчуждение человека из процесса коммуникации на примере систем управления обучением // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 204–211.

The Role of Information Technology in the Cultural Space of Higher Education: Myth and Reality

Ekaterina N. Gnatik

Peoples' Friendship University of Russia, 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia
E-mail: ekaterinagnatik@rambler.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of changes that are currently taking place in the sphere of higher education in connection with the active informatization of this most important component of human culture. It attempts to demonstrate that new information technologies essentially transform the framework of the traditional educational process, creating not only new opportunities, but also new problems. The importance of the educational process, its features, opportunities and perspectives in the ever-changing conditions of the information society makes it possible to place informatization of education among the most important strategic problems of the state. At the same time, informatization is a serious challenge to pedagogical science and the education system as a whole. The article emphasizes that the study of the specifics of information culture influence on this most important sphere of human activity faces many difficulties, one of which is that the educational process, like other self-organization processes, contains elements of unpredictability. The article shows that the widely held opinion about the opportunities of information technologies to dramatically strengthen the intellectual capabilities of young people and to activate their creative po-*

tential, increase their motivation for learning, its effectiveness and productivity is largely mythologized. The use of computer technology significantly transforms not only the communicative sphere of people, but also the mental, motivational and emotional ones, and forms a fundamentally new environment for development and functioning of mental processes. The carried out analysis of scientific researches on the psychological consequences of informatization allows us to characterize computer technologies as a new form of mediation, which substantially rebuilds the structure and dynamics of human activity. The article notes that the mechanisms of changes formation and their consequences are almost unstudied at present; at the same time, one thing is certain: the historically formed life styles and forms of human interaction undergo radical transformation. Development of informatization concepts in the education system should be carried out taking into account these and other risks.

Key words: cultural space of education, information culture, higher education, information and communication technologies, myth, educational process, intellectual capabilities, technological transformation of mental functions.

Citation: Gnatik E.N. The Role of Information Technology in the Cultural Space of Higher Education: Myth and Reality, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 490–501. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-490-501.

Acknowledgements.

This article is written within the framework of the Peoples' Friendship University of Russia's Initiative Grant № 100412-0-000 "Science and Myth".

References

1. The Concept of Informatization of Education in the Russian Federation. Moscow, *Problemy informatizatsii vysshei shkoly* [The Problems of Higher School Informatization], 1998, no. 3–4, 322 p. (in Russ.).
2. Rozanova N.M. Teaching at the Digital Generation Age: Using LMS in Educational Process, *Terra economicus*, 2012, vol. 10, no. 4, pp. 139–149 (in Russ.).
3. Sakovich S.I., Pavlova Ya.V. Informatization in Education, *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Researches and Innovations], 2015, no. 11 (55). Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2015/11/59010> (accessed 07.06.2018) (in Russ.).
4. Grigoryev S.G., Grinshkun V.V. *Informatizatsiya obrazovaniya. Fundamental'nye osnovy: ucheb. dlya studentov pedagogicheskikh vuzov i slushatelei sistemy povysheniya kvalifikatsii pedagogov* [Informatization of Education. Fundamentals: textbook for students of pedagogical universities and trainees of the system of teachers' professional development]. Moscow, 2005, 241 p.
5. Arestova O.N., Babanin L.N., Voiskunsky A.E. Communication in Computer Networks: Psychological Determinants and Consequences, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1996, no. 4, pp. 14–20 (in Russ.).
6. Ponizovkina I.F. Prospects or Deadlocks of the Modern “Global” Russian Education? *Chelovek i obshchestvo v kontekste sovremennosti. Filosofskie chteniya pamyati professora P.K. Grechko: sb. materialov Vseross. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Human and Society in the Context of Modernity. Philosophical Readings in the Memory of Professor P.K. Grechko: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. Moscow, RUDN Publ., 2017, pp. 127–137 (in Russ.).
7. Emelin V.A., Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Technology and Identity: Identification Transformation under the Influence of Technical Progress, *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern Research of Social Problems], 2012, no. 9 (17). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/tehnologii-i-identichnost-transformatsiya-protsessov-identifikatsii-podvliyaniem-tehnicheskogo-progressa> (accessed 07.06.2018) (in Russ.).
8. Cheremoshkina L.V. Internet-Activity's Influence on Subject's Mnemonic Abilities, *Psikhologiya: Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2010, vol. 7, no. 3, pp. 57–71 (in Russ.).
9. Galkin D.V. Problems of Education in the Context of Informatization: In Search of a Model of Critical Pedagogics, *Gumanitarnaya informatika* [Humanitarian Informatics], 2005, no. 2, pp. 81–88. Available at: http://journals.tsu.ru/huminf/&journal_page=archive&id=1166&article_id=30499 (accessed 07.05.2018) (in Russ.).
10. Zapesotsky A. Simulation of Education or Formation of Simulation? *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2005, no. 7, pp. 65–69 (in Russ.).
11. Berezovskaya I.P., Novikova E.S. Modern Education: The Impact of the IT-Activity on Verbal Intelligence, *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg Polytechnic University Journal of Engineering Science and Technology. Humanities and Social Sciences], 2016, no. 2 (244), pp. 140–145. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-obrazovanie-problema-vliyaniya-it-aktivnosti-na-verbalnyy-intellekt> (accessed 07.05.2018) (in Russ.).
12. Spitzer M. *Antimozg: tsifrovye tekhnologii i mozg* [Anti-Brain: Digital Technology and the Brain]. Moscow, AST Publ., 2014, 288 p.
13. Osipova S.I., Baranova I.A., Ignatova V.A. Informatization of Education as the Object of Pedagogical Analysis, *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2011, no. 12–3, pp. 506–510 (in Russ.).
14. Paniotova T.S., Mitrokhina M.V. The Phenomenon of Mobilography as a New Form of Identity Representation, *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2016, no. 1, pp. 146–156 (in Russ.).
15. Andreev I.L. The Relationship between Human Consciousness and Behavior, *Novoe v nauках o cheloveke* [The New in Human Sciences]. Moscow, LENAND Publ., 2015, pp. 195–210 (in Russ.).
16. Tkhostov A.Sh. Transformation of Higher Mental Functions in the Information Society Environment, *Problema sovershenstvovaniya cheloveka (v svete novykh tekhnologii)* [The Problem of Human Development (In the Light of New Technologies)].

- Moscow, LENAND Publ., 2016, pp. 120–132 (in Russ.).
17. Bogachova N.V. Computer Games and Cognitive Specifics of Gamers, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2014, no. 4, pp. 120–130 (in Russ.).
18. Thomee S., Harenstam A., Hagberg M. Mobile Phone Use and Stress, Sleep Disturbances, and Symptoms of Depression among Young Adults – a Prospective Cohort Study, *BMC Public Health*, 2011, vol. 66, p. 66. Available at: <http://www.biomedcentral.com/1471-2458/11/66> (accessed 07.05.2018).
19. Sparrow B., Liu J., Wegner D. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips, *Science*, 2011, vol. 333, no. 6043, pp. 776–778.
20. Rapp-Wagner R. *Postmoderne Denken und Pädagogik: eine kritische Analyse aus philosophisch-anthropologischer Perspektive*. Bern, Stuttgart, Wien, 1997, pp. 169–170.
21. Ogurtsov A.P. Anti-Pedagogy: The Challenge of Postmodernism, *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2002, no. 5, pp. 79–86 (in Russ.).
22. Gushchin A.V., Lnogradsky L.A. Model Project Concept of Electronic Information-Educational Environment of Pedagogical High School, *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University], 2016, no. 1. Available at: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/140> (accessed 07.05.2018) (in Russ.).
23. Sedova I.V. Psychological Factors of Emotional Burning Out of Teachers, *Vestnik RUDN. Ser. Psikhologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 2014, no. 1, pp. 72–76 (in Russ.).
24. Soboleva N.V. The Problem of Coping Behavior and Stress Resistance in the Conditions of Teachers' Effective Professional Activity, *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2016, no. 6, pp. 707–710 (in Russ.).
25. Vodopyanova N.E. The Dysfunctions of Value-Semantic Regulation as Risk Factors for Burnout Syndrome and Professional Health, *Psikhiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya* [Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology], 2011, no. 4, pp. 64–72 (in Russ.).
26. Mitina L.M. *Psikhologiya lichnostno-professional'nogo razvitiya sub'ektov obrazovaniya* [The Psychology of Personal and Professional Development of Educational Subjects]. Moscow, Nestor-Istoriya Publ., 2014, 700 p.
27. Miniyarov V.M., Vasilevskaya E.A. The Formation of Coping Strategies of Teachers in the State of Emotional Burnout, *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 17, no. 1, pp. 388–393 (in Russ.).
28. Slavin B.B. Information Technologies and Innovations, *Innovatika i ekspertiza* [Innovatics and Expert Examination], 2015, no. 2 (15), pp. 28–37 (in Russ.).
29. Rodkin P.E. Irresistible Mediator: The Alienation of The Individual from the Process of Communication in Learning Management Systems, *Znanie. Pонимание. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2015, no. 4, pp. 204–211 (in Russ.).

УДК 821.161.1.09Чехов А.П.
ББК 83.3(2=411.2)53-8Чехов А.П.
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-4-502-511

В.С. ЗАЙЦЕВ

ДЛЯ КОГО ПИСАЛ А.П. ЧЕХОВ? ИСТИННОЕ И ЛОЖНОЕ В АКТУАЛИЗАЦИИ КЛАССИКИ

Освоить духовный мир чужой эпохи филология может лишь после того, как она честно примет к сведению отдаленность этого мира, его внутренние законы, его бытие внутри самого себя.

С.С. Аверинцев. Похвальное слово филологии

Виктор Сергеевич Зайцев,

Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля,
Дом-музей А.П. Чехова,
ведущий научный сотрудник
Трубниковский пер., д. 17, стр. 1,
Москва, 121069, Россия

кандидат культурологии

E-mail: vik.zaytsev2014@yandex.ru

Реферат. Представление об актуальности классической литературы и ее адекватности современным идеологическим запросам давно и прочно укоренилось как в массовом, так и в научном сознании. Насколько это представление точно? Не навязывают ли современные

интерпретаторы классическим произведениям те смыслы, которых тексты объективно не содержат? Методологически продуктивными будут отрицательные ответы на поставленные вопросы. Научная трактовка предполагает осознание социокультурной и языковой дистанции между исследователем и объектом изучения. Следствием нарушения этой дистанции является разбираемая в статье ложная актуализация, ведущая к абберациям восприятия и анализа текстов классической литературы вообще и чеховского наследия (рассмотренного в качестве показательного иллюстративного материала) в частности. Актуализация является своего рода предварительной концепцией, предшествующей трактовке текста. Разбор интерпретаций чеховского мировоззрения и творчества (осуществленный М.М. Дуна-

евым, В.Д. Днепровым, Д.Л. Быковым) демонстрирует неадекватность результатов подобных трактовок. Характерно, что М.М. Дунаев и В.Д. Днепров, доказывая диаметрально противоположные точки зрения (о православном и атеистическом характере чеховского творчества), оперируют схожим набором научно некорректных допущений: вырванными из контекста цитатами, неразличением автора и рассказчика и т. п. Кроме того, с утверждениями о созвучии чеховского творчества культурному контексту конца XX — начала XXI в. диссонирует сложная история реальных взаимоотношений писателя с читающей публикой его времени. Существует много доказательств того, что А.П. Чехов как минимум дважды переживал в жизни чувство потери связи с читателем-современником. Это подтверждается письмами и воспоминаниями очевидцев соответствующих периодов (конца 1880-х и начала 1900-х гг.). Кризисы свидетельствуют о сознательной ориентации писателя на запросы читателей-современников. А.П. Чехов писал для людей эпохи, язык которой необходимо изучать современным читателям и интерпретаторам. Это единственное условие адекватности трактовок, несоблюдение которого и приводит к ошибочной актуализации классического наследия.

Ключевые слова: А.П. Чехов, рецепция, классическая литература, интерпретация, ложная актуализация.

Для цитирования: Зайцев В.С. Для кого писал А.П. Чехов? Истинное и ложное в актуализации классики // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 502–511. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-502-511.

Российский литературовед, филолог-классик М.Л. Гаспаров в статье «Филология как нравственность» пишет о необходимости уточнения «рубежа между творчеством писателей и сотворчеством их читателей и исследователей», когда речь идет об интерпретации текста. Частным случаем такого сотворчества для М.Л. Гаспарова была критика, о которой в другой заметке сказано, что это «не

наука о литературе, а литература о литературе» [1, с. 100, 110]. Принципиально эти положения не новы. В разное время о похожих разграничениях между научным и ненаучным пониманиями текста писали формалисты и структуралисты Г.О. Винокур, Б.И. Ярхо и Р.О. Якобсон. Постструктурализм произвел ревизию интерпретационного инструментария литературоведения, возведя, по справедливому замечанию А.Д. Степанова, «эссеизм [т. е. “критику” в гаспаровской терминологии] в ранг нормы научного письма» [2, с. 29]. Примерам методологических последствий неразличения науки о литературе и «литературы о литературе» — без претензий на новое прочтение иллюстративного литературного материала — посвящена данная работа.

Для М.Л. Гаспарова отправной точкой научного подхода к тексту был «простейший вопрос»: для кого написана та или иная книга классика? «Простейший ответ»: не для нас [1, с. 99]. Тезис способен стать маяком при знакомстве со многими проблемами: благодаря чему классическая литература, как нам кажется, отвечает на вопросы, которые волнуют нас сегодня, хотя произведения и написаны десятки лет назад? Есть ли это следствие объективно содержащихся в произведениях потенциалов? Насколько правомерны наши представления о «вечной актуальности» классики, и не навязываем ли мы произведениям смыслы, которых они объективно не содержат? Формулируя основные положения, мы будем в основном обращаться к творчеству А.П. Чехова, подразумевая при этом весь корпус отечественной классической литературы. А иногда и не подразумевая: А.С. Пушкин для неподготовленного современного читателя явление, скорее, «неживое» или мнимо «живое» [3].

Проявлением желания осовременить творчество литературных классиков давно стала формула: «Имярек — наш современник». В.Е. Хализев в этой формуле усматривал «поверхностную риторичность, самодовольную фамильярность, своего рода похлопывание по плечу всемирно прославленных писателей» [4, с. 72]. Примеров можно привести много. Эссе Ю.М. Нагибина «Наш современник — Чехов» начинается с утверждения: «Чехов несомненно самый близкий нам из русских

писателей-классиков» [5, с. 308]; одна из работ В.Д. Днепрова озаглавлена «Достоевский как писатель XX века» [6] и др. На «массовых» уровнях постулат о «современности» часто пользуется спросом в многочисленных юбилейных статьях и газетных материалах (Л.А. Белова «Антон Чехов — наш современник» [7], С. Канноне «Наш современник Антон Чехов» [8], С.М. Халин «Гоголь — наш современник» [9]) и др. Авторы, оперирующие подобными формулами, не смущает их абстрактность. А это свидетельствует о том, что они выражают мысли и чувства реально наличествующие, не пересматриваемые и кажущиеся естественными. Как они формируются и в чем именно ошибочны?

Ошибочны в том, что за аксиому принимается тезис, нуждающийся в доказательствах: действительно ли адекватен конкретной «современности» тот или иной автор, и в каких формах это проявляется. Упомянутое выше читательское сотворчество играет ключевую роль в восприятии литературного произведения, если речь не идет о чтении для научных целей (но, к сожалению, часто и в этом случае — иначе не был бы так популярен диалогический подход). Чем больше расстояние между читателем и эпохой, породившей конкретное произведение, тем выше удельный вес сотворчества и тем меньше — восприимчивость читателя к реально затрагиваемым в произведении проблемам. Получить эстетическое удовольствие от чтения «Божественной комедии» можно, ничего не зная о разногласиях гвельфов и гибеллинов.

«Вненаходимость», о которой писал М.М. Бахтин [10, с. 350–354], — это не залог раскрытия новых смысловых пластов произведения. Это залог навязывания тексту ответов на вопросы, которые актуальны *hic et nunc* (здесь и сейчас). Ощущение, что автор продолжает разговаривать с нами сквозь даль веков, чаще всего иллюзорно. Любое художественное произведение с каждым новым десятилетием становится все более «молчаливым». А то, что мы принимаем за «речь» текста — это наши внутренние монологи, текстом спровоцированные. Имеются в виду не художественные произведения далеких веков. Для утраты понимания многих реалий достаточно считанных

десятилетий. Так, Ю.М. Лотман замечал: «Непосредственное понимание текста “Евгения Онегина” было утрачено уже во второй половине XIX века. <...> Уже пореформенная жизнь плохо помнила быт онегинской эпохи. Что же говорить о современном нам читателе?» [11, с. 11]. Современный читатель в лучшем случае обращается к справочникам и комментариям, но чаще всего механически проецирует собственное мировосприятие на читаемый текст. Актуализация — это неизбежно сотворчество с ориентацией на произведение, но текст из цели превращается в средство. Просто нужно понять, где «заканчивается» текст и «начинается» читатель (даже такой искушенный, как М.М. Бахтин), его мысли и проблемы. Зачастую текст и не «начинается» вовсе, целиком и полностью являясь отправной точкой рефлексии реципиента.

Показательны противоречия, которые испытывал, например, все тот же М.М. Бахтин, чья диалогическая концепция базируется на абсолютизации читательского сотворчества: «Понимать текст так, как его понимал сам автор данного текста. Но понимание может быть и должно быть лучшим. <...> ...понимание восполняет текст: оно активно и носит творческий характер» [10, с. 365–366]. Понимание не может быть «лучшим». Если оно «лучше» и «полнее» авторского — оно перестает с ним соотноситься; здесь буквальность является мерилем релевантности. В этом контексте симптоматична бахтинская трактовка понятия «смысл»: «Смыслами я называю *ответы* на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [10, с. 369]. Об ответах на какие вопросы здесь идет речь — авторские или читательские? И что делать в случае, когда последние не совпадают с первыми? М.М. Бахтин категоричен: «дополнять» автора, «понимать, восполняя», т. е. по гамбургскому счету трансформировать интенции произведения, сообразуя их с нашими духовными нуждами. Итоги могут быть сколь угодно любопытными, но к тексту они не будут иметь никакого отношения.

Несвободны от противоречий и некоторые положения Ю.М. Лотмана. Так, совершенно справедливые выкладки о том, что мы «держим в руках “не того” “Евгения Онегина”, которого знали его первые читатели и сам

автор», и о трудновосстановимости «внетекстовых структур пушкинской поры» [12, с. 488] соседствуют с другими тезисами. Например, «...читатель, уже знакомый с “Анной Карениной”, романами Тургенева и Гончарова, “Возмездием” Блока и “Поэмой без героя” Ахматовой, видит в “Евгении Онегине” потенциально скрытые смыслы, ускользавшие от внимания современников» [11, с. 11]. Текст не меняется, изменились читатели, и знание творчества А.А. Блока или А.А. Ахматовой влияет на читательское восприятие, а не на объективные смысловые характеристики «Онегина», оставшиеся неизменными, но современному читателю незнакомые. Читать «Онегина» в последующих контекстах можно, но это будет областью рецептивной эстетики, т. е. к подлинному пониманию текста такое чтение привести не может, только отдалить.

Необходимо различать объективную смысловую емкость произведения и способность текста к смыслопорождению. Смысловая емкость — это текст «в статике», смыслопорождение — это текст «в динамике», жизнь произведения в последующих культурных контекстах. Первая «величина» конечна, вторая — неограниченна до тех пор, пока произведение находит читателя. Бытование классического произведения в последующих социокультурных контекстах — это в первую очередь смыслопорождение, но необходимо учитывать, что большая часть вычитываемого зачастую имеет к тому или иному тексту косвенное отношение. Для современных читателей-зрителей «Вишневого сада» это пьеса об утрате абстрактного прошлого, о смене эпох и т. д. и т. п., но все эти ассоциации часто далеки от конкретных бытовых, исторических реалий пьесы. Немногие сегодня могут понять разницу между Ермолаем Лопахиным и другими купцами А.Н. Островского, а она принципиальна¹. Нет ничего в нашем жизненном опыте, что можно соотнести с опытом Константина Треплева, Нины Заречной или Любви Раневской. Совершенно справедливо об этом пишет Л.Е. Бушканец: «Чехов был теснейшим обра-

зом связан со своим временем. С одной стороны, теперь Чехов стал для нас “всемирным” и вненациональным писателем, раскрылись и раскроются многие философские глубины его произведений. С другой стороны, мы многое потеряли — потеряли понимание того, что Чехов и его читатель, переживая свое время, звучали в унисон, понимание, на какие болезненные для времени начала откликнулся Чехов. Незнание это опасно, во-первых, для наших интерпретаций Чехова — исследователь получает возможность навязывать ему любые смыслы. Во-вторых, опасно и для читателя, который начинает видеть в Чехове просто пожилого человека в пенсне и с палочкой с портретов в школьных кабинетах литературы...» [13, с. 750–751].

Обратимся к конкретным примерам потери чувства дистанции между социокультурными контекстами. У Д.Л. Быкова опубликована статья «Два Чехова». Автор дает спорную дефиницию пошлости, а из нее выводит специфику чеховского абсурда, пронизывающего якобы даже поздние произведения писателя. При этом отобраны формально подходящие тексты, и не сказано о не вписывающихся в концепцию «Мужиках» и «Архиерее» (последний в статье упомянут в ином контексте), а к «поздним» произведениям причислены «Палата № 6» и «Черный монах» (1892 и 1894 гг. соответственно). После чего следует вывод о связи с чеховской традицией творчества В.О. Пелевина. Последний назван одним из «самых талантливых и прямых последователей Чехова». Концепция любопытная, но ее смысловое зерно базируется на ненадежном фундаменте. Определение пошлости, данное Д.Л. Быковым: «Пошлость — все, что человек делает ради самоуважения или чужого восхищения, все, что делается для соответствия образцу, а не по внутреннему побуждению. Когда все цели иллюзорны, а методы скомпрометированы, человеку остается одна задача — самоутвердиться в собственных или чужих глазах» [14, с. 189]. Сравним это с определением слова «пошлый» из словаря В.И. Даля: «...избитый, общеизвестный и надокучивший; вышедший из обычая; неприличный, почитаемый грубым, простым, низким, подлым, площадным; вульгарный, тривиальный» [15, с. 491]. Словарь В.И. Даля

¹ Примером своего рода «злободневной» рецепции, маскирующейся под литературоведение, служат лекции по чеховским произведениям Д.Л. Быкова. «Реальный» А.П. Чехов и его тексты часто не выдерживают напора быковских концепций и с трудом с ними соотносятся.

не является нормативным, но дает представление о круге ассоциаций, связанных со словом «пошлость» во второй половине XIX века. И этот круг далек от неконкретной трактовки Д.Л. Быкова. А.П. Чехов в произведениях употреблял слово не очень часто: 54 раза в 32 произведениях; «пошляк» и «пошлый» употреблены суммарно 71 раз в 48 произведениях [16, с. 203, 409].

Сам факт употребления того или иного слова мало говорит о семантике, которая может быть сугубо «авторской». Однако в одном из чеховских произведений есть отрывок, дающий представление о смыслах «пошлости», которые для А.П. Чехова были доминирующими. Это хрестоматийный финал «Учителя словесности»: «Где я, боже мой? Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости...» (С., т. 8, с. 332)². Основной смысловой фокус здесь — на бытовых, мещанских началах, и соотносить эту конкретику с быковской абстракцией довольно сложно. При этом в ранних рассказах слово лишено той идейной нагрузки, которая наблюдается в «Учителе словесности» или «Палате № 6»: «пошлость» «осколочного» периода — не «пошлость» периодов мелеховского и ялтинского.

Тот факт, что мы вынуждены уточнять значение отдельных, на первый взгляд совершенно понятных нам слов (осознавая в процессе уточнений, насколько это проблематично), во многом девальвирует представления о современном звучании чеховской прозы. Как отмечает Л.Е. Бушканец, «читателю 1890-х гг. не нужно было объяснять, что такое “пошлость”, против которой восстают чеховские герои» [13, с. 18].

Деструктивность любых предварительных установок (актуализация принадлежит к установкам такого рода) ярко подтверждается и негаснущей полемикой вокруг про-

блемы «Чехов и вера». Не вдаваясь в нюансы этого сложного вопроса, остановимся на двух характерных примерах: посвященной А.П. Чехову главе из книги М.М. Дунаева «Вера в горниле сомнений» и статье В.Д. Днепрова «Об атеизме Чехова». Трактовки исследователей, как нетрудно понять по заглавиям, противоположны. М.М. Дунаев рассматривает А.П. Чехова как «православного по духу писателя» [17, с. 664]. По мнению В.Д. Днепрова, писатель «переломил религиозную направленность в искусстве Достоевского и Толстого и возвратил русскую литературу к атеистической основе» [6, с. 65]. Решение проблемы, видимо, не может быть сведено к однозначным формулировкам, вследствие чего обе работы содержат схожий набор методических недочетов: недоказуемые тезисы, вырванные из контекста цитаты, неразличение автора и рассказчика там, где иллюстративный материал черпается в художественных произведениях. Приведем подборку примеров по указанным пунктам (фактически недочетов больше, но нет необходимости разбирать их подробнее).

1. Недоказуемые тезисы. У М.М. Дунаева: «А что конкретно говорил Чехов о своей “вере”? Вот что он писал Суворину 27 марта 1894 года: “Я с детства уверовал в прогресс и не мог не уверовать, так как разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная”. Воспринимать эти слова слишком всерьез — странно. Делать из них вывод, будто веру в Бога Чехов заменяет верой в прогресс — странно в еще большей мере. Чехов вовсе не пренебрегал прогрессом материальным, он прекрасно сознавал все дурные сопутствующие следствия самодовлеющего прогресса» [17, с. 586]. В.Д. Днепров эту же цитату комментирует так: «Против морализма Чехов ставит гуманизм, против религии — культуру, против идеи бога — идею разума, против вечных истин — жизненный опыт» [6, с. 66]. Здесь ошибка в том, что положения, которые необходимо доказывать, фактически берутся как исходные предпосылки, нуждающиеся исключительно в иллюстрациях из произведений или эпистолярного блока (подбираемых и трактуемых выборочно и произвольно).

² Здесь и далее цитаты из чеховских произведений и писем даются по академическому собранию сочинений (Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Москва : Наука, 1973–1984) с указанием в круглых скобках шифра серии (С. — сочинения, П. — письма), номера тома и номера страницы.

2. Вырванные из контекста цитаты.

Пример любопытен тем, что исследователи выписывают противоположное из одних и тех же источников. Из «Скучной истории» М.М. Дунаев цитирует знаменитый отрывок об «общей идее» (С., т. 7, с. 307). Дальнейшие рассуждения: «В “Скучной истории” дан... вариант противопоставления двух типов познания бытия: на уровне религиозного опыта и на уровне рациональном. Николай Степанович страдает именно от отсутствия религиозного осмысления своей жизни, но не понимает этого и все тупо цепляется за основу своего собственного бессилия» [17, с. 619–620]. Никакой религиозный опыт в рассуждениях профессора не подразумевается. Дело в том, что цитирует М.М. Дунаев неточно, заменяя чеховского «бога живого человека» на «Бога» (отсутствие здесь прописной буквы — что принципиально для трактовки данного отрывка — можно проверить по прижизненному изданию чеховских сочинений А.Ф. Маркса). Для концепции В.Д. Днепров повесть полезна пассажем о науке: «Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека...» (С., т. 7, с. 263), и именно это объявляется «чеховским символом веры» [6, с. 72]. Реальная позиция профессора из «Скучной истории» намного сложнее.

3. Неразличение автора и рассказчика. Иллюстрацией могут служить вышеприведенные интерпретации «Скучной истории», но мы отметим два других примера. М.М. Дунаев цитирует письмо А.П. Чехова об отклике Д.С. Мережковского на рассказ «Святой ночью»: «Мережковский моего монаха, сочинителя акафистов, называет неудачником. Какой же это неудачник? Дай бог всякому так пожить: и в бога верил, и сыт был, и сочинять умел...» (П., т. 3, с. 54). Далее у М.М. Дунаева: «...счастье он [Чехов] воспринимает как полноту жизни на трех уровнях: духовном (“в бога верил”), телесном (“сыт был”) и душевном (“сочинять умел”). В жизни Чехова именно неполнота духовная была его мукой» [17, с. 577–578]. На материале художественных произведений такие выводы делать некорректно. Между тем у М.М. Дунаева это методологическая основа работы: «Чехов...

свидетельствовал о духовных событиях своей жизни системой литературных образов, им созданных. В этом смысле все его произведения есть произведения автобиографические» [17, с. 663]. Именно в этих свидетельствах М.М. Дунаев видит чеховскую религиозность. То же у В.Д. Днепров: «Личность писателя с его деликатностью и непреклонностью всегда присутствует в его художественном слове. Тот, кто не замечает самого Чехова во всем, что он рассказывает... тот еще по-настоящему Чехова не читал». Но, в отличие от М.М. Дунаева, В.Д. Днепров делает иной вывод: «Мыслящие, близкие Чехову герои его рассказов совершенные атеисты или люди, равнодушные к вере и не помнящие о ней» [6, с. 91]. Вопрос в подборе материала: для М.М. Дунаева, например, чеховским *credo* становится рассказ «Святой ночью», для В.Д. Днепров — «Рассказ старшего садовника». Ни о каких репрезентативных подборках (т. е. о доказательности) речи не идет.

Рассмотренные работы Д.Л. Быкова, М.М. Дунаева и В.Д. Днепров являют пример подхода к литературному произведению, который можно охарактеризовать формулой «не чтение, а вычитывание». Эссеист, игнорируя любые культурные контексты, стремится показать, насколько чеховское мировосприятие буквально адекватно современному. Атеист представляет писателя позитивистом фейербаховского толка. Под пером православного исследователя А.П. Чехов превращается в православного писателя. Все это лишний раз подтверждает мысль А.Д. Степанова: «Чеховское зеркало не просто отражает читателя: в нем видны пустоты и утопии того, кто в него смотрит» [18, с. 988].

О неизбежной неполноте читательского восприятия рассуждал В.В. Кожинов: «Едва ли можно в наши дни во всем объеме воспринять гомеровские поэмы, “Слово о полку Игореве”, “Божественную комедию”, творчество Рабле, Шекспира, Сервантеса и даже Пушкина без разнообразных литературоведческих комментариев. Под “комментариями” я разумею отнюдь не только постраничные примечания, но и любое — пусть самое обширное — исследование внешних по отношению к произведению как таковому моментов: отражение в нем

исторической реальности, жизни его создателя, воплотившихся в произведении общих законов литературного творчества, особенностей языка, на базе которого оно создано, и т. п. — словом, всей многослойной “почвы”, на каковой произведение выросло» [19, с. 177].

Исходя из конструктивных предпосылок, В.В. Кожин далее отмечает разницу между «обычным» и «великим» произведением: последнее существует как самобытный организм, первое — будучи картинкой эпохи — в соотношении с воссозданной в нем реальностью [19, с. 189–190]. Такие противопоставления симптоматичны и, видимо, некорректны. И «великие», и «обычные» произведения существуют в неразрывной связи с внетекстовой реальностью. Просто в случае с классикой эта связь нивелируется художественным уровнем произведения, авторитетом автора, богатой историей рецепций и трактовок (в том числе полемических) и т. п. Иначе говоря, сложным синтезом текстовых и внетекстовых элементов.

Наконец, утверждения о созвучии чеховского творчества культурному контексту конца XX — начала XXI в. и ожиданиям современных читателей девальвирует сложная история реальных взаимоотношений писателя с читающей публикой его времени. Есть много свидетельств того, что А.П. Чехов как минимум дважды переживал в жизни чувство потери связи с читателем-современником: в конце 1880-х и в начале 1900-х годов.

Первый случай нашел отражение в переписке с А.С. Сувориным. Приведенные ниже цитаты являются хрестоматийными. 23 декабря 1888 г. А.П. Чехов писал издателю: «Бывают минуты, когда я положительно падаю духом. Для кого и для чего я пишу? Для публики? Но я ее не вижу и в нее верю меньше, чем в домового: она необразованна, дурно воспитана, а ее лучшие элементы недобросовестны и неискренни по отношению к нам. Нужен я этой публике или не нужен, понять я не могу» (П., т. 3, с. 98). Три дня спустя А.П. Чехов пишет: «Приятно думать, что работаешь для публики, конечно, но откуда я знаю, что я работаю именно для публики? Сам я от своей работы, благодаря ее мизерности и кое-чему другому, удовлетворения не чувствую, публика же...

по отношению к нам недобросовестна и неискренна, никогда от нее правды не услышишь и потому не разберешь, нужен я ей или нет» (П., т. 3, с. 104). Не располагая, в силу известных обстоятельств, суворинскими ответами, т. е. не имея возможности полноценно проанализировать дискуссию, ограничимся констатацией факта: сомнения в «адресате» собственного творчества у А.П. Чехова в этот период были.

Второй кризис отмечен в переписке и мемуарных текстах. М. Горький писал В.А. Поссе в ноябре 1901 г. из Крыма: «А.П. Чехов пишет какую-то большую вещь и говорит мне: “Чувствую, что теперь нужно писать не так, не о том, а как-то иначе, о чем-то другом, для кого-то другого, строгого и честного”» [20, с. 794]. О желании А.П. Чехова писать «новое» вспоминал режиссер Е.П. Карпов [20, с. 794–795].

Свидетельства этих новых настроений можно найти и в чеховской переписке. Письмо О.Л. Книппер-Чеховой от 1 марта 1903 г.: «Ты сердисься, что я ничего не пишу тебе о рассказах, вообще о своих писаниях. Но, дуся моя, мне до такой степени надоело все это, что кажется, что и тебе и всем это уже надоело, и что ты только из деликатности говоришь об этом. Кажется, но — что же я поделаю, если кажется?» (П., т. 11, с. 168). Ей же от 23 марта 1903 г.: «Такие рассказы [речь идет о “Невесте”] я уже писал, писал много раз, так что нового ничего не вычитаешь» (П., т. 11, с. 184). Следующее послание ей же от 17 апреля 1903 г.: «...пьеса [“Вишневый сад”] наклеивается помаленьку, только боюсь, тон мой вообще устарел, кажется» (П., т. 11, с. 196). Письмо от 10 ноября 1903 г. В.Л. Кигну-Дедлову: «...скучно здесь в Ялте и чувствую, как мимо меня уходит жизнь и как я не вижу много такого, что, как литератор, должен бы видеть...» (П., т. 11, с. 303).

От первого кризиса писатель избавился благодаря сахалинской поездке. Второй оказался тяжелее, привел к поиску новых тем и трактовок (и частичной их реализации в «Невесте»), но преодолен не был, помешала смерть. Однако нам сейчас важен один аспект: любое произведение художественной литературы — это высказывание и в качестве такового предполагает целевую аудиторию. А.П. Чехов в этом плане ориентирован на читателя-современника.

Иными словами, писал А.П. Чехов не для условных потомков, а для людей своей эпохи, язык которой современному читателю необходимо кропотливо изучать или хотя бы осознать дистанцию между нынешней культурой и культурой «чеховской России».

Л.Е. Бушканец отмечает: «...личный читательский или жизненный опыт воспринимающего может быть настолько далек от писательского, что читатель может навязать тексту совершенно случайную интерпретацию. Отличительной особенностью читателя-современника является общность его психологического и эмоционального опыта и опыта писателя... Читатель последующих эпох, потеряв живую связь с эпохой писателя, начинает воспринимать текст как повод, чтобы высказать миру самого себя, и может при этом волюнтаристски навязать тексту любые смыслы» [13, с. 18]. Здесь уместно вспомнить слова С.М. Бонди, которые в статье «Зачем изучать литературное произведение?» приводит В.В. Кожинов: «...литературовед призван положить руку читателя на пульс произведения» [19, с. 195]. Нередки ситуации, когда читатели и ученые, вникая в произведение, держат руку на собственном пульсе, любые колебания которого кажутся им свойствами текста. Велик соблазн согласиться с Ю.М. Лотманом, утверждавшим, что «художественное произведение находится в обратных связях со средой и видоизменяется под ее влиянием» [12, с. 488]. Но целесообразнее признать обратное: меняется в первую очередь среда, после (и вследствие) чего меняется восприятие текстов, и все трансформации связаны исключительно с реципиентами.

Произведения А.П. Чехова написаны на языке давно ушедшей в прошлое культуры, и вместо того, чтобы навязывать ей нынешние культурные ориентиры, умиляясь «современности» А.П. Чехова (Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и др.), продуктивнее пойти более трудным, но точным путем: постараться выучить и понять язык — в широком смысле этого слова — далекой эпохи: от микроуровней — лексических значений слов (выше рассматривался пример с «пошлостью») до культурных реалий.

Структурной схемой такого рода читательских или научных исследований (и од-

новременно резюме того, о чем мы подробно говорили выше) может служить цитата, взятая эпиграфом к данной работе. С.С. Аверинцевым перечислены все основные факторы, учет которых поможет избежать ложной актуализации [21]. Это, во-первых, отдаленность духовного мира культур прошлого — и буквальная (хронологическая, социокультурная), и ментальная. Также это внутренние законы той или иной культуры — культурные коды, специфические для каждого конкретного этапа. Наконец, бытие каждого «мира» внутри самого себя — ориентация каждой культуры на насущное «сегодня» с его эксклюзивными «проклятыми вопросами», которые не наследуются от отца к сыну, а вызревают и разрешаются на относительно коротких исторических дистанциях. Потому-то А.П. Чехов не ответит на запросы нашей беспокойной современности. Учиться у него в этом плане невозможно, но можно увидеть, на какие вопросы и как именно писатель отвечал «там» и «тогда» — в круговороте идей и чаяний России рубежа XIX–XX веков.

Список источников

1. *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
2. *Степанов А.Д.* Вступительное слово на защите докторской диссертации // Чеховский вестник. 2005. № 16. С. 27–36.
3. *Пеньковский А.Б.* Об «антипоэтическом характере» Онегина, или Как читать Пушкина // Исследования поэтического языка пушкинской эпохи. Москва : Знак, 2012. С. 46–74.
4. *Классика и современность* / под ред. П.А. Николаева, В.Е. Хализева. Москва : МГУ, 1991. 256 с.
5. *Нагибин Ю.М.* Наш современник — Чехов // Время жить : [сборник]. Москва : Современник, 1987. С. 308–314.
6. *Днепров В.Д.* С единой точки зрения : литературно-эстетические очерки. Ленинград : Советский писатель, 1989. 376 с.
7. *Белова Л.А.* Антон Чехов — наш современник // Россияне. 1995. № 11–12. С. 109.
8. *Канноне С.* Наш современник Антон Чехов // Прямые инвестиции. 2010. № 3. С. 100–101.
9. *Халин С.М.* Гоголь — наш современник // Ценности и смыслы. 2009. № 2. С. 144–160.

10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. 446 с.
11. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Ленинград : Просвещение, 1983. 416 с.
12. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
13. Бушканец Л.Е. «Он между нами жил...». А.П. Чехов и русское общество конца XIX — начала XX века. Казань : Казанский университет, 2012. 756 с.
14. Быков Д.Л. Два Чехова // Дружба народов. 2010. № 3. С. 189–197.
15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Санкт-Петербург ; Москва, 1907. Т. 3. 893 с.
16. Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова / О.В. Кукушкина, Е.В. Суровцева, Л.В. Лапоница, Д.Ю. Рюдигер ; под общ. ред. А.А. Поликарпова. Москва : МАКС Пресс, 2012. 571 с.
17. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Москва : Издат. совет Рус. православной церкви, 2003. 1056 с.
18. А.П. Чехов: pro et contra / сост. И.Н. Сухих. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2002. 1072 с.
19. Кожин В.В. Зачем изучать литературное произведение? // Контекст-1973. Москва : Наука, 1974. С. 176–195.
20. А.П. Чехов в воспоминаниях современников [сборник] / [подгот. текста и примеч. Н.И. Гитович, И.В. Федорова]. [Москва] : Гослитиздат, 1960. 834 с.
21. Аверинцев А.А. Похвальное слово филологии // Юность. 1969. № 1. С. 98–102.

Whom Did Anton Chekhov Write For? The False and Truth in Classics Actualization

Viktor S. Zaitsev

V.I. Dal State Museum of the History of Russian Literature, 17, Building 1, Trubnikovskiy Lane, Moscow, 121069, Russia
E-mail: vik.zaitsev2014@yandex.ru

Abstract. *The representation of classical literature as relevant and adequate to modern ideological demands has long been firmly rooted in both mass and scientific consciousness. How accurate is this representation? May modern interpreters impose on classical works those meanings that they objectively do not contain? Negative answers to the questions posed are methodologically productive. Scientific interpretation assumes awareness of the socio-cultural and linguistic distance between the researcher and the object of study. A consequence of this distance's violation is false actualization analyzed in the article, which leads to aberrations of perception and analysis of classical literature texts in general and Chekhov's heritage (considered as indicative illustrative material) in particular. Actualization is a kind of preliminary concept that pre-*

cedes the text interpretation. The analysis of Chekhov's worldview and works interpretations (carried out by M.M. Dunaev, V.D. Dneprov, D.L. Bykov) demonstrates the inadequacy of the results of such interpretations. Characteristically, M.M. Dunaev and V.D. Dneprov, proving diametrically opposite points of view (concerning Orthodox and atheistic character of Chekhov's works) operate with a similar set of scientifically incorrect assumptions: quotes taken out of the context, nondistinction of the author and the narrator, etc. Moreover, the complex history of the writer's real relationship with the reading public of his time is discordant with the statements about the harmony of Chekhov's creativity with the cultural context of the late 20th — early 21st century. There is a lot of evidence that Chekhov experienced, at least twice in his life, a sense of loss of connection with his contemporary readers. This is confirmed by letters and memoirs of eyewitnesses of the relevant periods (late 1880s and early 1900s). The crises indicate that the writer consciously focused on the needs of his contemporary readers. A.P. Chekhov wrote for the people of the era the language of which needs to be studied by modern readers and interpreters. This is the only condition for the adequacy of interpretations, non-compliance with which leads to the erroneous actualization of classical heritage.

Key words: A.P. Chekhov, reception, classical literature, interpretation, false actualization.

Citation: Zaitsev V.S. Whom Did Anton Chekhov Write For? The False and Truth in Classics Actualization, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 502–511. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-502-511.

References

1. Gasparov M.L. *Zapisi i vypiski* [Notes and Excerpts]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2001, 416 p.
2. Stepanov A.D. Opening Speech at the Defense of Doctoral Dissertation, *Chekhovskii vestnik* [Chekhov Bulletin], 2005, no. 16, pp. 27–36 (in Russ.).
3. Penkovsky A.B. On the “Anti-Poetical Nature” of Onegin, or How to Read Pushkin, *Issledovaniya poeticheskogo yazyka pushkinskoi epokhi* [Studies of the Poetic Language of Pushkin’s Epoch]. Moscow, Znak Publ., 2012, pp. 46–74 (in Russ.).
4. Nikolaev P.A., Khalizev V.E. (eds). *Klassika i sovremennost’* [Classics and Modernity]. Moscow, MGU Publ., 1991, 256 p.
5. Nagibin Yu.M. Our Contemporary — Chekhov, *Vremya zhit’* [Time to Live]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 308–314 (in Russ.).
6. Dneprov V.D. *S edinoi točki zreniya: literaturno-esteticheskie ocherki* [From a Single Point of View: Literary and Aesthetic Essays]. Leningrad, Sovetskii Pisatel’ Publ., 1989, 376 p. (in Russ.).
7. Belova L.A. Anton Chekhov — Our Contemporary, *Rossiyanе* [Russians], 1995, no. 11–12, p. 109 (in Russ.).
8. Kannone S. Our Contemporary Anton Chekhov, *Pryamyie investitsii* [Direct Investments], 2010, no. 3, pp. 100–101 (in Russ.).
9. Khalin S.M. Gogol — Our Contemporary, *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2009, no. 2, pp. 144–160 (in Russ.).
10. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1986, 446 p.
11. Lotman Yu.M. Roman A.S. Pushkina “Evgenii Onegin”. *Kommentarii* [Eugene Onegin by Alexander Pushkin. A Comment]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1983, 416 p.
12. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The Structure of Artistic Text. Poetic Text Analysis]. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2016, 704 p.
13. Bushkanets L.E. “On mezhdū nami zhil...” A.P. Chekhov i russkoe obshchestvo kontsa XIX — nachala XX veka [“He Lived among Us...” A.P. Chekhov and the Russian Society of the Late 19th — Early 20th Century]. Kazan, Kazanskii Universitet Publ., 2012, 756 p.
14. Bykov D.L. Two Chekhovs, *Druzhba narodov* [Peoples’ Friendship], 2010, no. 3, pp. 189–197 (in Russ.).
15. Dal V.I. *Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg, Moscow, 1907, vol. 3, 893 p.
16. Polikarpov A.A. (ed.) *Chastotnyi grammatiko-semanticheskii slovar’ yazyka khudozhestvennykh proizvedenii A.P. Chekhova* [Frequency Grammatical-Semantic Dictionary of the Language of Literary Works of A.P. Chekhov]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2012, 571 p.
17. Dunaev M.M. *Vera v gornile somnenii* [Faith in the Crucible of Doubt]. Moscow, Izdat. Sovet Rus. Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2003, 1056 p.
18. Sukhikh I.N. (ed.) *A.P. Chekhov: pro et contra*. St. Petersburg, Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta Publ., 2002, 1072 p. (in Russ.).
19. Kozhinov V.V. Why Should We Study a Literary Work? *Kontekst-1973* [Context-1973]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 176–195 (in Russ.).
20. *A.P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* [A.P. Chekhov in Memoirs of his Contemporaries], Goslitizdat Publ., 1960, 834 p.
21. Averintsev A.A. A Laudable Word of Philology, *Yunost’* [Youth], 1969, no. 1, pp. 98–102 (in Russ.).

ТРЕБОВАНИЯ К ИНФОРМАЦИИ И СТАТЬЯМ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

Редакция принимает только оригинальные, не публиковавшиеся ранее научные статьи и иные материалы научного характера по культуре и искусству в соответствии с тематикой основных разделов. Текст статьи направляется через систему электронной редакции на сайте <http://observatoria.rsl.ru> в формате Microsoft Word.

Весь текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 12 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Объем статьи – от 18 до 30 тысяч знаков с пробелами (без учета реферата, ключевых слов, примечаний, списка источников).

СТРУКТУРА ТЕКСТА:

Сведения об авторе/авторах – имя, отчество, фамилия, место работы (в именительном падеже), подразделение, должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты, почтовый адрес организации – размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности.

Индексы УДК и ББК (по Средним таблицам), раскрывающие тематическое содержание статьи.

Название статьи.

Реферат – краткое изложение статьи по следующей структуре: актуальность проблематики и новизна решения, главные содержательные аспекты. Объем – 200–250 слов. Размещается после названия статьи.

Ключевые слова по содержанию статьи

(8–10 слов) размещаются после реферата.

Основной текст статьи желательно разбить на подразделы (с подзаголовками).

Список источников (не менее 20 наименований) оформляется в соответствии с принятым стандартом (ГОСТ Р 7.0.5–2008), выносится в конец статьи. Источники даются в порядке упоминания в статье. Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница]. При оформлении списка источников автоматическая нумерация текстового редактора не используется.

Примечания нумеруются арабскими цифрами, оформляются как автоматические сноски в конце страницы. Если работа выполнена в рамках гранта РГНФ (или другой организации), эта информация приводится в виде первого примечания к названию статьи.

Подписуточные подписи оформляются по схеме: название/номер иллюстрации – пояснения к ней (что/кто изображен, где; для изображений обложек книг и их содержимого – библиографическое описание; и т. п.). Имена файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы предоставляются в электронной форме отдельными файлами через систему электронной редакции как дополнительные материалы в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 400 dpi, не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в Microsoft Word, а также их ксерокопий.

Материалы на английском языке – информация об авторе/авторах (в том числе официальное название учреждения на английском языке), название статьи, реферат, ключевые слова (в том же объеме и порядке, как в русском тексте) – в отдельном файле Microsoft Word через систему электронной редакции как дополнительные материалы. Журнал также публикует список источников на английском языке в целях обеспечения отслеживания цитируемости в международных базах данных. Рекомендации по подготовке раздела References опубликованы на сайте журнала.

Предоставляя свои статьи в журнал, авторы гарантируют, что они обладают исключительными правами на передаваемый для публикации материал, который является их оригинальным, нигде ранее не публиковавшимся произведением. Правовые вопросы, связанные с публикацией в журнале, включая обязательства сторон (автора и издателя), регулируются на основе Публичной оферты и подписанного автором Акцепта.

Полная версия Требований опубликована на сайте журнала: <http://observatoria.rsl.ru/>

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных требований, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ИСКУССТВО

В НОВОМ ФОРМАТЕ

iPad
ВЕРСИЯ ЖУРНАЛА



СКАЧИВАЙТЕ
НОВЫЙ НОМЕР



Available on the
App Store



20 Международная ярмарка интеллектуальной литературы

Почетный гость ярмарки – Италия

Разделы ярмарки:

Научно-популярная и
художественная литература
Детская литература и площадка
«Территория познания»
Гастрономическая книга
Антикварная книга
и букинистика
Vinyl Club

non/fiction №20

События:

30 ноября – День библиотекаря
2 декабря – Форум иллюстраторов



28 ноября – 2 декабря
ЦДХ, Москва, Крымский вал, 10
moscowbookfair.ru

INTERNATIONAL PROJECT
EXPO-PARK

Министерство культуры Российской Федерации
Российская библиотечная ассоциация
Российская государственная библиотека
Издательство «Пашков дом»

В рамках Международной ярмарки интеллектуальной литературы **non/fictio № 20** (28 ноября — 02 декабря 2018 г., Москва, Центральный дом художника) состоится круглый стол «Издательская деятельность библиотек: настоящее и будущее»

Темы для обсуждения:

- Задачи книгоиздательской деятельности библиотек на современном этапе
- Репертуар книг по библиотековедческой и книговедческой тематике
- Способы и формы финансирования книгоиздательской деятельности библиотек: госзаказ, гранты, спонсорские средства и т. д.
- Основные проблемы в книгоиздании и книгораспространении литературы библиотечной тематики
- Читательская аудитория: изучение и анализ информационных потребностей
- Участие в мероприятиях по поддержке чтения и пропаганде книжной культуры

Приглашаем к участию представителей библиотек, издательств, книгораспространителей, всех, кому не безразлично будущее интеллектуальной книги

**Заседание круглого стола
состоится 29 ноября 2018 г.
в литературном кафе (зал № 13)
с 16.00 до 18.00**

Информационная поддержка
журналы: «Библиотековедение», «Обсерватория культуры»,
«Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии», «Искусство»

Издательство
Российской
государственной
библиотеки
«Пашков дом»
готовит к изданию



РОССИЙСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА на страницах МОСКОВСКИХ ГАЗЕТ

Библиографический указатель,
подготовленный по фондам Российской
государственной библиотеки. Это панорама
московской литературной жизни начала XX века.
Указатель содержит информацию о 400 литераторах,
среди которых видные писатели, поэты и публицисты
начала XX столетия и из менее известные
и незаслуженно забытые современники.

Справки и заказ изданий:
119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
ФГБУ «Российская государственная
библиотека»

Отдел книжных изданий
E-mail: Pashkov.Dom.Book@rsl.ru
Тел.: +7 (499) 557-04-70, доб. 25-72
http://store.rsl.ru/service/pashkov_dom

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖУРНАЛА «ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

Журнал «Обсерватория культуры» адресован исследователям, преподавателям и учащимся в сфере культурологии, искусствоведения и философии, а также широкой читательской аудитории.

Журнал в печатной форме распространяется через подписные агентства, его можно приобрести на крупных книжных выставках-ярмарках, в рамках некоторых культурологических конференций, а также в редакции.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА

Приобрести отдельные номера журнала можно в розничном магазине Российской государственной библиотеки по адресу:

Воздвиженка ул., д. 3/5, 1 подъезд.

Не только приобрести отдельные номера, но и оформить договор подписки можно в редакции по адресу:

Воздвиженка ул., д. 1

(вход со стороны ул. Моховая, от поста охраны позвонить).

тел.: +7 (499) 557-04-70, доб. 11-75

e-mail: bvdogovor@rsl.ru

ПОДПИСНЫЕ АГЕНТСТВА

◆ Подписные индексы по Объединенному каталогу «Пресса России» — 12141 (полугодовой), 93613 (годовой).

◆ Подписку на журнал можно оформить через любое подписное агентство, работающее в Вашем регионе.

В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ

Платная полнотекстовая версия журнала «Обсерватория культуры» (в цифровой форме) доступна на сайтах агентств-распространителей. У некоторых есть возможность не только подписки, но и приобретения и последующего скачивания отдельных номеров журналов или статей:

◆ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25173>

◆ East View «Библиотечное дело и информационное обслуживание» (UDB-LIB) <http://ebiblioteka.ru/browse/publication/32347>

◆ Агентство «Книга-Сервис»: «Пресса по подписке» <http://www.akc.ru/rucont/itm/279322/>

◆ Национальный цифровой ресурс Руконт <http://rucont.ru/efd/279322>

Редакция журнала ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Главный редактор

Никонорова Екатерина Васильевна,
доктор философских наук, профессор

Заместитель главного редактора — ответственный секретарь

Шибяева Екатерина Александровна

Заместитель заведующей отделом периодических изданий — заместитель главного редактора

Гаджиева Анна Аркадьевна

Редакторы: Баранчук Е.П.,
Волхонская Е.Н., Михайлова Т.М.,
Рыжкова Н.О., Солдаткина О.П.

Электронная версия

Баранчук Ю.Н.

Индексирование Адаменко А.С.

Перевод: Зуев А.Е., Осецкая Н.С.

Маркетинг и реклама:

Амелина М.Н.

Начальник отдела предпечатной

подготовки Медведева Т.Т.

Верстка Епифанова Н.В.

Дизайн макета Морозова Е.С.

Набор: Медведева М.А., Подоляк Н.В.

Технический редактор Соловьева Н.В.

Корректоры: Дедова Н.В.,
Коршунова Г.В., Макаров А.Н.

Адрес Редакции:

Отдел периодических изданий

Воздвиженка ул., д. 3/5,

Москва, 119019, Россия,

тел.: +7 (499) 557-04-70, доб. 11-75

e-mail: observatoria@rsl.ru

<http://observatoria.rsl.ru>



Чтобы перейти на сайт журнала, снимите этот QR-код с помощью смартфона или планшета, предварительно установив приложение типа QR Code Reader.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации

ПИ № 77С16687 от 10 ноября 2003 г.
Издается с 2004 г.

Учредитель и издатель

ФГБУ «Российская государственная библиотека»

Подписано в печать 16.10.2018

Формат 60×90/8. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 16. Тираж 350 экз.

Гарнитура: «Octava», «Helios»

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит» Чернышевского ул., д. 88,
Саратов, 410004, Россия
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru <http://amirit.ru>
Заказ №

Свободная цена.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов статей и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных. Все права защищены, перепечатка статей (полная или частичная) допускается при условии письменного разрешения редакции.

ISSN 2072-3156 (PRINT)
ISSN 2588-0047 (ONLINE)

ОБСЕРВАТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 15

4/2018

OBSERVATORY
OF CULTURE

